

ISSN 2219-6242 (Print)

DOI 10.35854/2219-6242

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

2022. Т. 14. № 3

Scientific Journal

SOCIOLOGY AND LAW

2022. Vol. 14. No. 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

Заместитель главного редактора

А. Б. ЧЕРНЫХ

доцент кафедры трудового права и социального обеспечения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат социологических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г. А. о. АГАЕВ

профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. БЕРГМАНН

член ученого совета Европейской академии наук и искусств, руководитель рабочей группы «Наука и образование» форума «Петербургский диалог» с германской стороны, доктор юридических наук, профессор (Берлин, Германия)

А. А. БЕСЧАСНАЯ

профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. БОЕР

профессор кафедры гражданского права Института технологий предпринимательства и права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Санкт-Петербург, Россия)

С. С. БРАЗЕВИЧ

профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. БУГЕЛЬ

профессор кафедры гражданского и международного частного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (Санкт-Петербург, Россия)

И. И. ЕЛИСЕЕВА

заведующий сектором Социологического института РАН, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия)

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ

заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. КЕЧИНА

профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, доктор социологических наук, профессор (Минск, Беларусь)

В. А. КЛИМЕНКО

советник департамента гуманитарного сотрудничества, общеполитических и социальных проблем Исполнительного комитета СНГ, кандидат экономических наук, доктор социологических наук, профессор (Минск, Беларусь)

С. Ю. КОСАРЕВ

профессор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Я. А. МАРГУЛЯН

профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. МАРКОВ

заведующий кафедрой международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО

профессор кафедры государственного и международного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. М. ОГАНЕСЯН

профессор кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Н. Н. ПОКРОВСКАЯ

профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. СИЛИНА

профессор кафедры гражданского процессуального права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

А. Г. ТЮРИКОВ

руководитель департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета, доктор социологических наук, профессор (Москва, Россия)

В. Б. ШАБАНОВ

заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Минск, Беларусь)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief

E. V. VOSKRESENSKAYA

Director of the Juridical Institute of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief

A. B. CHERNYKH

Associate Professor at the Department of Labor Law and Social Security, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, PhD in Sociology

EDITORIAL BOARD

G. A. o. AGAEV

Professor at the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

W. BERGMANN

Member of the Senate of the European Academy of Sciences and Arts, Head of the Science and Education task group at the St. Petersburg Dialogue Forum from the German side, Doctor of Law, Professor (Berlin, Germany)

A. A. BESCHASNAYA

Professor at the Department of State and Municipal Administration of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Sociological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

V. M. BOER

Professor at the Department of Law of the Institute of Entrepreneurship Technologies and Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

S. S. BRAZEVICH

Professor at the Department of International Relations, Media Studies, Political Science, and History of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

N. V. BUGEL

Professor at the Department of Civil and International Private Law of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

I. I. ELISEEVA

Sector Manager of the Sociological Institute of the RAS, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

N. N. ZHILSKIY

Head of the Department of Legal Regulation of Urban-Planning Activities and Transport of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

E. A. KECHINA

Professor at the Department of Sociology of the Belarusian State University, Doctor of Sociological Sciences, Professor (Minsk, Belarus)

V. A. KLIMENKO

Advisor to the Department for Humanitarian Cooperation, General Political and Social Problems of the CIS Executive Committee, PhD in Economics, Doctor of Sociological Sciences, Professor (Minsk, Belarus)

S. Yu. KOSAREV

Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Ya. A. MARGULYAN

Professor at the Department of Sociology and Personnel Management of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

A. A. MARKOV

Head the Department of International Relations, Media Studies, Political Science, and History of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

Yu. V. MISHALCHENKO

Professor at the Department of State and International Law of the St. Petersburg State Maritime Technical University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

S. M. OGANESYAN

Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

N. N. POKROVSKAIA

Professor at the Department of Public Relations and Advertising of the Herzen University, Doctor of Sociological Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

E. V. SILINA

Professor at the Department of Civil Procedure Law of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

A. G. TYURIKOV

Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor (Moscow, Russia)

V. B. SHABANOV

Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor (Minsk, Belarus)

Редакция

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ О. В. ЯРЦЕВА
Выпускающий редактор В. В. САЛИНА
Редактор-корректор Е. С. ЧУЛКОВА
Компьютерная верстка М. Ю. ШМЕЛЁВ

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

Адрес редакции и издателя

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а. Тел.: (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором), регистрационный номер ПИ № ФС77-67818 от 28.11.2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© Все права защищены.

Сайт журнала: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Типография

Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Подписка

Каталог АО «Почта России». Подписной индекс: ПП620

Издается с 2009 г. Периодичность: четыре раза в год. Свободная цена.

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ

Сдано в набор 01.09.2022. Формат 84×108¹/₁₆.

Дата выхода в свет 30.09.2022.

Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 10,4. Усл. печ. л. 15,54.

Тираж 100 экз. Заказ № 903.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

Журнал «Социология и право» включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Социология и право» обязательна.

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в международную справочную систему по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в сети Интернет по адресу <https://elibrary.ru/> (научная электронная библиотека)

РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы).

Editorial staff

Head of Publishing and Printing Center O. V. YARTSEVA
Managing Editor V. V. SALINA
Copy Editor E. S. CHULKOVA
Pre-Press M. Yu. SHMELEV

Founder and Publisher

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Official address of the Editoriat Office and Publisher

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia. Phone (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Reg. PI No. FS77-67818 (28.11.2016)

ISSN 2219-6242 (Print)

© All rights reserved.

Web-site: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Printing office

Publishing and Printing Center of the St. Petersburg University
of Management Technologies and Economics,
44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia

Subscription

Catalogue "Russian Post". Subscription index: PP620

Published since 2009. Frequency: four times a year. Free-of-control price.

For purchase request, contact the publishing house of the UMTE

Sent to the printer 01.09.2022. Format 84×108¹/₁₆.

Release date 30.09.2022.

Offset paper.

Published pages: 10,4.

Conventional printed pages: 15,54.

Circulation 100 copies. Order No. 903.

Distinguished authors and readers of the magazine!

The magazine «Sociology and Law» is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals, recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of the main scientific dissertations for doctorate and PhD academic degrees.

The point of view of the editorial office may not coincide with the opinions of the authors of the articles.

When reprinting the link to the magazine "Sociology and Law" is obligatory.

The information concerning editions and publications is included in the international reference system for periodicals and continuing publications "Ulrich's Periodicals Directory".

The articles of the magazine are included in the Russian Science Citation Index (RSCI), available on the Internet by the link: <https://elibrary.ru/> (scientific electronic library) RSCI is the data base, including bibliographic information extracted from the text of articles and article references (list of references).

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Покровская Н. Н., Маргулян Я. А.</i> Гражданская наука как форма социальной активности молодежи и привлечения волонтеров в научно-исследовательские проекты в мобилизационной экономике знаний	256
<i>Мороз Е. В., Первова И. Л.</i> Социальная трансмиссия разновозрастных групп населения в контексте устойчивого развития российского общества	274
<i>Козлова И. В., Брюно В. В.</i> К проблеме формирования социального достоинства в образовательной системе	284
<i>Ларина Е. В.</i> О современном состоянии проблемы кибербуллинга	299
<i>Ильина И. А., Десятов Б. С., Струлев И. К.</i> Инфлюенс-маркетинг как социальная технология продвижения образовательных услуг	306

Право в жизни государства и личности

<i>Кузьмин А. В., Оганесян С. М., Колмогоров М. В.</i> Сравнительно-правовой анализ активного избирательного права осужденных к лишению свободы	318
<i>Дронова О. Б., Тарасова В. И.</i> Источники доказательственной информации, подлежащие изучению при расследовании дорожно-транспортных преступлений с участием маршрутных транспортных средств	324
<i>Зернов А. О., Воскресенская Е. В.</i> Предоставление субсидии из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации — государственная услуга?	332
<i>Семенов А. В.</i> К вопросу об иерархии отечественной системы формально-юридических источников права	339
<i>Макаров Д. А., Гуменюк Г. Х., Мартынюк Д. А.</i> Особенности соотношения административной и дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих	346
<i>Ратникова О. Д., Маторина О. С., Меретукова О. Г.</i> Обзор организационно-методических подходов взаимодействия и привлечения добровольцев (волонтеров) к деятельности в области обеспечения пожарной безопасности и оказания помощи населению Германии	354
<i>Хромов А. В., Готовский А. С.</i> Административно-правовое регулирование добровольных народных дружин в России и Норвегии: сравнительный анализ	365
<i>Рязанова Е. Н.</i> Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступные деяния в сфере экономики с использованием информационно-коммуникационных технологий	375
<i>Чангли И. Д.</i> Реформирование государственного механизма Советского государства в 1985–1991 гг.: экономический, социальный и правовой аспекты	383

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Pokrovskaiia N. N., Margulyan Ya. A.</i> Citizen science as a form of social empowerment of youth and volunteers' engagement in research in the context of mobilized economy of knowledge	256
<i>Moroz E. V., Pervova I. L.</i> Social transmission of different generations in the context of sustainable development of Russian society	274
<i>Kozlova I. V., Bryuno V. V.</i> Formation of social dignity through the education system	284
<i>Larina E. V.</i> On the current state of the problem of cyberbullying	299
<i>Ilyina I. A., Desyatov B. S., Strulev I. K.</i> Influence marketing as a social technology for the promotion of educational services	306

The Law in a State and Person Life

<i>Kuzmin A. V., Oganessian S. M., Kolmogorov M. V.</i> Comparative legal analysis of the active electoral right of prisoners	318
<i>Dronova O. B., Tarasova V. I.</i> Sources of evidentiary information to be studied in the investigation of road traffic crimes involving route vehicles	324
<i>Zernov A. O., Voskresenskaya E. V.</i> Provision of subsidies from the budgets of the budgetary system of the Russian Federation — a public service?	332
<i>Semenov A. V.</i> Revisiting the hierarchy of the national system of legalistic sources of law	339
<i>Makarov D. A., Gumenyuk G. Kh., Martynyuk D. A.</i> Features of the ratio of administrative and disciplinary responsibility of state civil servants	346
<i>Ratnikova O. D., Matorina O. S., Meretukova O. G.</i> Review of organizational and methodological approaches to interaction and involvement of volunteers in activities in the field of fire safety and assistance to the population of Germany	354
<i>Khromov A. V., Gotovskiy A. S.</i> Administrative and legal regulation of voluntary people's squads in Russia and Norway: A comparative analysis	365
<i>Ryazanova E. N.</i> Criminological characteristics of the personality of a criminal who commits criminal acts in the sphere of the economy using information and communication technologies	375
<i>Changli I. D.</i> Reforming the state mechanism of the Soviet State in 1985–1991: Economic, social and legal aspects	383

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА SOCIAL PROBLEMS OF A SOCIETY

Научная статья

УДК 167.7

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-256-273

Гражданская наука как форма социальной активности молодежи и привлечения волонтеров в научно-исследовательские проекты в мобилизационной экономике знаний

Надежда Николаевна Покровская^{1, 2, 3✉}, Яков Аронович Маргулян⁴

¹ Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия, n.pokrovskaja@spbacu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0795-8102>

³ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, npr@herzen.spb.ru

⁴ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, ymargulyan@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена систематизации подходов к стимулированию участия молодежи в научной добровольческой деятельности в условиях экономики, мобилизованной для производства и внедрения новых знаний и обеспечения лидерства страны в глобальном инновационном росте. Потребности российского общества в вовлечении молодых категорий населения в реализацию гражданской науки изучены в рамках теоретического социально-управленческого анализа и политической экономики. Утверждается, что гражданская наука опирается на социокультурную регуляцию мотивов молодых людей к участию в национальных проектах научных исследований, что делает актуальным систематизацию мотивов и потребностей обращения молодежи к гражданской науке. В статье приведены результаты теоретического анализа мотивации участия молодых граждан в научных проектах. На базе анализа кейса и вторичных исследований сформулированы основные рекомендации по организации и стимулированию вовлечения молодежи в гражданскую науку. Представлены специфика и требования мобилизационной экономики к отраслям производства знаний, сформулированы задачи по вовлечению граждан в научные проекты, определены существенные характеристики открытой науки, гражданской науки; выявлены ключевые подходы к привлечению молодых категорий населения как волонтеров в исследовательскую деятельность на основе их мотивации. Авторами изложены некоторые практические рекомендации по применению управленческих инструментов для стимулирования участия молодежи в гражданской науке. Сформированы подходы к мотивации участия молодых людей в научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: гражданская наука, социальная активность молодежи, социально-экономические исследования, волонтеры, научные исследования, открытая наука, экономика знаний, инновационный рост

© Покровская Н. Н., Маргулян Я. А., 2022

Для цитирования: Покровская Н. Н., Маргулян Я. А. Гражданская наука как форма социальной активности молодежи и привлечения волонтеров в научно-исследовательские проекты в мобилизационной экономике знаний // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 256–273. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-256-273>

Original article

Citizen science as a form of social empowerment of youth and volunteers' engagement in research in the context of mobilized economy of knowledge

Nadezhda N. Pokrovskaja^{1, 2, 3✉}, Yakov A. Margulyan⁴

¹ St. Petersburg Electrotechnical University “LETI”, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia, n.pokrovskaja@spbacu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0795-8102>

³ Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, nnp@herzen.spb.ru

⁴ St. Petersburg State Economic University, St. Petersburg, Russia, ymargulyan@ya.ru

Abstract. The article reflects the systematization of approaches to stimulating the participation of young people in scientific volunteering in an economy mobilized to produce and implement new knowledge and ensure the country's leadership in global innovative growth. The needs of Russian society in involving young categories of the population in the implementation of citizen science have been studied within the framework of theoretical socio-administrative analysis and political economy. Open citizen science is based on the socio-cultural regulation of the motives of young people to participate in national research projects, which makes it very important to systematize the motives and needs of young people to turn to citizen science. The article presents the results of a theoretical analysis of the motivation for the participation of young citizens in scientific projects, based on the analysis of the case study and secondary research, the main recommendations for organizing and stimulating the involvement of young people in citizen science are formulated. The article presents the specifics and requirements of the mobilization economy for the branches of knowledge production; the tasks of involving citizens in scientific projects are formulated; the essential characteristics of open science, citizen science are determined; the main approaches to attracting young categories of the population as volunteers in research activities based on their motivation are identified. The article also provides some practical recommendations on the use of managerial tools to stimulate youth participation in citizen science. Formed approaches to the motivation of young people's participation in research activities.

Keywords: citizen science, open science, social activity of youth, socio-economic research, volunteers, scientific research, open science, knowledge economy, innovative growth

For citation: Pokrovskaja N. N., Margulyan Ya. A. Citizen science as a form of social empowerment of youth and volunteers' engagement in research in the context of mobilized economy of knowledge. *Sociology and Law. 2022;14(3):256-273.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-256-273>

Введение

В течение последних десятилетий, начиная с последней трети XX в., человечество прожило период общественных изменений, вызванных насыщением рынков товарами массового промышленного производства, что привело к постепенному исчерпанию силы потребительских мотивов: закон убывания полезности по мере потребления привел к росту значимости иных, непотребительских,

ценностно-смысловых регуляторов поведения, прежде всего молодежи. Геополитические изменения начала 2022 г. привели к переосмыслению фундаментального содержания гражданственности, роли граждан в успехе страны в мирохозяйственной системе экономики знаний и мировом месте страны в условиях инновационного роста, основанного на научно-исследовательских и интеллектуальных результатах.

За восемь лет, с 2014 по 2022 г., российское общество прошло этапы становления социокультурной модели, которую в социально-экономической науке принято называть мобилизационной: в политической, хозяйственной и общественной сферах ресурсы страны направляются на решение острых актуальных проблем. В 2014–2022 гг. проблематизация развития российского общества связана как с внешней агрессией (пять волн приближения НАТО к границам России, угроза создания ядерного оружия Украиной, высказанная 17 февраля 2022 г. ее президентом В. Зеленским, три волны санкций в марте-июле 2014 г.), так и с внутренними проблемами. Среди внутренних проблем — информационное давление глобальных сетей, сведение школьного образования до уровня потребления готовых ответов вместо освоения навыка задавать вопросы, исконно русское уважение к чужим цивилизационным успехам и свойственное современному цифровому обществу ускорение принятия решений с помощью клипового мышления вместо критического анализа и продуманной стратегии. Это в совокупности привело к принятию целой системы решений, отбросивших за последние три десятилетия российское общество на второстепенные позиции в мире.

Вместе с тем единение российского населения в противостоянии внешнему давлению опирается на гражданскую общественную активность. Экономика знаний и инновационного роста формируется на основе научно-исследовательской деятельности. Знания служат сегодня фундаментом роли национальной экономики в глобальной модели цепочек создания ценности. Поэтому наука (государственная, корпоративная и гражданская) выступают ключевой сферой деятельности в общественной системе и предметом настоящего исследования.

На стыке трех актуальных групп факторов — общественной активности, мобилизации российского населения и роли знаний в мирохозяйственной системе отношений — построен аналитический материал, представленный в настоящей статье.

Методы исследования

Нами применена методология научного анализа и синтеза, проведены такие виды анализа, как:

- теоретический — опирается на операционализацию понятийно-терминологического аппарата на основе сопоставления содержания используемых концептуальных понятий и уточнения их определения для целей исследования;
- эмпирический — анализ примеров гражданской науки и кейса по эксперименту в рамках экологического исследования;
- вторичный — анализ результатов исследований мотивации волонтеров, участвующих в разнообразных проектах, включая научно-исследовательские.

С учетом указанной методологии сформулированы главные выводы о мотивации молодежи к участию в проектах гражданской науки. На основе сформулированных мотивов предложен ряд рекомендаций по организационно-управленческим инструментам для привлечения молодежи в качестве волонтеров к научно-исследовательской деятельности.

Теоретический анализ

Для дальнейшего анализа необходимо провести операционализацию таких используемых понятий, как мобилизационная экономика, экономика знаний и инновационный рост, социальная активность, гражданская наука и молодые волонтеры в науке.

В статье мы будем понимать под термином «мобилизационная экономика» мобилизационную модель экономического развития. Хотя эти два понятия и различают некоторые исследователи, например, профессор Института российской истории (ИРИ) РАН, доктор исторических наук А. С. Сенявский [1, с. 143]. «Мобилизация» в понятии мобилизационной экономики имеет три смысла:

— во-первых, активизация — приведение в движение, в полезное действие созидательных сил, которые есть в каждом человеческом существе (даже в глубокой старости человеческий мозг продолжает процессы построения и разрушения нейронных связей) и в человеческом капитале в организованной группе, коллективе (учитывая эффекты масштаба и синергии при разделении труда и специализации), в социопрофессиональном сообществе, этнорелигиозной и культурно-цивилизационной общности, национальном государстве (учитывая ценностно-мотивационные и аксиологические инструменты регуляции поведения через активацию потребностей [2]);

— во-вторых, целеполагание — постановка более сбалансированных целей, на шкале времени между кратко- и долгосрочным прогнозным целевым состоянием (устойчивые цели наряду с ситуативными клиповыми импульсами, навязываемыми рекламой, СМИ или социальными сетями), по способу активации потребности (между эмоциями и разумом), по субъекту (между индивидом и коллективом) [3];

— в-третьих, сокращение цепочек управленческих действий, времени процессов воплощения решений в жизнь, выпрямление бизнес-процессов [4], если промежуточные точки передачи (включая дисфункциональные трансформации решений с утратой смысла и содержания) и посредники должны быть по возможности исключены.

В этом аспекте мобилизационная экономика сегодня прежде всего решает задачу нового равновесия между сиюминутным интересом индивида (в его клиповом, эмоциональном восприятии и молниеносном реагировании, которое эволюционно видится важным, поскольку позволило нашим предкам сначала убежать от тигра и лишь затем его анализировать, рисовать на стене пещеры и придумывать заграждения или оружие против него) и его же интересом долгосрочным, зависящим от коллективного блага.

Индивид не может быть оторван от общества, сообщества, семьи (домохозяйства) и потому, что его ценности определяются культурой (так, китайцы инвестируют из США в Китай, чтобы повысить свой социальный статус в своей среде, в своей общине, своем обществе), и потому, что благополучие индивида в огромной мере определяется благосостоянием среды на территории (города, региона и страны), на которой он проживает, что по меньшей мере становится очевидным в случаях с преступлениями, совершаемыми беднотой против более состоятельных членов общества.

Определить понятие мобилизационной экономики для целей настоящего исследования можно через характеристику, которая дана С. Ю. Глазьевым [5]. Это — тип экономики, принятый с 1995 г. в Китае, с обширным рыночным инструментарием на основе системы стратегического планирования с соответствующими механизмами ответственности, подчинением денежно-кредитной и всех

других сфер экономической политики целям экономического роста и подъема благосостояния населения.

Гражданская инициативная активность или социальная активность молодежи рассматривается в настоящей статье с точки зрения индивидуального и коллективного действия молодых граждан государства (наиболее мобильных и активных демографических категорий населения страны). Это действие «покрывает лакуны» рынка и государства, то есть заполняет те сферы и решает те проблемы, которые не решают ни государственные органы в рамках своей деятельности, ни частное предпринимательство, ориентированное на максимизацию извлечения прибыли.

Проблематизация выбора либо рыночной, либо плановой модели экономики неочевидна. Так, Аристотель выделял правила хозяйствования (экономикку, домострой по Ксенофону [6]) и цифровую игру (хрематистику [7, с. 392–393]), относясь ко второй модели как к бесполезной и пустой. Среди «лакун» рынка или не решаемых в модели проблем «чистого» обмена указаны неразумное распределение (Платон), несправедливая цена (Фома Аквинский, Августин), несправедливый обмен (П. Буагильбер). В рыночную модель плохо вписывается институциональная экономика и не вписывается реципрокная экономика (модель отсроченной и не гарантированной взаимности) [8; 9], экономика дара (М. Мосс [10]) и демонстративного уничтожения ценностей (Ф. Боас, Б. Малиновский). Кроме того, исключительно рыночная модель работает легче при неграмотном населении, которому проще внушить мысль о покупке, а значит, рынок неизбежно приводит к формированию системы образования развлекательного типа (хотя образование предполагает мыслительное усилие и тренировку нейронных связей в мозгу, но лучше продаются те образовательные услуги, в которых учащимся весело) и к созданию масс населения, не способных к критическому анализу и осмыслению, например, рекламных сообщений.

Хотя Платон и Аристотель видели единственно правильную модель развития общества через государственность и государственную экономикку, но и в плановой экономической регулятивной модели существуют недостатки. Прежде всего речь идет о неэффективности бюрократии (Ибн-Хальдун [11]), затратности управления (А. Смит), силовом (“raid”) принуждении граждан к труду (в противовес добровольному выбору работы за еду в концепции “trade”), недостаточная гибкость и страх изменений (сопротивление инновациям) [12]. Как пишет Ж. Ж. Роса, в свободном рынке «существуют фундаментально неэквивалентные отношения обмена между угнетенным потребителем и доминирующим производителем; общество совращает потребителя, создавая искусственные желания, чтобы поработить и подчинить его». Но государственный анализ не позволяет отделить истинные потребности от ложных, «замена спорного приоритета потребителя сомнительным приоритетом бюрократа или интеллектуала способствует лишь появлению большего числа нерешаемых проблем» [13, р. 176; р. 159].

Приведенные слова Ж. Ж. Росы демонстрируют несовершенство обеих моделей (рыночной и плановой), если применять их исключительно по отдельности, отвергая комбинирование их возможностей и инструментария. Тем не менее любая действительно жизнеспособная модель всегда включает в себя элементы как рыночной, так и плановой экономики. Например, глобальные корпорации (*Google, Toyota, VolksWagen* [14] и др.) построены, с одной стороны, на частном интересе и стремлении максимизировать прибыль любой ценой, с другой — на стратегическом планировании маркетинга и жестком нормировании расходов.

Таким образом, социальная активность смягчает негативные внешние эффекты от частной предпринимательской деятельности и одновременно включается в решение проблем, которые не достигли уровня программ государственного или регионального, муниципального управления. Социальная инициативная гражданская активность замещает отрицательные эффекты (стигматизацию, инвалидизацию, медиализацию, маргинализацию и др.) конструктивным деятельностным социальным поведением — социально ориентированным, социально инклюзивным и социальным по факту включения разных групп общества.

Но и существующие модели комбинирования государственных задач с частным бизнесом (предпринимательством ради извлечения дохода, *profit-driven*) также не свободны от разнообразных проблем, что привело, например, к возникновению модной концепции *ESG* как баланса между экологией, обществом и акционерами (*governance* — корпоративное управление в целях удовлетворения интересов владельцев бизнеса в рамках допустимых внешних эффектов для всех лиц, затрагиваемых бизнесом, то есть всех стейкхолдеров) [15]. Социально-экологические компоненты концепции *ESG* решаются в значительной мере благодаря гражданским инициативным действиям отдельных добровольцев и некоммерческих общественных организаций.

Так, среди лакун (или сбоев) рынка принято выделять ряд проблемных узлов, неизбежно возникающих при нерегулируемом функционировании рыночной модели экономики:

— внешние эффекты, то есть результаты предпринимательской деятельности, которые не учитываются в маркетинговой и производственной стратегии, но приводят к повышению издержек или полезности, как правило, включаются в цену с помощью государственного воздействия в форме налогов (например, акцизов), сборов или штрафов (например, на загрязнение окружающей среды, воды, воздуха и т. п.) или субсидий;

— общественные блага (уличное освещение, оборона, здравоохранение). Например, коллективный иммунитет достигается усилиями общества в целом и обеспечивает безопасность для индивидов, одновременно не возлагая обязательств на индивида (хотя разумность каждого гражданина состоит в том, чтобы поддерживать уровень благополучия, например, прививаясь в период эпидемии, или поддерживать чистоту в общественных местах, не бросая мусор на улицах); с точки зрения затрат, накопление бюджета для создания общественного блага позволяет перешагнуть порог стоимости (например, для строительства дорог необходимо определенное количество автомобилистов, которые будут ими пользоваться). Вместе с тем пользователи могут его перегружать (если автомобилистов слишком много, возникают пробки, а дорожное полотно изнашивается быстрее, чем планировалось при сооружении всех уровней дороги);

— асимметрия информации, то есть степень доверия к стороне сделки, обладающей большей информацией (например, в отношениях с юристами и врачами клиент вынужден доверять советам действующего в их интересах агента, что не всегда так; в частности, фармацевтическая отрасль использует это свойство рынка для воздействия на врачей, чтобы они рекомендовали пациентам те или иные препараты).

Производство знаний полностью подвержено перечисленным лакунам рынка. В частности, научные исследования и результаты интеллектуальной деятельности (открытия и изобретения) приводят к последствиям, которые не всегда можно предусмотреть заранее, предвидеть, предсказать и предотвратить отрицательные эффекты; знания являются общественным благом, поскольку производство знаний

очень дорого, а воспроизводство (копирование) очень дешево; затраты времени, труда и ресурсов на совершение открытия или доказательство применимости разработанного решения могут составлять десятилетия, работу тысяч ученых и издержки в миллионы и миллиарды единиц пробного продукта (например, лекарства); компенсация ущерба в случае, если эксперименты нанесли вред; наконец, результат творчества может быть очевиден его создателю, но не понятен потенциальному инвестору, покупателю, регулятору. Например, уберизация привела к снижению качества таких видов услуг, как такси. Падение цены на такси вымывало с рынка качественные таксопарки и водителей, а чтобы заработать минимальный прожиточный уровень дохода, водители работали по 20 часов подряд, и это стало приводить к авариям.

В экономике знаний лакуны рынка и государства дают широкий простор для применения гражданской инициативы.

Гражданская наука, в свою очередь, отражает более узкое направление социальной активности — реализацию индивидуальной (редко — групповой) инициативы граждан в области создания новых интеллектуальных продуктов или результатов исследований. Участие в проведении научных изысканий может осуществляться как отдельными, точечными фактами участия (например, в рамках геймификации разработаны игры для составления модели гена приматов, для поиска необычных фотографий поверхности планеты Марс и др.), так и системной, регулярной деятельностью (например, в рамках *open source*, разработок на основе принципа открытых источников, привлечения добровольных участников для наблюдения за птицами, *e-bird*, краудсорсинга).

Познание истины относится к группе «трансцендентных» потребностей или бытийных мотивов, формирующих экзистенциальные переживания и дающих ощущение осмысленности существования. Проблематика «смысла жизни» лежит в области социально-психологических и философско-мировоззренческих исследований мотивации и противостояния «смерти» как бессмысленного существования рассыпающейся материи (негэнтропии), то социальное предпринимательство может рассматриваться в качестве актуального ключевого ответа на поставленный Ж.-П. Сартром вопрос о проекте жизни как о внешнем проявлении деятельностного начала человека в изменении и улучшении своей жизни и окружающей индивида среды. Участие граждан, особенно молодежи, в научных исследованиях связано с реализацией потребности принадлежать к важному для человечества процессу производства нового знания, внести свой вклад в открытие нового и освоение мира, в котором человек живет.

Экономический анализ изучает взаимодействия людей по поводу редких ресурсов в целях максимизации эффективности (отношения результатов к затраченным редким ресурсам) [16]. В рамках экономики знаний можно рассматривать социальную научно-исследовательскую активность молодежи как цепочку создания ценности, в которой создаются одновременно частные и общественные блага. Начиная с «Политики» Аристотеля и понятия общего блага (*bonum commune*) Фомы Аквинского, разделение общественных и частных благ опирается на возможность использования и полезность блага для каждого и для всех. Использование общественных благ приводит либо к их истощению («трагедия общин»), либо к их неоптимальному, неразумному использованию («трагедия антиобщин»). Например, если община сажает несколько яблонь, то каждый член общины постарается сорвать яблоко первым раньше других, и в результате все члены общины будут срывать незрелые яблоки. Выделяют общие ресурсы и клубные блага. Их возникновение и функционирование приводит к ряду противоречий, как показано в таблице 1.

Виды общественных благ и противоречия, возникающие в ходе пользования общественными благами

	Неконкурентные <i>Non-rivalrous</i>	Конкурентные <i>Rivalrous</i>
Неисключаемые <i>Non-excludable</i>	Общественные блага <i>Public goods</i> Государственная оборона, дорога (неперегруженная), уличное освещение, эфирное телевидение	Общие ресурсы <i>Common pool resources</i> Пресная вода, лес, дорога (перегруженная), грибы и ягоды (низкое качество) Трагедия общин
Исключаемые <i>Excludable</i>	Клубные блага <i>Club goods</i> Закрытый пляж, телефонная связь, платная дорога, платное телевидение, патентное и авторское право Трагедия антиобщин	Частные блага <i>Private goods</i> Рыночные товары и услуги, недвижимость, раздача доступа в сеть по паролю Трагедия антиобщин

Источник: составлено авторами на основе [17; 18].

Социальная активность молодежи выступает в этой ситуации институтом, который пытается на локальном уровне обеспечить «разумное» распределение благ. Так, в период начала пандемии COVID-19 в одном из городов России стоматологические клиники объединились и предоставляли бесплатную стоматологическую помощь на дому неходящим инвалидам и престарелым. В результате, услышав об этой благотворительной акции, инвалиды третьей группы (способные самостоятельно передвигаться) подняли скандал, что они также имеют право на бесплатную стоматологическую помощь на дому, и акцию временно прекратили. С учетом этой позиции социальная активность состоит не только в том, чтобы предоставлять определенные товары и услуги нуждающимся членам общества, но и в том, чтобы глубже дифференцировать фактор общественного блага и находить пути обхода «трагедий антиобщин» через формирование ценностно-смысловых паттернов и нормативных образцов поведения, устанавливающих пределы удовлетворения потребностей, «берега русла» для потока активности [19].

С экономической точки зрения социальная активность и гражданская инициатива как форма действия заинтересованной и мотивированной молодежи отражает извлечение ренты из человеческого потенциала в рамках создания добавочной ценности. При этом такая ценность носит частично или полностью характер общественного блага: например, участие молодежи на добровольной основе в исследовании, осуществлении эксперимента приведет к получению знания, которым смогут воспользоваться организаторы исследования и все, кто получит доступ к обнаруженным закономерностям либо к созданным технологическим решениям.

В условиях мобилизационной экономики гражданская наука как формат вовлечения молодых людей в познание истины и созидательное творчество, в интеллектуальную деятельность и сбор данных может выступать важным и даже решающим фактором обеспечения глобального лидерства страны.

Цифровая трансформация экономики знаний как фаза развития информационного общества ставит новые вопросы к построению моделей отношений между людьми и группами людей по поводу редких ресурсов. В условиях избытка информации социально-экономические исследования сосредоточены на изучении редкого ресурса знания: «экспертизы» как способности решать нестандартные задачи

(как правило, на основе накопленного объема разнообразного опыта) и компетентности как готовности изучать желательные и нежелательные последствия вариантов решения (прогнозирование и моделирование последствий), делать выбор с учетом долгосрочных стратегических последствий.

Редким ресурсом в условиях изобилия данных выступает способность и готовность применять собственные аналитические навыки к решению задач. В частном бизнесе высококвалифицированные сотрудники, фрилансеры и эксперты формируют отдельный ресурс, в макроэкономике изучают труд как два фактора производства (*skilled* и *non-skilled*). Под неквалифицированным трудом понимают приложение экстенсивных человеческих способностей (мускульных и коммуникационных), которые могут легко быть заменены в ходе роботизации машинами (роботами и ботами). Квалифицированный труд используется для настройки и переналадки функционирования машин, в том числе для совершенствования машинного обучения нейросетей.

В условиях мобилизационной экономики компетентные специалисты нередко готовы работать за разумную плату или даже бесплатно, поскольку этот тип экономической модели ставит наиболее интересные нетривиальные задачи, позволяя человеку удовлетворять свои экзистенциальные бытийные потребности в познании истины, достижении успеха в разрешении сложных проблемных ситуаций, реализации поставленных целей и самореализации как творца (и в своей отрасли знаний, и в институциональной структуре общества), утверждая свою систему ценностей (например, отвергая рутинную мотивационную модель общества потребления).

Следует отметить, что бесплатно выполняемая трудовая деятельность видится возможной при условии, что базовые потребности удовлетворены на высоком уровне. В частности, в 1997 г. выпущен отчет исследователей *McKinsey* и затем в 2001 г. выпущена книга «Война за таланты» [20], в которой показано, что при достижении уровня достойной жизни (что определяется региональными и культурными стандартами, статистической нормой социального и физического благополучия) высококвалифицированных сотрудников практически невозможно вовлечь в работу и мотивировать с помощью денежных и даже в целом материальных стимулов. Например, если блестящий инженер уже приобрел себе дом, два автомобиля для семьи и мотоцикл мечты *Harley Davidson* для себя, то далее материальные блага уже не имеют для него такой мотивирующей силы (ввиду экономического закона убывания полезности благ). Насыщение товарами и услугами стремительно приводит наиболее творческую и созидательную часть человеческого капитала отрасли и региона к положению, когда дальнейшее обновление потребляемых благ и повышение качества потребляемых услуг становится малозаметным. На этой стадии удовлетворения потребностей добровольное и бесплатное участие в решении интересных задач выступает ключевым мотивом, который может быть действенным при условии определенных управленческих усилий (консультанты назвали их «войной за таланты») [21]:

— корпоративная культура поддержки любопытства, любознательности, нормативная модель стремления решать сложные задачи, инклюзивное восприятие всех сотрудников компании как талантливых в той или иной сфере деятельности (наряду с эксклюзивным подходом, определяющим «более талантливых», то есть эффективных, и «обычных» сотрудников);

— эмоциональная поддержка нестандартных решений и отказ от критики на фазе генерации идей, отсутствие отрицательных санкций (штрафов и т. п.) при реализации рисков и негативных последствий решений, ответственность за которые несет корпоративная административная подсистема;

— ценностная страсть к своему делу и совершенствованию процессов, к развитию профессиональной деятельности и повышению роли компании в отрасли.

Эти рекомендации не исчерпывают концепцию управления талантами, но они полезны для понимания функционирования открытой науки и гражданской науки как концептуальных моделей, из которых термин «открытая наука» включает в себя все основные формы вовлечения любых участников в исследовательские процессы (независимо от возраста, происхождения, специальности и квалификации) в целях постижения истины всем человечеством без ограничений. Наряду с гражданской наукой, в понятие открытой науки включают также открытый код (*open source*), то есть открытое программное обеспечение, в улучшении и корректировке которого могут участвовать все желающие, краудсорсинг (привлечение специалистов к решению сложных профессиональных задач), открытое рецензирование (например, в системе *Publon* собраны как наукометрические данные ученых по их опубликованным трудам, так и по их рецензиям), открытый доступ к материалам исследований (*open access*) [22]. Гражданскую науку определяют как часть открытой науки [23]: с деятельностной точки зрения это — участие граждан в расширении научных знаний и ведении исследовательской работы.

С концептуальной точки зрения гражданская наука означает вовлечение в научные исследования граждан как членов общества, имеющих права и обязанности:

- а) право доступа к научным результатам, право пользоваться интеллектуальными достижениями своих соотечественников и мирового научного сообщества;
- б) обязанности по формированию вклада в развитие своего общества, инновационный рост экономики своей страны, совершенствование институтов и процессов своего государства.

Результаты и обсуждение

Можно проиллюстрировать вопрос о причинах и мотивах участия в гражданской науке на **анализе кейса** одного из экспериментов, к участию в котором приглашаются волонтеры любого возраста и социального положения через платформу «Люди науки». Российская платформа «Люди науки» (<https://citizen-science.ru/>) является ярким примером свободного участия граждан в научных исследованиях в различных отраслях знаний и в разнообразных формах, включая онлайн (проекты с пометкой «можно из дома»). Возможность участвовать в научных исследованиях и экспериментах напрямую из дома, не нарушая удобного и привычного обустройства своей жизни, что связано с развитием цифровых технологий и инфраструктуры, существенно ускоряют вовлечение волонтеров, начиная от проектов распределенных вычислений, распределенных сетей, вовлечения в развитие виртуальных пространств [24] и вплоть до развития актуальных проектов по преодолению цифрового разрыва с точки зрения компетенций разных категорий населения (так, исследования показали, что цифровая компетентность зависит в меньшей степени от возраста и в большей мере от сферы занятости и уровня образования [25]).

Обратим внимание на подзаголовок сайта, который одновременно выступает слоганом гражданской науки: «Сайт проектов гражданской науки. Волонтеры ищут исследования, ученые ищут волонтеров». Мотивация и организация участия добровольцев в научных исследованиях может быть проиллюстрирована на анализе кейса глобального эксперимента по изучению разложения продуктов «Заварить? А может, лучше закопать?»:

— введение показывает значимость изучения влияния человека и его продуктов на климат;

— указан глобальный и длительный характер исследования;

— отмечена значимость сбора данных в рамках коммуникаций и общения (например, 10 марта 2022 г. прошел очередной глобальный симпозиум по результатам исследования);

— наконец, даны конкретные и краткие указания о том, что нужно делать: «Для того, чтобы принять участие в проекте, вам понадобятся:

- неиспользованный пакетик зеленого чая *Lipton Green tea*;
- неиспользованный пакетик чая ройбуш *Lipton Rooibos*;
- весы, измеряющие с точностью до сотых (0,01).

Вам предстоит взвесить и закопать оба пакетика в отдельных ямках 8 см глубиной на расстоянии 15 см друг от друга, а затем откопать через три месяца, высушить и снова взвесить. Затем все данные занести в специальную форму отправить ученым. Готово, вы восхитительны!»;

— нельзя обойти вниманием последнюю фразу «Вы восхитительны!», которая отражает страсть любого человека, вовлеченного в настоящую науку, к предмету своего изучения и к соратникам, сподвижникам. Этот небольшой «комплимент» в завершение инструкции по проведению эксперимента кажется немного смешным и почти ничего не значащим. Однако, как увидим на результатах других исследований, именно такие «ничего не значащие» коммуникационные управленческие хитрости и позволяют делать счастливыми и ученых, ищущих волонтеров, и волонтеров, желающих внести свою лепту в великое дело исследования.

Этот краткий кейс показывает, что участие в гражданской науке не слишком ресурсозатратно для волонтера, а эмоциональная и социальная поддержка значительно более существенны, чем издержки, понесенные для участия в эксперименте. На основе теоретического анализа публикаций по мотивам волонтерской работы и на основе изучения проектов на сайте «Люди науки» можно сделать ряд выводов о мотивации, способах организации и стимулирования добровольцев к участию в гражданской науке.

Мотивация добровольцев, определяющая их готовность принимать участие на бесплатной инициативной основе в научных исследованиях, включает в себя следующие составляющие, как показано в таблице 2:

— приобретение собственного практического опыта и уникальных знаний, открытий, совершенных самостоятельно, что составляет ощущение достижения и успеха, собственного уникального места в жизни; кроме того, решение новых и нестандартных для человека задач предполагает тренировку создания нейронных связей в мозгу человека, что в перспективе отодвигает наступление дегенерационных процессов (старческой деменции и других проблем в связи с возрастными физиологическими изменениями мозга);

— проверка своих ощущений при выполнении отдельных задач позволяет более четко понять, в каких сферах деятельности волонтер в своей дальнейшей профессиональной карьере сможет быть более успешным ввиду своих уникальных качеств, свойств, предпочтений и интересов;

— приобретение новых полезных умений и навыков, которые расширяют горизонт представлений о мире и набор инструментов, используемых людьми в ходе их жизнедеятельности, что одновременно повышает стоимость такого потенциального человеческого капитала на рынке труда, поскольку наличие у человека представлений о смежных или даже отличных от его основной трудовой деятельности областях приложения своих интеллектуальных и физических ре-

сурсов повышает продуктивность и в основной сфере деятельности за счет нахождения нестандартных решений;

— формирование личной социальной сети контактов, персональных знакомств в различных сферах в дальнейшей жизнедеятельности может оказаться полезным для решения разнообразных жизненных задач;

— необходимость выполнять разнообразные задачи в новых проектах тренирует коммуникативные компетенции и другие «мягкие навыки», одновременно удовлетворяя потребность человека в общении;

— выполнение социально значимой задачи дает ощущение полезности обществу, что особенно важно как на стадии вхождения в общество (для молодых людей), так и для пожилых волонтеров, которые при выходе на пенсию нередко утрачивают ощущение своего участия в общественно значимых процессах, своей пользы и своего места в жизни;

— расширение кругозора и горизонта представлений о жизни, ее отдельных проявлениях, разнообразных ситуациях и интересах позволяет человеку сформировать более адекватную систему ценностей и представлений о мире, что отражено в традиционных фундаментальных ценностях, которые представлены во всех культурах (от нормы «не навреди» до ценности человеческой жизни). С этой позиции участие в волонтерской деятельности способствует морально-нравственному воспитанию молодых людей, которые ввиду участия в разных проектах сталкиваются с жизненным разнообразием задач и проблем, лучше понимают причины, по которым общество выработало именно такие «традиционные» ценности и нормы, что сегодня особенно важно при попытках распространить постмодернистские взгляды одной из философских концепций в общую концепцию жизни для всех граждан, что отчасти подобно сектантству, когда один из множества взглядов на мир претендует на универсальность [26; 27];

— гуманизация общества, связанная с технологическим развитием возможностей человечества удовлетворять потребности выживания, опирается на человечность, отзывчивость, милосердие, справедливость, то есть черты поведения и личности, формированию и развитию которых также способствует волонтерская деятельность, что развивает социализацию и адаптацию человека, его интеграцию в общество и отдельные сообщества.

Таблица 2

Мотивы и целевые результаты волонтерской деятельности для молодых людей, участвующих в проектах гражданской науки

Мотив		Социально-экономический смысл
Уникальные знания	Самостоятельно приобретенные знания всегда носят отпечаток личности	Уникальные персональные знания составляют ключевую ценность человеческого ресурса по сравнению с роботами и ботами. Самостоятельность в получении знаний тренирует аналитические способности человека и расширяет его восприятие мира, делая шире его выбор на жизненном пути
Уникальный опыт	Рост результатов интеллектуальной деятельности и самопознание, самореализация	Обладание уникальными знаниями и собственным практическим опытом позволяет индивиду лучше понимать те сферы приложения своих жизненных ресурсов, где его самореализация может быть наиболее результативной, успешной и общественно полезной

Окончание таблицы 2

Мотив		Социально-экономический смысл
Новые для волонтера, стандартные для разных сфер деятельности навыки	Компетенции, навыки и умения вне привычного поля жизнедеятельности волонтера	Инвестиция в человеческий капитал является одной из наиболее выгодных форм инвестирования ресурсов в условиях экономики знаний. Повышение ценности человека как потенциального трудового ресурса приводит к повышению потенциальной оплаты труда при найме на работу или при продвижении по карьерной лестнице
Социальная сеть контактов	Наличие общего прожитого опыта формирует сеть доверительных отношений, в которой люди знают, на кого они могут положиться	Наличие знакомых людей в разных областях жизнедеятельности может быть полезным как при поиске оптимальных решений различных жизненных ситуаций, так и при построении карьерных планов. Наличие совместно прожитого опыта какой-либо деятельности формирует отношения доверия и личного понимания, на которого и в какой ситуации можно рассчитывать, кто обладает теми или иными значимыми личностными чертами и профессиональными качествами
Познание истины	Трансцендентный мотив бытия	Самореализация и самоактуализация важны для человека как в его социальном росте, в повышении его положения в структуре общества и в иерархии, например, в выбранной отрасли или сфере деятельности, так и для человека, его ощущения смысла жизни и осознанного проживания жизни
Соучастие, отзывчивость, человечность	Активация и ощущение причастности к живой науке и подлинному бытию	Принадлежность выступает одним из значимых мотивов в жизнедеятельности человека в целом, начиная от аристотелевского понимания человека как социального животного, что связано с эволюцией биологического вида человека, не обладающего от природы инструментами защиты от агрессивной среды (крепкими когтями и зубами, чтобы противостоять хищникам), в истории человека выжили те человеческие существа, которые смогли организовать группы и сообщества для решения общих задач. В этом контексте соучастие, содействие и сподвижничество являются базовыми характеристиками человека

Источник: составлено авторами.

Медицинские исследования доказали положительное влияние участия в добровольческих видах активности на здоровье. Результаты исследований показали, что люди, уделяющие время волонтерской работе, живут дольше тех, кто не принимает участие в волонтерских акциях, обладают более высоким уровнем двигательных способностей, а также реже подвержены депрессии и стрессам [28].

Выявленные мотивы позволяют сформулировать и ряд управленческих инструментов и технологических решений, которые помогают привлекать молодежь

в гражданскую науку и стимулировать молодых людей к участию в научно-исследовательской деятельности:

— цифровая трансформация социальной жизни требует, чтобы сегодня любой проект оставлял цифровые следы [29], например, чтобы молодые люди могли подробнее узнать о предпосылках и причинах проводимого исследования, о достижениях науки в данном изучаемом вопросе и о результатах, когда они будут получены (например, сайт «Люди науки» предлагает посетителям после участия в опросе оставить свой *e-mail* для того, чтобы исследователи направили участнику результаты, когда они будут собраны и обработаны);

— для привлечения молодежи необходимо распространять информацию о возможности участвовать в проектах, о наличии свободных позиций для волонтеров, в частности через социальные сети и мессенджеры;

— следует использовать образовательные институциональные каналы для распространения такой информации и для привлечения учащихся через структуры государственных и негосударственных образовательных и научно-исследовательских организаций;

— информацию о возможности участия в гражданской науке необходимо тщательно готовить и структурировать, следуя, в частности, принципам краткости (лишнюю информацию можно вывести через гиперссылки на отдельные страницы) и релевантности;

— информацию о научно-исследовательских проектах нужно формировать с позиций когнитивного анализа содержательно (должна быть дана вся необходимая и только необходимая информация о содержании проекта и исследовательских действиях) и по форме (важно учитывать, что социальная установка трехкомпонентна, то есть следует сопровождать информацию эмоциональными и поведенческими характеристиками, например, необходимо внятно и четко объяснять алгоритм, в чем состоит работа, сопровождать эти сведения аффективными комментариями, раскачивая «весы» эмоций от описания проблемы, вызывая содрогание и сопереживание, к восторженному переживанию ее решения и восхищению участником такого решения [30]; так, в приведенном выше примере указано «Вы восхитительны!», и при этом с восклицательным знаком);

— необходимо понимать, что не все люди могут обладать требуемыми качествами для конкретных видов деятельности (например, одни люди — экстраверты и с легкостью могут выступать интервьюерами, другие — более способны и чаще готовы терпеливо наблюдать, регистрировать химические и физические параметры процессов и т. п.), что делает целесообразным предварительные опросы о том, в каких проектах человек хотел бы попробовать себя волонтером, какими личностными качествами человек обладает. Более того, в ряде случаев целесообразно организовать конкурс для участия в проекте добровольцев;

— при вовлечении неквалифицированных участников в эксперимент в ряде случаев необходим тщательный детальный инструктаж и проверка первичной осведомленности, например, с точки зрения техники безопасности для новых участников экспериментов; к тому же необходимо информировать как о физической безопасности (пожарной и т. п.), так и информационной, эмоциональной, коммуникационной, социокультурной.

Выводы

Подводя итоги, следует напомнить о влиянии геополитических изменений последних месяцев на самоидентификацию молодежи и в целом российских граждан. В течение трех десятилетий постсоветские реформы образования, эко-

номической и политической жизни не смогли сломать социокультурные корни и ценностно-смысловой фундамент поведения и самоопределения российских граждан [31]. Одним из признаков оптимистической оценки является активное участие молодых добровольцев в период пандемии COVID-19, когда волонтеры сформировали множество инициативных действий и движений и активно встраивались в государственные форматы помощи пожилым людям [32].

Хотя опросы показывают различную степень поддержки военно-политических действий государства по возрастным категориям. Тем не менее эта величина не опускалась ниже 40 %, даже в опросах и оценках таких организаций, как *Forbes*, которые трудно заподозрить в пророссийской пропаганде и фальсификации результатов в пользу поддержки политического руководства страны. Тот факт, что в первые недели после начала спецоперации России на Украине Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) отметил резкий рост, вплоть до 82 %, поддержки российских граждан (а еще более интересно, что число «затруднившихся ответить» об оценке деятельности руководителя государства снизилось более чем в два раза и составило менее 9 %, как видно на рисунке 1), говорит о необходимости новых исследований гражданской самоидентификации и общественной активности нашей российской молодежи.

До 15 марта 2020 г. включительно задавали вопрос «Как Вы считаете, Президент РФ В. В. Путин работает на своем посту хорошо или плохо?»

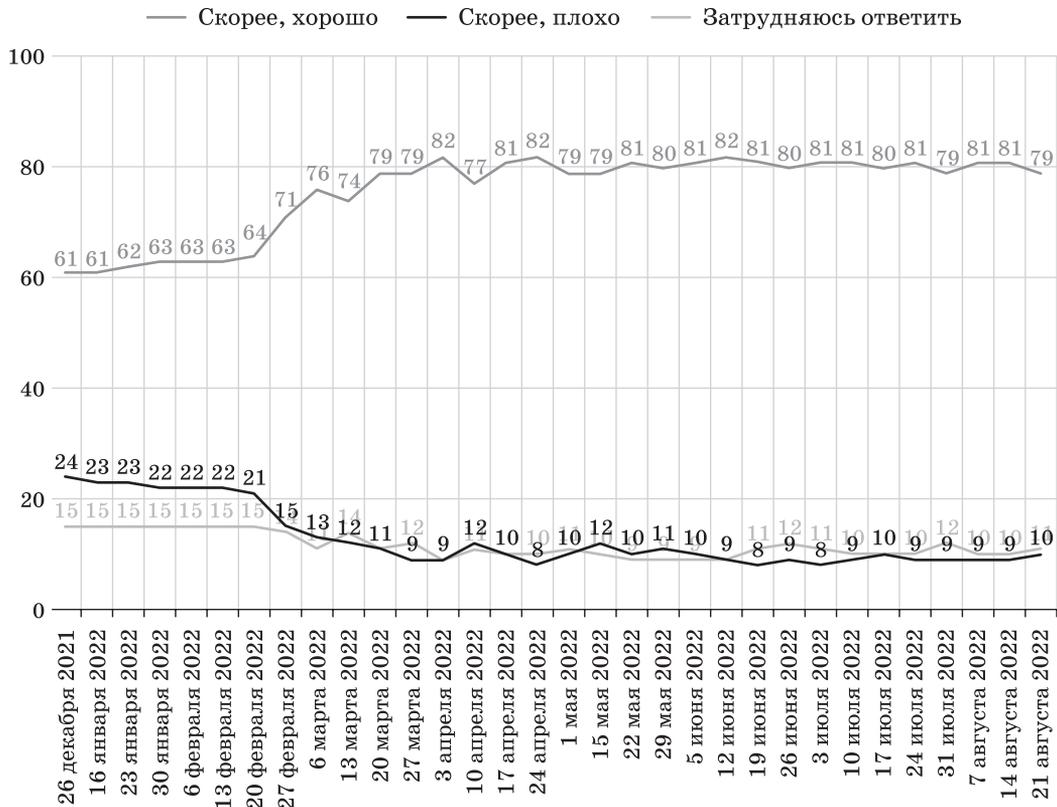

Рис. 1. Динамика распределения ответов российских граждан на вопрос «Как Вы считаете, Президент В. Путин работает на своем посту, скорее, хорошо или, скорее, плохо?» с 26 декабря 2021 г. по 21 августа 2022 г. [33]

Перечисленные факты дают основания для вывода о необходимости существенно пересмотреть представления современной отечественной социологии о роли и реальных фундаментальных ценностно-смысловых регуляторах поведения российских молодых людей. Это особенно видится важным в условиях экономики знаний, если положение страны в мире и ее технологический суверенитет определяются результатами интеллектуальной деятельности, что заставляет обратиться к привлечению наиболее мобильной и творческой категории населения, молодежи, к решению задач познания истины и решению нестандартных задач научных исследований в модели гражданской науки.

Мобилизационная модель экономики привела к переосмыслению роли молодежи в обществе, экономике знаний и инновационного роста. Эта роль может быть значимой, если широко вовлекать молодежь в научно-исследовательскую деятельность. Зрелость потребительского общества выражена в целесообразности коммуникационной управленческой деятельности по стимулированию молодежи в гражданской науке на основе ряда социально-экономических, а также эмоциональных и культурных регуляторов.

Список источников

1. «Мобилизационная экономика»: понятие, его границы и содержание // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15. С. 142–147.
2. Покровская Н. Н. Динамика критериальных моделей и ценностно-смысловых шкал в регулятивных механизмах инновационного роста экономики // Вестник Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Серия: Экономика. 2014. № 2 (69). С. 100–108.
3. Голохвастов Д. В., Покровская Н. Н., Смирнов П. Д. Системные нормативные регуляторы поведения рыночных агентов в условиях экономики знаний // Социология и право. 2014. № 4 (26). С. 12–23.
4. Брусакова И. А. Инструментарий системного анализа эффективности деятельности цифрового предприятия // Системный анализ в проектировании и управлении: сборник науч. тр. XIX Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2015. С. 16–21.
5. Чернов А. Сергей Глазьев выступил за переход к китайскому типу экономики // Газета.ру. 2022. 24 августа. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/08/24/18403214.shtml> (дата обращения: 22.08.2022).
6. Ксенофонт. Сократические сочинения. Киропедия. М.: Ладомир, 2003. 756 с.
7. Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
8. Покровская Н. Н. Новая экономическая архитектура в посткризисном мире: развитие регулятивных моделей // Социология и право. 2012. № 1. С. 20–33.
9. Покровская Н. Н. Рациональность экономического поведения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2007. Т. 9. № 46. С. 128–137.
10. Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества, обмен, личность: труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. С. 83–222.
11. Ибн-Хальдун. Введение (ал-Мукаддима) / сост., пер. с арабского и прим. А. В. Смирнова // Историко-философский ежегодник. 2007. М.: Наука, 2008. С. 187–217.
12. Капица С. И., Покровская Н. Н. Социально-технологическая модель управленческих инноваций: 3D-менеджмент как система построения организационных отношений // Социология и право. 2016. № 3 (33). С. 18–30.
13. Rosa J. J. Vrais et faux besoins // L'économique retrouvé / eds. J. J. Rosa, F. Aftalion. Paris: Economica, 1977. P. 159–176.
14. Геттинг Б. Концерн Фольксваген как пример использования принципов разделения труда // Российское предпринимательство. 2012. Т. 13. № 2. С. 120–127.
15. Молодъкова Э. Б., Онуфриева А. М., Покровская Н. Н., Снисаренко С. О. Экономические факторы социально-экологической повестки в концепции ESG // Известия

- Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12. № 2. С. 22–34. DOI: 10.21869/2223-1552-2022-12-2-22-34
16. *Souter R. W.* Prolegomena to Relativity Economics. New York: Columbia University Press, 1933. 171 p.
 17. *Samuelson P. A.* The Pure Theory of Public Expenditure // Review of Economics and Statistics. 1954. Vol. 36. No. 4. P. 387–389. DOI: 10.2307/1925895
 18. *Coase R.* The Lighthouse in Economics // Journal of Law and Economics. 1974. Vol. 17. No. 2. P. 357–376. DOI: 10.1086/466796
 19. *Покровская Н. Н.* Социальные нормы как предмет социологического анализа: должное и действительное // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. № 1. С. 190–198.
 20. *Michaels E., Handfield-Jones H., Axelrod B.* The War for Talent. Brighton, Massachusetts, US: Harvard Business Press, 2001. 200 p.
 21. *Lewis R. E., Heckman R. J.* Talent management: A critical review // Human Resource Management Review. 2006. Vol. 16. No. 2. P. 139–154. DOI: 10.1016/j.hrmr.2006.03.001
 22. *Woelfle M., Olliaro P., Todd M. H.* Open science is a research accelerator // Nature Chemistry. 2011. Vol. 3. No. 10. P. 745–748. DOI: 10.1038/nchem.1149
 23. *Gura T.* Citizen science: amateur experts // Nature. 2013. Vol. 496. P. 259–261. DOI: 10.1038/nj7444-259a
 24. *Гарин А. К., Покровская Н. Н.* Партиципативное конструирование коммуникационного пространства: инди-игра Minecraft как реализация концепции распределенных сетей // Технологии PR и рекламы в современном обществе: материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. И. Р. Тростинской. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018. С. 104–108.
 25. *Гарин А. К., Покровская Н. Н.* Strategies for Bridging the Digital Divide by Enhancing Communication Competence // 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS) (Saint Petersburg, Russian Federation, 13 April 2022) / eds. S. Shaposhnikov, L. Sharakhina. St. Petersburg, Russia: IEEE, Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”, 2022. P. 166–170. DOI: 10.1109/ComSDS55328.2022.9769146
 26. *Слободской А. Л.* Влияние понятийного аппарата на адекватность подхода к управлению наемным трудом // Управление персоналом. Ученые записки. СПб.: Инфо-да, 2015. С. 30–34.
 27. *Brown S., Nesse R. M., Vonokur A. D., Smith D. M.* Providing social support may be more beneficial than receiving it: results from a prospective study of mortality // Psychological Science. 2003. Vol. 14. No. 4. P. 320–327. DOI: 10.1111/1467-9280.14461
 28. *Абабкова М. Ю., Ханевич А. Х. Б. Б.* Влияние брендинга на осведомленность потребителей // Технологии PR и рекламы в современном обществе. Инженеры смыслов: трансформация компетенций и мировые вызовы коммуникационной отрасли: материалы науч.-практ. конф. СПб.: Политех-пресс, 2021. С. 14–18.
 29. *Покровская Н. Н., Тюлин А. В.* Психологические вопросы формирования регулятивных механизмов в цифровой среде // Технологии в инфосфере. 2021. Т. 2. № 2 (3). С. 106–125.
 30. *Слободской А. Л., Терехова Т. А., Гарин А. К.* Цифровое образование и новое технологическое поколение: спрос на новый контент в обучении // Наука о данных: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. С. 287–289.
 31. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов Всерос. науч. конф. (Челябинск, 28–29 ноября 2009 г.) / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск: Энциклопедия, 2009. 571 с.
 32. Многогранность современной пандемической реальности: коллективная монография / под ред. Е. С. Вылковой. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2021. 300 с.
 33. Владимир Путин: оценки работы, отношение // Фонд «Общественное мнение». 2022. 9 сентября. URL: <https://fom.ru/Politika/10946> (дата обращения: 29.08.2022).

Информация об авторах

Н. Н. Покровская — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры инновационного менеджмента (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»); 197376, Санкт-Петербург, Профессора Попова ул., д. 5; профессор кафедры экономики и управления социально-экономическими системами (СПбУТУиЭ); 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Института философии человека (РГПУ имени А. И. Герцена); 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48.

Я. А. Маргулян — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления персоналом; 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32.

Information about the authors

N. N. Pokrovskaja — Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of the Innovation Management (ETU “LETI”); 5 Professora Popova str., St. Petersburg 197376, Russia; Professor at the Department of Economics and Management of Socio-Economic Systems (UMTE); 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; Professor of the Public Relations and Advertising Department of the Human Philosophy Institute (Herzen University); 48 Moyka emb., St. Petersburg 191186, Russia.

Ya. A. Margulyan — Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of Sociology and Human Resources Management; 30–32 Griboedov canal emb., St. Petersburg 191023, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; одобрена после рецензирования 14.09.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 01.09.2022; approved after reviewing 14.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья

УДК 316.454.3

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-274-283

Социальная трансмиссия разновозрастных групп населения в контексте устойчивого развития российского общества

Егор Владимирович Мороз¹, Ирина Леонидовна Первова²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ st057877@student.spbu.ru

² pervovai@mail.ru✉

Аннотация. Авторами рассмотрена проблема уязвимости групп населения, находящихся в состоянии социальной трансмиссии на примере двух базовых возрастных групп — молодежи и пожилых людей. Социальная трансмиссия охарактеризована как явление, обусловленное переходностью социального статуса и психофизиологического состояния (из юности в зрелость и из зрелости в старость). Данные периоды трансмиссии могут быть сопряжены с переживанием состояния неопределенности, повышенной напряженности, раздражения, фрустрации, неясности перспектив, боязни совершить ошибку в выборе стратегии поведения и рядом других состояний, детерминированных поиском рационального выбора, определяющего новый социальный статус. Обращено внимание на то, что, несмотря на наличие возрастной специфики, для молодежи и пожилых людей характерна общая уязвимость перед лицом социальных рисков, продуцируемых этим состоянием. Возникающие в процессе социальной трансмиссии риски могут рассматриваться в качестве фактора, оказывающего влияние на самовосприятие индивидом своего места в обществе, и при отсутствии успешного преодоления приводить к необратимым результатам. Изложенные в статье теоретические предположения подтверждаются результатами проведенного пилотного эмпирического исследования, в ходе которого установлено, что и молодежь, и пожилые люди обеспокоены состоянием социального перехода, отмечают значительное число связанных с ним социальных рисков, обусловленных как возрастными изменениями, так и необходимостью выбора жизненного пути в условиях изменения социального статуса. В заключение авторами сделан вывод об огромном значении социальной трансмиссии в контексте преодоления социальных проблем молодежи и пожилых людей, формировании нового посыла к оптимизации устойчивого развития России.

Ключевые слова: социальная трансмиссия, устойчивое развитие, социальные риски, социальная компетентность, молодежь, пожилые

Для цитирования: Мороз Е. В., Первова И. Л. Социальная трансмиссия разновозрастных групп населения в контексте устойчивого развития российского общества // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 274–283. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-274-283>

Original article

Social transmission of different generations in the context of sustainable development of Russian society

Egor V. Moroz¹, Irina L. Pervova²✉

^{1, 2} St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

¹ st057877@student.spbu.ru

² pervovai@mail.ru✉

© Мороз Е. В., Первова И. Л., 2022

Abstract. The article deals with the problem of vulnerability of population groups in a state of social transmission on the example of two basic age groups — youth and the elderly. Social transmission is considered as a phenomenon caused by the transitivity of social status and psychophysiological state (from youth to maturity and from maturity to old age). These periods of transmission can be associated with a state of uncertainty, increased tension, irritation, frustration, uncertainty of prospects, fear of making a mistake in choosing a behavior strategy and a number of other states determined by the search for a rational choice that determines a new social status. At the same time, the authors note that, despite the presence of a certain age specificity, youth and the elderly are characterized by a general vulnerability to social risks arising in this condition. Risks arising in a state of social transmission can be considered a factor that has a direct impact on the individual's place in society self-perception, and lead to irreversible results in the absence of successful overcome. The theoretical assumptions presented in the article are confirmed by the results of a pilot empirical research, which showed that both young people and elderly people express serious concerns about the state of social transition, and note a significant number of associated social risks, due to both inevitable age-related changes and the need to choose a further life path in changing social conditions. In conclusion the authors underline that social transmission is of great importance in the context of social problems overcoming in youth and the elderly, and propose a new vista in Russia's sustainable development optimization.

Keywords: social transmission, sustainable development, social risks, social competence, youth, the elderly

For citation: Moroz E. V., Pervova I. L. Social transmission of different generations in the context of sustainable development of Russian society. *Sociology and Law. 2022;14(3): 274-283.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-274-283>

Введение

Период конца XX — начала XXI в. ознаменован рядом глобальных процессов, полностью изменивших привычную для нескольких поколений картину мира. Крушение социалистической системы, победное шествие неолиберализма, глобального рынка и радикальная информатизация всех сфер общества отразились как на жизни каждого индивида, так и на судьбах социальных групп, стран и народов. В условиях новой реальности появились новые вызовы и новые возможности, которые не характерны для предыдущих этапов общественного развития.

Несмотря на достижения научно-технического прогресса, жизнь людей не стала спокойнее и безопаснее. Напротив, количество рисков, присутствующих в повседневной жизни современного человека, многократно увеличилось. Ряд привычных вызовов (глобальные проблемы голода, бедности, угрозы военных конфликтов, распространение известных науке заболеваний), с которыми человечество сталкивалось на протяжении предыдущих десятилетий, расширился с появлением новых видов рисков, эффективные стратегии противостояния которым предстоит выработать. Наиболее остро новые виды социальных рисков проявились с началом 2020-х гг.: пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 и вызванный ею социально-экономический кризис спровоцировали рост экономической и политической нестабильности, обострили социальные противоречия. Ситуация дополнительно усугубилась на фоне глобального кризиса, обусловленного политикой санкций, проводимой рядом стран в отношении Российской Федерации (РФ). Взрывной рост структурной и латентной безработицы, перегрузка системы здравоохранения, массовые протестные акции, общее ощущение безысходности, постоянной опасности и растущее отчуждение в обществе — вот лишь часть негативных последствий, с которыми пришлось столкнуться современному мировому сообществу.

В этих условиях все актуальнее становится проблематика устойчивого развития нашей страны, определение места человека в обществе ввиду быстрых перемен. Поиск ответа на вопрос о том, как создать в России стабильное и гармонично развивающееся сообщество, несмотря на беспрецедентные санкции, становится одним из наиболее приоритетных для отечественных точных, естественных, социальных и гуманитарных наук. Понятие «устойчивое развитие», которое настолько важно в современных санкционных условиях, является междисциплинарным термином и используется во всех перечисленных дисциплинах. Устойчивое развитие в социальном смысле становится стержнем государственной системы современного мира, в связи с чем все развитые страны стремятся определить контуры стратегических решений и будущих ориентиров именно в этом ключе [1; 2; 3].

В настоящей статье освещена проблема устойчивости социальных групп современного российского общества к вызовам и угрозам, продуцируемым социальной реальностью. В качестве объекта исследования выделены две большие социальные группы — молодежь и пожилые люди. С одной стороны, речь идет о наиболее многочисленных и социально активных категориях населения, с другой — о наиболее социально уязвимых [4]. В процессе анализа подходов к изучению социальных рисков молодежи и пожилых людей выявлены негативные тенденции: противопоставление данных социальных групп, а также недостаточность существующих понятийных категорий для всестороннего описания проблемы социальной уязвимости. В качестве альтернативного подхода к рассмотрению данного вопроса предлагается использование понятия «социальная трансмиссия» как новой социологической категории, позволяющей переосмыслить проблему устойчивости к социальным рискам для молодежи и пожилых людей, а в перспективе создать новый посыл к оптимизации развития российского общества.

В первом разделе статьи в контексте социальной уязвимости анализируются качественные характеристики молодежи и пожилых людей — больших социальных групп современного российского общества. Во втором разделе статьи приведен краткий обзор существующих подходов к изучению социальных рисков и устойчивого развития. Третий раздел содержит теоретическое обоснование концепта «социальная трансмиссия». Четвертый раздел статьи включает в себя описание пилотажного исследования, проводившегося в Санкт-Петербурге в 2021 г., и подробный анализ его результатов.

Теория

Понятие «устойчивое развитие» является междисциплинарным термином и используется как в точных, естественно-научных, так и в гуманитарных дисциплинах. Устойчивое развитие в социальном смысле становится стержнем государственной системы современного мира. В связи с этим все развитые страны стремятся определить контуры стратегических решений и будущих ориентиров именно в этом ключе (Е. И. Алексин [1], Е. С. Грузневич [2], С. Б. Мурашев [3]). Международное сообщество рассматривает устойчивое развитие в качестве ключевого императива, позволяющего выдвигать социальную составляющую как приоритетную по отношению к экономической (С. Н. Бобылев, С. В. Соловьева [5]). Для России именно стабильность в развитии даст возможность устоять в современных сложных политико-экономических условиях (Д. Уалаалу [6], Т. В. Скрыль, Е. В. Шавина, Е. Доценко [7]).

Важной составляющей устойчивого развития государства является устойчивость основных социальных групп к социальным вызовам и рискам. Дестабили-

зирует общество именно неготовность населения к вызовам, которые продуцирует динамичная социальная реальность. Понятие устойчивости населения к социальным рискам связано со стабилизацией в обществе и его устойчивым развитием. В современной научной литературе термин «устойчивость к рискам» характеризуется в рамках нескольких дисциплин и научных подходов. В первую очередь это — психологический подход, в котором устойчивость изучается в контексте характеристик личности, позволяющих ей эффективно противостоять различным внешним угрозам — прежде всего стрессам (М. О. Шуайбова, И. С. Минбулатова, Р. В. Магомедов [8]; Н. А. Лукьянова, Е. В. Родионова, Т. В. Конюхова [9]; З. И. Гадаборшева, Ш. И. Булуева, М. Р. Бекова [10]; М. Н. Соловьев [11]; Л. Гайтан [12]). В современной социологии понятие устойчивости исследуют в рамках освещения проблем уязвимых групп населения (А. И. Трунова [13]), социальной интеграции (Ю. М. Пасовец [14]), а также в контексте изучения социальных систем (А. В. Малахов [15]).

Устойчивость рассматривают и в различных социальных контекстах: учебном процессе (З. И. Гадаборшева, Ш. И. Булуева, М. Р. Бекова [10]; О. Борисова, В. Фролова, Л. Артамонова [16]), взаимодействии внутри семьи (Н. Г. Мяснякина, Е. П. Ширяева [17]), профессиональной деятельности (Л. В. Зубова, А. Н. Гирина [18]) и самореализации личности (И. И. Харченко, Н. М. Арсентьева [19]). Важной составляющей устойчивого развития государства является устойчивость основных социальных групп к социальным вызовам и рискам. Дестабилизирует общество именно неготовность населения к вызовам, которые продуцирует динамичная социальная реальность. На наш взгляд, сегодня в России в контексте формирования общества устойчивого развития особое значение имеют две большие социальных группы — молодежь и пожилые люди. Выраженная значимость данных групп объясняется несколькими причинами.

Прежде всего данные группы в современном российском обществе являются одними из наиболее многочисленных: на их долю суммарно приходится свыше 46 % населения страны (Росстат, 2021 г. — 19 % населения РФ лица 18–35 лет; 22,8 % — старше 59 лет) [20, с. 8–10]. Кроме того, во многом именно от указанных социальных групп зависит то, каким предстанет будущее нашей страны: согласно данным ВЦИОМ, именно эти категории — наиболее активные участники избирательного процесса (на выборах Президента РФ в 2018 г. явка избирателей 18–35 лет составила 69,5 % от общего числа избирателей данной возрастной группы, а для граждан от 60 лет этот показатель был равен 67,2 %) ¹. Указано, что молодым людям свойственна не только электоральная активность, но и высокий протестный потенциал: по данным исследований, количество участников протестных акций 23 января 2021 г. в Москве в возрасте от 18 до 35 лет составило 52 % от общего числа участников ².

Вместе с тем эти социальные группы являются наиболее социально уязвимыми категориями населения России: именно на долю молодежи и пожилых людей выпадает наибольшее количество социальных рисков. В отношении молодежи исследователи выделяют социальные риски, связанные с социализацией [21], социальной адаптацией [22], трудоустройством [23], рискованным, асоциальным [24], суицидальным [25] и аддиктивным поведением [26]. В качестве основных соци-

¹ Молодежь ломает стереотипы // ВЦИОМ. 2018. 22 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-lomaet-stereotipy-> (дата обращения: 09.12.2021).

² Рожкова Е. В. Далеко не школота: социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян // Коммерсант. 2021. 30 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663> (дата обращения: 09.12.2021).

альных рисков для пожилых людей исследователи выделяют социальную дезадаптацию [27], социальное исключение [28], бедность [29], самолечение [30], риски, связанные с использованием цифровых технологий и социальных сетей [31].

Анализ существующего в современной науке подхода к изучению проблематики социальных рисков для молодежи и пожилых людей демонстрирует сразу две негативные тенденции. Во-первых, исследования по тематике вызовов и рисков для молодежи и пожилых людей по большей мере носят констатирующий характер и лишены комплексного анализа причин возникновения рисковенных ситуаций. Во-вторых, исследователи подчас склонны противопоставлять молодежь и пожилых людей в вопросах социальных потребностей, положения в обществе и поведения [32].

По нашему мнению, по причине описанных выше негативных тенденций существующие в современной науке подходы не позволяют в полной мере оценить проблему социальной уязвимости молодежи и пожилых людей, последствия ее влияния на благополучие и устойчивое развитие общества. Вместе с тем углубленное изучение причин социальной уязвимости молодежи и пожилых людей в период социальной трансмиссии может дать более фундаментальное обоснование в понимании мер, необходимых для формирования устойчивого развития российского общества. *Социальная трансмиссия* — процесс, обусловленный переходностью психофизиологического состояния и социального статуса представителей возрастных групп (из юности в зрелость и из зрелости в старость), сопряженный с переживаемой неопределенностью, фрустрацией, тревожностью, подавленностью и т. д. Состояние социальной трансмиссии, с одной стороны, характеризуется неизбежными психофизическими возрастными изменениями, с другой — изменением социального положения, рефлексии, оценки ситуации, окружения, отношений и восприятия социума, что в совокупности создает для индивида ситуацию социальной неустойчивости, в которой он не всегда способен адекватно противостоять вызовам и угрозам.

Социальной-философские основы переходности социального статуса и связанные с этим состоянием трудности, характерные для молодежи и пожилых людей, описаны французским философом и интеллектуалом Аленом Бадью. А. Бадью указывает на неопределенность социального статуса молодежи и пожилых людей как на основную причину их уязвимости. Анализируя существующую общественную структуру, он выделяет три группы, различающиеся по возрасту и социальному положению. К ним отнесены молодые, «взрослые» («сорока- и пятидесятилетние») и пожилые. Группе «взрослых», завоевавших устойчивое положение в социуме и оказывающих существенное влияние на социальную среду, противопоставлены молодежь и пожилые люди, поскольку они в значительной степени отстранены от участия в распределении общественных благ и принятия важнейших решений. Такое положение данных групп объясняется крушением того, что Бадью называет «традиционным миром»: в новых реалиях, с одной стороны, снижается традиционный социальный контроль в отношении молодежи, с другой — происходит обесценивание социального значения «старости», поскольку традиционная социальная роль пожилых людей — хранителей знаний и жизненного опыта — разрушается под давлением социального и технологического прогресса. В результате и молодежь, и пожилые люди оказываются социально дезориентированными, что негативно сказывается на их благополучии и делает их уязвимыми перед лицом вызовов новой реальности [33, с. 86–88].

Экономическую составляющую данного процесса подробно описывает британский исследователь Гай Стэндинг, раскрывая проблему социальной неустойчивости, в состоянии которой в условиях современного рынка труда оказываются

обе исследуемые группы. Стэндинг указывает на существующую дискриминацию на рынке труда, которой в настоящее время подвержены молодежь и пожилые люди: представители данных групп имеют более низкую заработную плату, чем группа среднего возраста, а также в значительной степени подвержены прекариатизации — отсутствию стабильных трудовых отношений с работодателем. И молодежь, и пожилые люди вынуждены соглашаться на нестабильные (прекарные) трудовые отношения из-за отсутствия необходимого трудового опыта: первая группа еще не успела приобрести его в должном объеме, а опыт пожилых подвергся социальной девальвации в условиях стремительного научно-технического прогресса. Кроме того, молодежь вынужденно находится в условиях необходимости совмещения работы и учебы, а пожилые оказываются в рядах прекариата в связи с достижением пенсионного возраста и прекращения полноценных трудовых отношений по основному месту работы. Речь идет о том, что результатом процесса прекариатизации является снижение социального статуса, что приводит к росту социальной уязвимости индивида [34].

И Бадью, и Стэндинг [34; 35] объясняют описанные ими негативные явления современным состоянием капиталистической системы. Оба автора пишут о том, что уязвимое положение и молодежи, и пожилых людей обусловлено именно их возрастными характеристиками, а точнее — вызванным ими состоянием перехода, *трансмиссии* социального статуса.

Результаты и обсуждение

О влиянии состояния социальной трансмиссии на молодежь и пожилых людей также свидетельствуют результаты проведенного авторами пилотного эмпирического исследования. Основным методом сбора материала стало проведение полуструктурированных интервью с представителями исследуемых групп. Выборка исследования составила десять человек: проведено пять интервью с молодыми людьми 17–24 лет и пять интервью — с респондентами 60–75 лет. В ходе анализа и интерпретации полученных результатов удалось зафиксировать обеспокоенность респондентов рядом состояний, которые связаны с нахождением индивида на определенном этапе жизненного пути. Кроме того, респонденты подробно описали социальные риски, с которыми им приходится сталкиваться в повседневной жизни.

Молодые люди продемонстрировали значительную обеспокоенность, связанную с выбором стратегии дальнейшего развития и поиска жизненного пути. Респондентов волнует стоящий перед ними выбор: поступить в колледж или вуз, пойти в армию или воспользоваться отсрочкой (указано двумя респондентами 17 и 18 лет), начать трудовую деятельность или сконцентрироваться на учебе (отмечено двумя респондентами 20 и 21 года); остаться жить с родителями или начать строить самостоятельную жизнь (указано тремя респондентами 17, 18 и 24 лет). Кроме того, 17-летний и 24-летний респонденты обеспокоены будущим материальным положением: предстоящим изменением структуры доходов (достижением предельного возраста получения социальных пособий и пенсионных выплат, прекращением выплаты стипендии в связи с окончанием вуза). Это респонденты воспринимают как существенные угрозы их благополучию. Обращено внимание и на трудности, связанные с изменением места постоянного проживания. Среди них — утрата права на студенческое общежитие в связи с окончанием обучения, высокие цены на аренду жилья в крупных городах (об этом пишут респонденты 21 и 24 лет), страх «не найти себя» в новом городе, потерять привычный круг общения и разорвать родственные связи (на это указывают респонденты 17 и 18 лет).

Пожилых людей, участвовавших в исследовании, беспокоили в первую очередь проблемы, связанные с изменением состояния здоровья, а также с окончанием трудового пути. Наблюдается тревожность перед перспективой выхода на пенсию. Актуальны вопросы о том, будет ли новый размер доходов достаточен для поддержания привычного образа жизни, удастся ли перестроить привычный распорядок дня, найти новое занятие (это волнует респондентов 60 и 66 лет). Респондентов беспокоят объективные возрастные изменения: снижение когнитивных способностей, сокращение физической активности, страх перед нарастающей угрозой деменции и старческой немощи (подобное беспокойство присуще всем пожилым респондентам). При этом пожилые люди отмечали обеспокоенность предстоящим выбором. В частности, необходимо ли с наступлением старости продолжать жить отдельно либо нужно переезжать к взрослым детям или в интернат для пожилых людей? Кроме того, выявлен риск отставания от технологического прогресса: повсеместная информатизация привычных процессов вызывает у пожилых людей тревогу относительно утраты способности ориентироваться в социальном пространстве (на указанные риски ссылаются три респондента 66, 70 и 75 лет).

Анализ результатов интервью позволяет прийти к выводу о том, что все описанные социальные риски и тревожные состояния во многом обусловлены именно *переходностью состояния индивида* (обусловленного с одной стороны возрастными изменениями (переходом из юности в зрелость и из зрелости в старость), с другой — трансмиссией социального статуса (переходом из статуса обучающегося в статус специалиста и из статуса специалиста в статус пенсионера), поскольку отмечено, что ранее такие риски и тревожные факторы были либо не свойственны респондентам, либо не вызывали значительного беспокойства. В настоящем же состоянии чувство неопределенности и рост числа рискогенных ситуаций, по данным исследования, вызывают у респондентов не только беспокойство, но и страх.

Заключение

Концепция социальной трансмиссии может оцениваться как новый перспективный подход к изучению социальных рисков молодежи и пожилых людей. Данная концепция позволяет полнее оценить причины возникновения угроз социальному благополучию представителей молодежи и пожилых людей. Кроме того, понимание социальной трансмиссии как важнейшего фактора уязвимости молодежи и пожилых людей позволяет не только обойти проблему противопоставления данных социальных групп, но и выявить их схожие характеристики и возможности взаимодействия в вопросе формирования социальной устойчивости.

Негативное влияние социальной трансмиссии на благополучие молодежи и пожилых людей подтверждается результатами пилотажного исследования. Переход из статуса обучающегося в статус специалиста и переход из статуса специалиста в статус пенсионера создают ситуацию неопределенности, что, в свою очередь, может привести к искажению социальных ориентиров, фрустрации и дезориентации в условиях быстро изменяющегося мира. При этом возникающие в таком состоянии социальные риски могут рассматриваться в качестве фактора, оказывающего непосредственное влияние на самовосприятие индивидом своего места в обществе и приводить к необратимым результатам как на индивидуальном, так и на социальном уровне, вплоть до выражения недовольства в виде участия в публичных протестах.

Дальнейшее изучение социальной трансмиссии сегодня может быть признано одной из значимых задач для социальных наук. Обусловленность этого процесса как социальными факторами, так и объективными психофизиологическими состояниями индивида позволяет говорить о необходимости комплексного и междисциплинарного подхода при изучении данной проблемы. Рассмотрение успешной адаптации молодежи и пожилых людей к состоянию социальной трансмиссии, формирование у описанных возрастных групп соответствующего уровня социальной компетентности как условия сохранения и развития устойчивости общества может дать новое понимание концепта социальной трансмиссии, способствовать формированию нового посыла к стабильности государства и оптимизации устойчивого развития страны.

Список источников

1. *Алехин Е. И.* Об определении критериев устойчивого развития // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4 (48). С. 7–14.
2. *Грузневич Е. С.* Развитие, устойчивое развитие и сбалансированное устойчивое развитие и их взаимосвязь на уровне региона: терминологические аспекты // Россия: тенденции и перспективы развития: сборник трудов конференции. 2017. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. С. 839–843.
3. *Мурашев С. Б.* Социальные технологии как средство модернизации системы управления // Теория и практика общественного развития. 2019. № 9. С. 50–55. DOI: 10.24158/tipr.2019.2.2
4. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту: статистический бюллетень. М.: Росстат, 2021. 443 с.
5. *Bobylev S. N., Solovyeva S. V.* Sustainable development goals for the future of Russia // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28. No. 3. P. 259–265. DOI: 10.1134/S1075700717030054
6. *Oualaalou D.* Outlook for the Russian Federation // The Dynamics of Russia's Geopolitics. Springer: Cham, 2021. P. 97–116. DOI: 10.1007/978-3-030-58255-5_6
7. *Skryl T., Shavina E., Dotsenko E.* New Industrial Conditions of Sustainable Development of Mineral Resource Dependent Russian Economy in High Volatility Conditions // E3S Web of Conferences. 2019. Vol. 105. No. 2. P. 04049. DOI: 10.1051/e3sconf/201910504049
8. *Шуайбова М. О., Минбулатова И. С., Магомедов Р. В.* Стрессоустойчивость студенческой молодежи как показатель здоровья и безопасности жизнедеятельности // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2019. № 9 (175). С. 400–406.
9. *Лукьянова Н. А., Родионова Е. В., Конюхова Т. В.* Социологические основания траектории поддержания психоэмоциональной устойчивости студентов в стрессовых ситуациях // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 153–159. DOI: 10.17223/15617793/440/21
10. *Гадаборшева З. И., Булуева Ш. И., Бекова М. Р.* Особенности проявления стрессоустойчивости у школьников и студентов в процессе обучения // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 375–376. DOI: 10.24412/1991-5500-2020-685-375-376
11. *Соловьев М. Н.* Психологическая устойчивость личности как фактор эффективного преодоления профессиональных стрессов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 41–55. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-41-55
12. *Gaitán L.* The commodification of personality: Human enhancement and market society // Human Affairs. 2021. Vol. 31. No. 1. P. 40–45. DOI: 10.1515/humaff-2021-0003
13. *Трунова А. И.* Особенности устойчивости к социальным рискам у подростков из замещающих семей // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 5-1 (33). С. 276–282.
14. *Пасовец Ю. М.* Вторичная занятость студентов как фактор профессионализации и социальной интеграции молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 183–197. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.12

15. Малахов А. В. Вернакуляр и эмансипация: «народная» архитектура как ресурс для социального развития // Теория и практика общественного развития. 2020. № 2. С. 20–24. DOI: 10.24158/tpor.2020.2.6
16. Borisova O., Frolova V., Artamonova L. The Educational and Globalization Components of Sustainable Development, and Their Factors // E3S Web of Conferences. 2019. Vol. 105. No. 7. P. 04047. DOI: 10.1051/e3sconf/201910504047
17. Мяснянкина Н. Г., Ширяева Е. П. Исследование готовности к браку современной молодежи // Казанский педагогический журнал. 2019. № 2 (133). С. 185–189.
18. Зубова Л. В., Гирина А. Н. Формирование психологической готовности специалиста к профессиональной деятельности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. № 4 (222). С. 134–138. DOI: 10.25198/1814-6457-222-134
19. Харченко И. И., Арсентьева Н. М. Парадоксы профессиональной ориентации молодежи: что в приоритете — интересы и самореализация или потребности экономики // Социодинамика. 2019. № 12. С. 86–101. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31800
20. Бабочкин П. И. Социализация молодежи: опыт, проблемы, мероприятия // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 1. С. 281–285.
21. Голджян А. Г. Проблемы социальной адаптации молодежи // Молодой ученый. 2018. № 29 (215). С. 136–138.
22. Кисляков П. А., Меерсон А. С., Егорова П. А. Показатели психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам и негативному информационному воздействию // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. № 2 (31). С. 1–11. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-2-11
23. Мохаммадина Т., Негадари С. Изучение образа жизни молодежи в контексте правопорядка и безопасности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 2. С. 259–270. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.14
24. Черепанова М. И., Эбелинг Э. О. Модель социальных факторов риска суицидального поведения молодежи Алтайского края // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 12-1. С. 111–123.
25. Андриенко О. А., Безенкова Т. А., Безенков К. Е. Реализация современных технологий, направленных на профилактику интернет-зависимости у подростков — субъектов образовательной среды // Перспективы науки и образования. 2020. № 3 (45). С. 226–238. DOI: 10.32744/pse.2020.3.17
26. Акимова О. В. Риски дезадаптации в пожилом возрасте // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2018. Т. 8. № 5. С. 185–186.
27. Walsh K., Scharf T., Keating N. Social exclusion of older persons: a scoping review and conceptual framework // European Journal of Ageing. 2017. Vol. 14. No. 1. P. 81–89. DOI: 10.1007/s10433-016-0398-8
28. Besora-Moreno M., Llauradó E., Tarro L., Solà R. Social and Economic Factors and Malnutrition or the Risk of Malnutrition in the Elderly: A Systematic Review and Meta-Analysis of Observational Studies // Nutrients. 2020. Vol. 12. No. 3. P. 737. DOI: 10.3390/nu12030737
29. Шилова Л. С. Практики самолечения российского населения // Культурное наследие России. 2014. № 2. С. 61–65.
30. Nuchitprasitchai S., Kilanurak N., Porrawatpreyakorn N. Guidelines for Reducing Risk of Social Media Usage for Thai Elderly // 17th International Conference on Electrical Engineering/Electronics, Computer, Telecommunications and Information Technology (ECTI-CON), 2020. DOI: 10.1109/ECTI-CON49241.2020.9158321
31. Максимова С. Г., Ноязина О. Е., Максимова М. М. Специфика межпоколенного взаимодействия в контексте исследования социальной эксклюзии: экспертные оценки // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2017. № 1 (147). С. 185–192.
32. Щанина Е. В. Социальные риски пожилых людей в современном российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2016. Т. 9. С. 38–50.
33. Кузнецова П. Недоходная бедность пожилых // ЭКО. 2018. № 3 (525). С. 27–43.
34. Badiou A. La vraie vie: appel à la corruption de la jeunesse. Paris: Fayard, 2016. 128 p.
35. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury Academic, 2011, 378 p.

Информация об авторах

Е. В. Мороз — аспирант факультета социологии; 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9;

И. Л. Первова — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии; 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

Information about the authors

E. V. Moroz — postgraduate student at the Faculty of Sociology; 7-9 Universitetskaya emb., St. Petersburg 199034, Russia;

I. L. Pervova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work of the Faculty; 7-9 Universitetskaya emb., St. Petersburg 199034, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 21.07.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 21.07.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-284-298

К проблеме формирования социального достоинства в образовательной системе

Ирина Викторовна Козлова¹, Виктория Владимировна Брюно²✉

^{1, 2} Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

¹ iraangarskaya@mail.ru

² victoria.bruno@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-9735-024X>

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы формирования социального достоинства через систему образования. Сделан акцент на том, что современное образование проникнуто концепциями индивидуализма, которые включают в себя широко распространенное в настоящее время убеждение либеральных мыслителей в том, что образование должно быть сосредоточено на росте и развитии личности. В противовес этому тезису рассмотрена парадигма социальной солидарности и коллективизма в образовании, предложенная французским социологом Э. Дюркгеймом. Данная парадигма, по мнению ученого, способствует более результативному формированию социального достоинства. В статье предпринята попытка проанализировать различные аспекты формирования социального достоинства у молодежи: через призму ценностных ориентаций, жизненной позиции и в контексте девиантного поведения, через призму социальных норм. На основе материалов многолетних исследований различных форм девиантного поведения в молодежной среде (результатов опросов школьников, студентов вузов, несовершеннолетних в пенитенциарной системе), проведенных сектором социологии девиантного поведения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН), выделены определенные социальные закономерности, способствующие росту отклоняющегося поведения детей и подростков. Показано, что стержнем достоинства выступает духовно-нравственное содержание личности. При этом важными составляющими социального достоинства являются ценностно-нормативное, правовое, гражданское сознание. Подростки с девиантной направленностью личности обнаруживают более низкие уровни развития в этих сферах. По результатам исследования авторы заключают, что низкий уровень сформированности внутреннего и внешнего (социального) достоинства приводит к развитию у подростков различных форм девиантного поведения. Согласно авторской позиции, формирование и развитие социального достоинства у молодежи видится возможным через переориентацию школы с примата воспитания индивидуализма на приобщение себя к коллективу и служение обществу.

Ключевые слова: социальное достоинство, образование, социальные нормы, ценностные ориентации, девиантное поведение, молодежь, нормативно-правовое сознание

Для цитирования: Козлова И. В., Брюно В. В. К проблеме формирования социального достоинства в образовательной системе // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 284–298. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-284-298>

Original article

Formation of social dignity through the education system

Irina V. Kozlova¹, Vikroriia V. Bryuno²✉

^{1, 2} Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS), Moscow, Russia

¹ iraangarskaya@mail.ru

² victoria.bruno@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-9735-024X>

© Козлова И. В., Брюно В. В., 2022

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problem of the formation of social dignity through the education system. The emphasis is placed on the fact that modern education is deeply imbued with concepts of individualism, which include the currently widespread belief, inspired by liberal thinkers, that education should be focused on the growth and development of the individual. In contrast to this thesis, the paper considers the paradigm of social solidarity and collectivism in education, proposed by E. Durkheim. This paradigm, according to the scientist, contributes to a more effective formation of social dignity. The paper attempts to consider various aspects of the formation of social dignity among young people: through the prism of value orientations, life position and in the context of deviant behavior through the prism of social norms. Based on the materials of long-term studies of various forms of deviant behavior among young people (results of surveys of schoolchildren, university students, minors the penitentiary system), conducted by the sector of sociology of deviant behavior of the IS FCTAS RAS, certain social patterns have been identified that contribute to the growth of deviant behavior of children and adolescents. It is shown the important components of social dignity are value-normative, legal, national consciousness. Adolescents with a deviant personality orientation show lower levels of development in these areas. The study allows us to conclude that, ultimately, a low level of formation of both internal and external (social) dignity leads to the development of various forms of deviant behavior in adolescents. The formation and development of social dignity among young people is possible through the reorientation of the school from the primacy of individualism education to the inclusion of oneself in the collective and service to society.

Keywords: social dignity, education, social norms, values, deviant behavior, youth, normative-legal consciousness

For citation: Kozlova I. V., Bryuno V. V. Formation of social dignity through the education system. *Sociology and Law. 2022;14(3):284-298.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-284-298>

Введение

Российское образование, вступив на новый этап развития, связанного с отказом от западной парадигмы, находится в поиске новых приоритетов и системы ценностей. Перед школой стоит задача подготовки выпускника, адаптированного к новым общественным отношениям, способного к саморазвитию и непрерывному совершенствованию, обладающего чувством собственного достоинства. В этой связи важнейшей проблемой становится формирование человеческого достоинства. В современной науке, как зарубежной, так и отечественной, практически отсутствуют разработки в области формирования человеческого достоинства через систему образования. В научном дискурсе нет единого подхода к определению данного понятия. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) заявила о необходимости переосмысления образования, подчеркнув, что вопросы, связанные с достоинством, должны учитываться в образовании и что образование должно быть основано на гуманистическом видении, признающем достоинство и права всех людей [1].

Проблема формирования и сохранения человеческого достоинства находится в числе приоритетных проблем науки и образования. Кризисное состояние нравственности, девальвация ценностей среди молодежи говорит о глубоком антропологическом кризисе [2, с. 126]. Современная Россия нуждается в проведении долгосрочных преобразований, которые будут нацелены на возвышение человеческого достоинства как фундамента культурного прогресса общества.

Цель настоящего исследования состоит в анализе концепции человеческого достоинства на предмет ее практического применения в области современного российского образования. В статье нами уделено большое значение понятию

«социальное достоинство» и путям его формирования через школьное образование. Среди задач исследования — рассмотрение различных аспектов формирования социального достоинства (позитивных и негативных) у молодежи. Позитивные аспекты социального достоинства освещены через призму ценностных ориентаций подростков и молодежи, их жизненной позиции, гражданского сознания; негативные аспекты социального достоинства — в контексте девиантного поведения, через призму нарушения социальных норм.

Эмпирическая база и методы исследования

Эмпирическую основу статьи составляют материалы многочисленных исследований в области девиантного поведения, проводимые сектором социологии девиантного поведения ИС ФНИСЦ РАН. Нами использованы результаты опросов школьников 7–11 классов (2014 г., 20 субъектов Российской Федерации (РФ), $N = 671$; 2018 г., Москва, Тверь, Краснодар, Ярославль, Рыбинск, $N = 620$; 2022 г., Москва, Тверь, Балашиха, $N = 279$), студентов вузов (2013 г., Москва, Краснодар, Таганрог, Казань, $N = 739$; 2018 г., Москва, Краснодар, Ярославль, Рыбинск, $N = 514$; 2022 г., Москва, Краснодар, Ярославль, Рыбинск, $N = 391$) и несовершеннолетних, находящихся в пенитенциарной системе (колонии), (2011 г., $N = 106$; 2014 г., $N = 102$). Анкеты состояли из различных тематических блоков, посвященных изучению ценностных ориентаций молодежи, их социальных установок, представлений об общественных нормах и готовности их соблюдать или нарушать, особенностей правового сознания, вовлеченности в различные формы девиантного поведения и др.

В 2021–2022 гг. проведены полуструктурированные интервью с преподавателями в средних и старших классах общеобразовательных школ Москвы, Балашихи, Твери ($N = 18$, возраст респондентов — от 31 до 56 лет). Тематика интервью — роль индивидуализма и коллективизма в современном образовательном процессе, воспитательные практики в школах и формирование социального достоинства у учащихся.

Теория

Понятие и дискурсы достоинства. Понятие «достоинство» относится к категории сложных, многоаспектных феноменов и служит предметом исследования многих наук. Традиционно достоинство идентифицируется как аксиологический концепт, морально-нравственная и правовая категория, означающая уважение и самоуважение человеческой личности, то есть осознание личностью и окружающими факта обладания совокупностью определенных моральных и интеллектуальных качеств (например, нравственными, профессиональными качествами, уровнем знаний, социально-полезными навыками, достойным образом жизни и т. п.), а также уважение этих качеств в самом себе, что является основой формирования правосознания и обретения материальных и нематериальных прав. Достоинство может быть рассмотрено с точки зрения религии, философии, этики, прав человека, политики, медицины, психологии, педагогики, социологии и т. д.

С религиозной точки зрения достоинство — это состояние, в котором все люди имеют равный потенциал. Однако он может быть реализован лишь путем соответствия жизни высшим духовным стандартам. К религиозному подходу близок философско-этический дискурс, раскрывающий нравственно-личностное значение достоинства. Например, немецкий философ И. Кант считал, что достоинство человека заключается в его нравственности, а нравственное отношение

человека к себе «состоит не в том, чтобы удовлетворять свои страсти и склонности — наоборот, следует проявлять умеренность и воздержанность, — а в том, чтобы человек обладал известным внутренним достоинством» [3]. Только человеческое достоинство, по мнению Канта, «в состоянии удержать юношу в надлежащих границах» [3].

Политико-правовой дискурс истолковывает достоинство личности как одно из неотъемлемых прав человека. В психологическом измерении тема достоинства рассматривается в рамках проблемы личности (гуманистического и экзистенциального направлений). Для раскрытия феномена достоинства в психологии изучаются такие характеристики личности, как чувство собственного достоинства, индивидуальность, самоуважение, самооценка, самосознание, идентичность, доверие к себе, Я-концепция, ответственность, чувство долга и др. [4]. В гуманистической педагогике достоинство трактуют как нравственную ценность в ракурсе: «достоинство воспитывает достоинство», в связи с этим уважительное отношение педагога к ученику выступает проявлением личностного и профессионального достоинства [4]. Одна из главных задач образования — научно-методическая разработка проблем, связанных с формированием у растущего человека отношения к самому себе как к социально значимому существу, то есть чувства чести и собственного достоинства.

В настоящей статье мы будем опираться на определение достоинства, которое дал российский социолог И. С. Кон: «Человеческое достоинство — это особое моральное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества, в котором признается ценность личности» [5]. Опираясь на данное определение, можно выделить две позиции философского взгляда на человеческое достоинство — это *внутреннее достоинство* (особое моральное отношение человека к самому себе) и *социальное достоинство* (отношение к человеку со стороны общества, в котором признается ценность личности). Таким образом, внутреннее достоинство — это аспект человеческого достоинства, которым обладают все люди вследствие их человечности и равенства. Социальное достоинство формируется через взаимодействие с другими людьми, оно может быть утрачено, подвергнуто угрозе либо повышено. Социальное достоинство занимает центральное место в эмпирических исследованиях в области социологии и требует детального изучения. Основное внимание нами уделено в статье различным аспектам формирования социального достоинства в молодежной среде через систему образования.

Проблема формирования социального достоинства через систему образования. О значимости социального достоинства пишет французский социолог Э. Дюркгейм, который отводил школе первостепенную роль в его формировании. Ученый видел социализацию личности не в развитии индивидуализма, включающего в себя эгоизм и аномию (деморализацию, ослабление связи с обществом, переживание беспочвенности, которое является причиной распространения девиантного поведения), а через социальную солидарность, через приобщение себя к коллективу и служение обществу. Именно учреждение школы предлагает особенно раннюю и интенсивную возможность для участия в групповой жизни и тщательной социализации в коллективном опыте. Вклад, который должна вносить школа, заключатся в ее нравственном воспитании. Последнее, в свою очередь, состоит в формировании у ученика социальной морали, а не индивидуальной. Дюркгейм выразил эту мысль очень убедительно: «Все, что является источником солидарности, является моральным, все, что заставляет человека считаться с другими людьми, является моральным, все, что заставляет его регулировать свое поведение с помощью чего-то другого, кроме стремления своего эго, является

моральным. Человек является нравственным существом только потому, что он живет в обществе, поскольку нравственность состоит в том, чтобы быть солидарным с группой и меняться в соответствии с этой солидарностью» [6].

Согласно Дюркгейму, долг учителя состоит в том, чтобы дать ученикам наиболее яркий опыт групповой жизни и ее требований, как в отношении групп, к которым ученик принадлежит сегодня, так и в отношении групп, к которым он будет принадлежать после школы. Дюркгейм утверждает, что бремя учителя состоит в том, чтобы передавать ученикам авторитетные требования, которые общественная групповая жизнь предъявляет ко всем, как к учителю, так и к ученикам. В таком случае социализация ребенка пройдет успешно, что может свидетельствовать и о сформированности социального достоинства. Учитель является инструментом, а не автором моральной силы и авторитета, которые исходят из групповой жизни. Если власть учителя превращается в деспотизм, каким бы благожелательным или замаскированным не было его проявление, в этом случае его центральная функция извращается.

Тезис Дюркгейма представлен в контрасте с индивидуализмом в современном образовании. Но мы не утверждаем, что образовательная забота об индивидуальном развитии ученика ошибочна. Скорее, хотим привлечь внимание к тому факту, что индивидуальное и социальное являются взаимозависимыми понятиями и в то же время потенциально конфликтуют друг с другом. Искусство состоит в том, чтобы удерживать эти два элемента в некотором равновесии, в обеспечении того, чтобы конфликты между ними не приводили к деформации формирования социального достоинства личности.

Результаты и обсуждение

Современные тенденции образования в мире (в том числе в России) содержат культ индивидуализма [7]. Образовательные программы изобилуют такими понятиями, как «личностный рост», «индивидуальное развитие», «независимость», «автономия», «самостоятельность», «самодостаточность», «инициатива», «креативная личность» и т. п. Эту тенденцию отмечают и опрошенные нами школьные преподаватели, полагая, что в основе современных учебных программ и, как следствие, учебно-воспитательного процесса в целом находятся идеи индивидуализма. Концепции коллективизма, на которых строилась система советского образования, практически отсутствуют в современной школе.

Опрошенные нами преподаватели по-разному оценивали достоинства и недостатки индивидуалистского подхода в воспитательном процессе. Но большинство указали, что пагубность данного процесса заключается в том, что чрезмерные попытки «навязать» учащимся стратегии индивидуализма приходится на период, когда у подростков и юношества особенно сильна потребность в группировании, в коллективе. Один из опрошенных преподавателей сообщает: «Западные педагогические образцы, ставящие своей целью формирование свободной, независимой личности, возможно, хороши, но не совсем гладко ложатся на российскую ментальность, не учитывают нашу историческую традицию коллективизма. Встает вопрос: личность независима от чего? От коллектива? В российском обществе коллектив всегда выполнял функцию как поддержки, так и социального контроля. А в результате получается некий странный гибрид, когда и личная ответственность не формируется в должной мере, и ориентация на коллектив утрачена».

Преподаватели отмечают, что потребность в группировании у подростков сильна и может быть реализована как в общественно полезной, так и в девиантной формах. Не находя социально приемлемых способов удовлетворения своих

потребностей в образовательной среде, подростки неосознанно начинают искать иные способы восполнения дефицита «общинности», вовлекаясь в различные неформальные группы. Следует отметить, что социальная солидарность или коллективизм, который исчез из современной системы образования, активно процветает в контркультурах молодежи. Зачастую это — различные движения, многие из которых имеют девиантную основу. К ним относятся, например, АУЕ (организация запрещена в России), «Зацеперы», «Беги или умри», «Поясни за шмот», «Колумбайнеры», «Офники» и др.

Опросы школьников средних и старших классов, проведенные сектором социологии девиантного поведения в 2014, 2018 гг., показали, что от 15 % до 20 % подростков состоят в той или иной неформальной группе. Учащиеся с элементами девиантного поведения (часто употребляющие спиртное, участвующие в драках, вандализме, имеющие опыт употребления наркотиков и т. п.) отмечают свою принадлежность к группам чаще (каждый третий). Вовлеченность подростка в неформальные группы сверстников тем сильнее, чем хуже его отношения с семьей и школой. Так, опросы несовершеннолетних, пребывающих в колониях (2011 г., $N = 106$; 2014 г., $N = 102$), свидетельствуют о том, что более половины из них (56 %) до того, как оказаться в колонии, состояли в группе, члены которой совершали противоправные поступки. При этом почти 60 % говорят о том, что родители мало интересовались тем, как и с кем подросток проводит время. Между тем устойчивые преступные группы среди подростков встречаются сегодня нечасто, хотя и продолжают фиксироваться сотрудниками правоохранительных органов. Эти группы представляют собой негативную микросреду, в которой у подростка формируются социально-отрицательные интересы, стремление к взрослым формам поведения: ранний сексуальный опыт, групповое употребление алкоголя, наркотиков. В таких группах подросток проходит своеобразную школу ложного коллективизма, риска, романтики, подлости и жестокости [8].

Критически оценивая культ индивидуализма в образовании, мы не призываем заменить его культом коллективизма. Любой культ является неадекватной основой для образования или для общества. Но чрезмерный индивидуализм может оказаться губительным, лишая индивидов их потребностей в групповом сотрудничестве, а также в надежной идентичности, опирающейся на социальную поддержку. Э. Дюркгейм верил, что чрезмерному индивидуализму можно и нужно противостоять с помощью школьного нравственного воспитания с сильной ориентацией на коллективизм. Дюркгейм утверждал, что существует другой индивидуализм, который радикально отличается от эгоистического индивидуализма. В последнем все подчинено частным интересам индивида, а другой индивидуализм заботится об основных правах и достоинстве всех индивидов. Этот индивидуализм связан с прославлением не себя, а личности в целом. Его движущей силой является не эгоизм, а сочувствие ко всему человеческому, более широкая жалость ко всем человеческим страданиям, более горячее желание бороться с ними и облегчать их, большая жажда справедливости. Иными словами, подлинная общность и подлинная социальная солидарность достигаются при условии, если они основаны на уважении прав личности и если общество может быть справедливым и сострадательным.

Еще один интересный тезис Э. Дюркгейма, на который нельзя не обратить внимание, гласит, что только благодаря коллективному опыту формирования своего социального достоинства можно развить в себе внутреннее достоинство. Приверженность правам и достоинству человека не может быть сформирована как исключительно интеллектуальный или когнитивный опыт, она должна быть воспринята через социальный опыт.

Как и любое сложное явление, социальное достоинство складывается из нескольких факторов. Например, проблема формирования социального достоинства молодежи может быть рассмотрена *через призму ценностных ориентаций, жизненной позиции.*

В процессе социализации подростков и молодежи, становления их личности происходит усвоение ими общественных норм и приобщение к нравственным ценностям. Особое место среди них занимает достоинство как категория нравственного сознания. Достоинство несет в себе волевой компонент, позволяя человеку регулировать свое поведение и совершать те или иные действия, имеющие позитивную общественную и личную значимость. Развитое социальное достоинство проявляется в уважительном отношении к другой личности, к своей стране (гражданское самосознание), в готовности к сотрудничеству, социальному партнерству, в моральной устойчивости, способности преодолевать эгоистические устремления ради общественного блага и др.

В последние несколько десятилетий в российском обществе произошли существенные трансформации системы ценностей, в первую очередь в молодежной среде. Социологические исследования ценностных ориентаций, проведенные в 1960-х гг., свидетельствуют о том, что ключевыми ценностями молодежи тех лет были патриотические (желание приносить пользу Родине — 33 %, добиться высот в профессии — 31 %) [9]. К началу 1980-х гг. произошло существенное ослабление патриотических идеалов, а переход к рыночной экономике усилил переход молодежи на индивидуалистическую культурную модель, качественно изменил отношение к трудовой деятельности. Исследования ценностных ориентаций молодежи в 90-х гг. XX в. свидетельствуют о том, что в список ценностей перестали входить такие качества, как отвага, мужество, геройство и готовность жертвовать личным благополучием ради гражданского долга. Напротив, ценить стали личный успех, выгоду, что свидетельствует о снижении значимости социального достоинства в обществе. Снизилась популярность таких качеств, как скромность, умеренность в запросах, возросла ценность материальных благ. Приоритет получили такие качества, как энергичность, трудоспособность, решительность, предприимчивость, самостоятельность, организаторские навыки [10]. Наравне с необходимостью личных усилий исследователи тех лет отмечали усиление важности знакомств с влиятельными или нужными людьми («блат»). Однако в этом случае речь шла не о солидарности, а скорее, об использовании партнеров для достижения личных целей и благ.

К концу первого десятилетия XXI в. (2009–2010) произошла новая ценностная переориентация молодежи: вновь приоритетной стала способность добиваться успеха самостоятельно, значимым фактором успеха служат уровень получаемого образования, профессиональные навыки и компетенции. Именно в этот период доминирование материальных ценностей над другими ценностными ориентациями достигло критического уровня: основными ценностными ориентациями молодежи тех лет были высокая заработная плата и материальное благосостояние, а не общественное благо [11].

Дальнейшие исследования ценностей в молодежной среде показывают, что прагматические и гедонистические устремления по-прежнему сохраняют актуальность, хотя они и ослабли. Индивидуалистическая жизненная стратегия остается приоритетной. Так, исследование ценностных ориентаций студенчества, проведенное НИУ ВШЭ (2017), показывает, что приоритетными жизненными целями для студенческой молодежи выступают личная свобода (52 %), самоуважение (51 %), любовь (49 %), друзья (48 %), высокий заработок (46 %) и престижная работа (40 %). Озабочены построением карьеры 38 % студентов, а уважение

окружающих считают для себя значимым 34 %. Ключевыми условиями достижения успеха студенты считают волю и целеустремленность (55 %), ум, талант, способности (47 %), упорную работу (44 %), связи и знакомства (41 %), хитрость, умение приспосабливаться (38 %), хорошее образование (36 %) [12].

Другое масштабное исследование ценностных ориентаций, гражданского и национального самосознания российской молодежи, проведенное под руководством А. В. Селезневой (2020–2021), показало, что, с одной стороны, череда экономических кризисов и слабые инклюзивные институты сохраняют значимыми для молодежи такие ценности, как материальный достаток и безопасность. С другой — современное (мягкое семейное) воспитание и цифровая среда активизируют ценности свободы, самовыражения и соучастия. Исследование зафиксировало состояние баланса материалистических и постматериалистических ориентаций с тенденцией движения в сторону постматериалистических ценностей, актуализация которых стимулирует молодежь на гражданское участие, социальную активность, солидарность [13]. По данным исследований сектора социологии девиантного поведения, за десять лет число студентов, вовлеченных в добровольческую деятельность, возросло. В опросе 2010 г. в добровольческую деятельность включено 2 % учащихся, в 2013 и 2018 гг. — 6 %. В опросе 2020 г. уже каждый десятый (11 %) отметил участие в волонтерском проекте, в том числе посвященном ситуации, связанной с распространением коронавирусной инфекции, а каждый второй (52 %) оказывал какую-либо помощь окружающим в период пандемии. В. В. Петухов в своей работе также пишет, что молодежь сегодня активно участвует в самых разных формах низовой самоорганизации (волонтерстве, благотворительности, экологических проектах, обустройстве городского пространства), привлекая внимание к социальным проблемам, которые мало интересны государству [14, с. 136].

Ю. А. Зубок и соавторы в исследовании жизнедеятельности российской молодежи утверждают, что важную роль в процессе саморегуляции играет *жизненная позиция*, представляющая собой систему взглядов, ценностей, убеждений молодого человека, определяющих его отношение к жизни и принципы ее организации [15]. Авторы исследования выделяют активную и пассивную жизненные позиции. Активная жизненная позиция направлена на конструктивные изменения, а ее пассивная форма отражает конформистскую либо эскапистскую направленность поведения. Один из значимых выводов исследования заключается в том, что для молодежи с пассивной жизненной позицией характерны установки на индивидуализм и недоверие к окружающим, а молодежь с активной жизненной позицией имеет более высокие значения установок на доверие к окружающим и коллективизм [15].

Рассмотренные данные, на наш взгляд, свидетельствуют о наметившемся повороте в ценностных ориентациях современной российской молодежи в сторону повышения значимости гражданской позиции, общественного блага, солидарности, что внушает оптимизм и говорит о росте социального достоинства. Как пишет в своей работе М. Ф. Черныш, анализируя такие понятия, как достоинство, равенство, справедливость, в обществе, где царит отчуждение и ослабление социальных связей, где отсутствует желание действовать совместно для достижения всеобщего блага, развивается цинизм и невозможно сохранять достоинство [16, с. 15].

Проблема формирования социального достоинства может быть рассмотрена в контексте девиантного поведения через призму социальных норм. Если личное достоинство формируется через признание человеком нормативной силы определенных стандартов, то социальное достоинство формируется через принад-

лежность к сообществу, которое признает нормативные стандарты для своих членов, и их нарушение считается постыдным. Таким образом, принадлежность к сообществу выполняет нормативную функцию. Социальное достоинство является своего рода руководством к действию как для личности, так и для окружающих его людей, а нарушение соответствующих норм или принуждение другого к их нарушению сделает его социально недостойным, тем самым нанося человеку вред за счет снижения его социального положения. Согласно этой концепции, личность тем более достойна, чем в большей степени придерживается стандартов и/или чем выше эти стандарты. Девиантное поведение — это совершение поступков, которые противоречат нормам социального. Итак, личность менее достойна, если не соблюдает стандарты или если эти стандарты невысоки. Отсутствие достоинства в таком понимании означает несоблюдение какого-либо нормативного социального стандарта поведения в том или ином сообществе.

Материалы исследований различных форм девиантного поведения в подростковой и студенческой среде, проведенные сектором социологии ФНИСЦ РАН, говорят о том, что существуют социальные закономерности, способствующие росту отклоняющегося поведения детей, подростков, студенческой молодежи и обусловленные низким уровнем сформированности как внутреннего, так и внешнего (социального) достоинства. Так, при опросах студентов 2013–2022 гг. выявлено, что от 20 % до 30 % студенческой молодежи считают для себя нормальным совершать социальные действия, нарушающие некоторые общественные нормы. Примеры таких действий представлены в таблице 1. Совершение этих действий свидетельствует о сниженном социальном достоинстве: например, человек в алкогольном или наркотическом опьянении, особенно, если находится в общественном месте, в каком-то смысле «теряет лицо».

Таблица 1

Доля студентов, положительно ответивших на вопрос о допустимости для себя некоторых видов действий, % от ответивших в 2013–2021 гг.¹

Виды действий ²	Год исследования		
	2013	2018	2021
Ввязываться в драки, не избегать ситуаций, в которых возможно физическое насилие	26	20	21
Употреблять алкоголь в неумеренных количествах	21	24	16
Заниматься сексом с малознакомыми людьми, часто менять сексуальных партнеров	30	18	16
Находиться в малознакомой нетрезвой компании	35	24	15
Водить велосипед/скутер/самокат в нетрезвом виде или после употребления наркотиков	14	8	9
Употреблять наркотики	17	10	7

Несмотря на то, что желание нарушать общественные нормы среди молодежи в последние несколько лет снизилось, все-таки сохраняется высокая распространенность подростковых и молодежных групп с отрицательной направленностью личности, что говорит о том, что проблема формирования социального достоинства остается актуальной. Так, употребление наркотиков и злоупотребление

¹ При ответе на вопрос были возможны множественные ответы, поэтому проценты по вертикали превышают 100 %.

² Виды действий ранжированы по результатам 2021 г.

алкоголем — яркий пример несформированного социального достоинства. Под воздействием психоактивных веществ человеческое поведение видоизменяется подчас до неузнаваемости. Хроническое употребление алкоголя и наркотиков снижает у человека восприятие об истинном отношении к нему со стороны окружающих. Гордость, чувство собственного достоинства превращаются в сомнение и бахвальство. Интеллект прогрессивно снижается, теряется способность к труду, развивается глубокая деградация личности с последующей социальной дезадаптацией. Примером социально недостойного поведения молодежи является публичное появление в нетрезвом виде на лекциях. В процессе опроса студентов 2013 г. выявлено, что около четверти студентов (24 %) имели опыт посещения учебных занятий «под градусом», в 2021 г. — 13 %. Даже с учетом такого снижения цифра не вызывает оптимизма.

Нормальное взросление ребенка — это постепенное становление внутренней и социальной форм достоинства. Образование наравне с семьей является одним из ведущих внешних факторов, влияющих на процесс формирования личности. Система образования в целом направлена не только на обучение, но и на передачу образцов культуры и социального опыта от поколения к поколению (социализацию ребенка), то есть представляет собой социальную сферу, которая призвана и должна компенсировать недостатки и просчеты, допущенные в семейном воспитании [17]. Задача образования заключается не только в просвещении, но и в формировании ценностной позиции, преодолевающей индивидуальный эгоизм. В противном случае мы не можем говорить об ответственной и социально зрелой личности. Данный тезис перекликается с теорией Э. Дюркгейма о воспитании в первую очередь социального достоинства, проявляющегося в постепенном появлении в поведении и поступках ребенка элементов ответственности за себя и окружающих. Однако часто возникают случаи, когда межличностное взаимодействие между учителями и обучающимися деформируется, и передачи социально значимой информации, являющейся основой воспитательного процесса, несовершеннолетнему не происходит, либо несовершеннолетний становится не восприимчив к ней. Одним из последствий подобных нарушений может стать проявление конфликтности, грубости или негативизма у подростков.

Примером того, что социальное достоинство у некоторых подростков не сформировано, служат проявление агрессии и различные виды буллинга в школьной среде. При опросе школьников (2022) нами получены крайне тревожные данные, требующие немедленного реагирования как общественных, так и государственных организаций. Так, опрос учащихся 11–14 лет показал, что более четверти подростков (26 %) могут вспомнить случаи, когда кто-то записывал на видео, как обижали другого, причем в 6 % случаях такое видео размещали в интернете. Каждый десятый школьник указал, что размещал чужие фото или видеоматериалы с целью унижить или оскорбить другого человека. Схожая удручающая картина и у студентов (2022). Каждый третий студент вспомнил случаи из своего школьного прошлого, когда кто-то размещал без разрешения чужие фото или видео в интернете с целью оскорбить или унижить другого человека, а 8 % признались, что делали это самостоятельно. 15 % студентов, когда учились в школе, были свидетелями случаев распространения видео с издевательствами в интернете, причем 7 % делали это самостоятельно.

В описываемых ситуациях речь идет о посягательствах на чужое достоинство. Тем не менее это означает и отказ от соблюдения социальных стандартов, то есть девиацию. Все эти данные свидетельствуют о низком уровне сформированности социального достоинства как в подростковой, так и в студенческой среде. По словам части опрошенных нами учителей, воспитательная система школы сегодня

не справляется с задачами социализации детей из «группы риска», их социально-педагогической реабилитации и коррекции социальных установок. Среди социально-психологических причин низкой сформированности социального достоинства у подростков можно выделить неадекватную самооценку (завышенную или заниженную), дефекты правового и нравственного сознания.

Согласно данным опросов подростков, находящихся в колонии, у большинства из них неадекватная (завышенная) самооценка и высокий уровень притязаний. На открытый вопрос о том, что планируют делать после освобождения из заключения, ответы у большинства были следующими: «стану мафиози», «заведу бизнес», «буду влиятельным пацаном», «разбогатею» и т. п. Исследование ценностных ориентаций показало, что главными ценностями для них являются материальное благополучие, богатство и власть, а способы достижения благополучия (интересная работа, упорный труд) в списке ценностей «колонистов» занимают самое последнее место. На предпоследнем месте ценностей находятся «честно прожитая жизнь», «честь, совесть и достоинство».

Низкий уровень развития социального достоинства связан с неразвитостью правового сознания. В этом контексте девиантное поведение молодежи — показатель особенностей правового сознания (оно на низком уровне). Сравнение трех групп старшеклассников («законопослушные подростки», «подростки с элементами девиантной активности» и «девиантные подростки»)¹ показало, что у подростков, склонных к девиантному поведению, специфическое отношение к другим людям, чести и достоинству. Зачастую они неуважительно относятся к другим людям, черпая в противоправной деятельности самоутверждение. Для этой группы характерны существенные дефекты правосознания: правовая неграмотность, незнание определенных правовых запретов, отрицание норм права. В группе «девиантных подростков» наблюдается высокий уровень терпимости ко многим негативным поступкам взрослых людей (например, не видят ничего плохого в использовании матерных выражений (85 %), обмане (71 %), азартных играх (62 %), мести (60 %), употреблении «крепкого» спиртного (59 %), умении использовать доверие людей в свою пользу (51 %), употреблении «легких» наркотиков (50 %), проституции (46 %), физическом насилии (42 %).

Не слишком оптимистична картина у подростков с элементами девиантного поведения: в самой распространенной группе подростков (58 % — 69 % в зависимости от возраста). Терпимо относятся к обценной лексике 80 %, мести 66 %, обману 61 %, употреблению «крепкого» спиртного 52 %, проституции 50 %, азартным играм 45 %, употреблению легких наркотиков 38 %, умению использовать доверие людей в свою пользу 37 %, физическому насилию 20 %.

Степень одобрения перечисленных негативных поступков гораздо ниже в группе «законопослушных» подростков, доля которых в массиве не очень высока: около трети — из числа школьников средних классов и 15 % — среди старшеклассников (2018). Например, среди них терпимо относятся к агрессии и насилию 13 % опрошенных. Наиболее высокий показатель одобрения насилия и агрессии у несовершеннолетних, находящихся в колонии (более 50 %).

Все эти данные свидетельствуют о кризисе нормативного сознания и о низком уровне сформированности социального достоинства. Такое поведение и представление о жизни может стать спусковым крючком к экстремальному и делинквент-

¹ «Законопослушные» подростки не замечены в девиантных действиях и не имеют намерений их совершать. «Подростки с элементами девиантного поведения» могут проявлять ту или иную девиантную активность, не принимающую устойчивой формы. «Девиантные» подростки характеризуется более устойчивыми формами девиантного поведения [8].

ному поведению. Опросы старшеклассников и студентов подтверждают этот тезис: большинство подростков (83 %) и значительная часть студенческой молодежи (49 %) сегодня не знают, что даже попытка изнасилования уголовно наказуема¹. Опросы несовершеннолетних в колонии говорят о том, что две трети «колонистов» не догадывались, что за совершаемые ими действия может наступить уголовная ответственность.

Значимым «помощником» образования в социализации ребенка, формировании его внутреннего и социального достоинства всегда выступало массовое искусство, функция которого в идеале должна сводиться к трансляции идеальных ценностей и примеров для подражания. На наш взгляд, в современном российском медийном пространстве осуществляется пропаганда массовой потребительской культуры, несущей ценности нравственной эмансипации и индивидуализированного гедонизма [8, с. 19]. Учеными сектора выявлен аспект, связанный с анти-социальным, недостойным поведением подростков, которое мы можем наблюдать в многочисленных социальных сетях («Telegram», «Тик-ток» и др.). Проявляется это поведение в массовом распространении различных непристойных видеороликов. Мониторинг интернет-пространства, в том числе закрытых интернет-групп (только для «своих») позволил зафиксировать распространенность таких явлений, как съемка и выкладывание в прямой эфир («стриминг») или в записи видеороликов (иногда аудиозаписи или фото) следующего содержания: 1) употребление наркотических средств («наркотрип», «приход»); 2) вечеринки (так называемые вписки) с употреблением алкоголя и наркотиков; 3) различные действия сексуального характера, в том числе под действием наркотических средств (включая видеотрансляции сексуального характера за деньги); 4) драки, избиения, унижения; 5) розыгрыши («пранк» — от англ. *prank*), зачастую носящие небезобидный характер; 6) различный шок-контент (материал, нарушающий нормы морали, вызывающий сильные эмоции, отвращение), провокации и т. п. Демонстративность, навязчивое желание выставлять личную (частную/приватную) жизнь напоказ в интернете с целью получения внимания и откликов окружающих получило название «виртуальный или цифровой эксгибиционизм», и это свидетельствует о несформированности представлений молодежи о нормах поведенческих проявлений, то есть о низком уровне социального достоинства.

Снижение патерналистского контроля, характерное для виртуального взаимодействия, делает глобальную сеть пространством, в котором молодежь может осуществлять социально неодобряемую и табуированную деятельность. Школьный и студенческий опросы (2018) показали, что каждый пятый старшеклассник и каждый четвертый студент пересылали собственные эротические фотографии/видео в социальных сетях. 4 % старшеклассников и 10 % студентов выкладывали в общий доступ в интернете/социальных сетях собственные эротические фотографии или видео. Исследование С. Л. Таланова, посвященное представлениям студентов об этикете в интернете, позволило заключить, что студенты из групп риска (с низким образовательным и материальным статусом у родителей) хуже знают правила этичного и бесконфликтного общения в интернете, чаще сталкивались с кибербуллингом и склонны проявлять агрессию в сети [18].

Несмотря на актуальность проблемы, в системе образования до сих пор отсутствует системное педагогическое сопровождение молодежи в цифровой среде. Интервью с учителями школ (2022) показало, что они мало информированы

¹ Статья Уголовного кодекса (УК) РФ о попытке изнасилования отсутствует. Однако для назначения уголовных санкций судом могут применяться нормы ст. 29–30, 66 и 131 УК РФ.

о способах проведения подростками досуга в интернете в девиантных формах, а представления о безопасности молодежи в интернете ограничиваются профилактическими беседами об интернет-мошенниках, экстремистских интернет-группировках и интернет-вирусах.

Заключение

Анализ проблемы формирования социального достоинства в образовательной среде позволил выявить позитивные и негативные тенденции в молодежной среде. С одной стороны, исследования свидетельствуют о наметившемся качественном сдвиге в социальном сознании молодежи, фиксируемом движении в сторону постматериалистических ценностей, актуализация которых стимулирует молодежь на гражданское участие, социальную активность, солидарность, то есть качества, формирующие социальное достоинство. Понимание того, насколько эта тенденция устойчива, особенно с учетом новых социально-экономических вызовов, требует дальнейших исследований.

С другой стороны, сущность рассмотренных в статье рисков, с которыми сталкивается современная подростковая и студенческая молодежь, заключается в невозможности полноценного формирования как внутреннего, так и внешнего (социального) достоинства. Ребенок не развивает ответственность в своем поведении, и происходит эгоистическая деформация его нравственной позиции. Результатом становится увеличение числа носителей девиантного поведения среди подростков и молодежи в целом. Школа, делая акцент на отдельной личности, а не на коллективистских отношениях, усугубляет растущий прагматизм участников социально значимых практик.

По итогам анализа литературы в контексте исследуемой проблемы, а также опираясь на данные исследований, полученные сотрудниками сектора социологии девиантного поведения, мы пришли к выводу о том, что достоинство является стержневым качеством личности, имеющим интегрирующее значение в целостном процессе образования. Это — сложное социально-психологическое образование, которое основано на взаимодействии внутриличностных и внешнесоциальных детерминантов развития. Стержнем достоинства выступает духовно-нравственное содержание личности.

На наш взгляд, формирование и развитие социального достоинства у молодежи видится возможным через переориентацию школы с примата воспитания индивидуализма на приобщение себя к коллективу и служение обществу. Вклад, который должна вносить школа, заключатся в ее нравственном воспитании. Последнее, в свою очередь, состоит в формировании у ученика социальной морали, а не индивидуальной, основанной на эгоизме.

Список источников

1. Переосмысливая образование: образование как всеобщее благо? Париж: ЮНЕСКО, 2015. 96 с. // ЮНЕСКО. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232555_rus/PDF/232555rus.pdf.multi (дата обращения: 28.07.2022).
2. Чуб О. И. Достоинство как педагогическая категория гуманистической педагогики // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 3. С. 126–132.
3. Кант И. О характере как образе мыслей // Психология личности. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 231–234.
4. Любичкая О. А. Достоинство личности как нравственная ценность гуманистической педагогики // Особенности формирования воспитывающей среды в полиэтнических и национальных детских коллективах: сборник науч. тр. по итогам Всерос. науч.-практ.

- конф., Хабаровск, 21 декабря 2018 г. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2019. С. 70–78.
5. *Кон И. С.* Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.
 6. *Дюркгейм Э.* Моральное воспитание / пер. с фр., вступ. ст., примеч. А. Б. Гофмана. М.: ИД Высшей школы экономики, 2021. 456 с.
 7. *Окладникова Е. А.* Поколенческий разрыв: «холодная война» между учителями и обучающимися в современной средней школе // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2021. № 202. С. 74–86. DOI: 10.33910/1992-6464-2021-202-74-86
 8. На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа): коллективная монография / под науч. ред. М. Е. Поздняковой, Т. А. Хагурова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; М.: Институт социологии РАН, 2012. 344 с.
 9. *Грушин Б. А.* Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
 10. *Эфендиев А. Г., Дудина О. М.* Московское студенчество в период реформирования российского общества // Социологические исследования. 1997. № 9. С. 41–56.
 11. *Багновская Н. М.* Трансформация ценностных ориентаций российского студенчества в постсоветский период // Ярославский педагогический вестник. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 2. С. 280–283.
 12. Ценностные ориентации российского студенчества. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 30 с. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://politinst.hse.ru/zennostistud> (дата обращения: 28.07.2022).
 13. *Селезнева А. В., Антонов Д. Е.* Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241. DOI: 10.17223/1998863X/58/21
 14. *Петухов В. В.* Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621
 15. *Зубок Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С., Сорокин О. В.* Жизненная позиция молодежи: особенности саморегуляции // Вторые декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году. Реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности: материалы науч.-практ. конф. (Москва, 10 декабря 2020 г.). М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2020. С. 277–283. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-341-6.2020
 16. *Черныш М. Ф.* Концептуальные основы социальной политики: достоинство, справедливость, равенство // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 1. С. 8–30. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7051
 17. *Позднякова М. Е.* Подростки в трудной жизненной ситуации: путь к преступлению // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всерос. социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров. М.: РОС; Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2020. С. 1995–2007. DOI: 10.19181/kongress.2020.239
 18. *Таланов С. Л.* Цифровой этикет в представлениях студентов (на материалах Ярославской области) // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 4. С. 30–43. DOI: 10.20339/AM.04-22.030

Информация об авторах

И. В. Козлова — научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения; 109544, Москва, Большая Андроньевская ул., д. 5, стр. 1; AuthorID: 940686;

В. В. Брюно — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения; 109544, Москва, Большая Андроньевская ул., д. 5, стр. 1; AuthorID: 181955.

Information about the authors

I. V. Kozlova — Researcher in the Sector of Sociology of Deviant Behavior; 5 Bol'shaya Andron'evskaya str., bldg. 1, Moscow 109544, Russia; AuthorID: 940686;

V. V. Bryuno — PhD in Sociology, Senior Researcher in the Sector of Sociology of Deviant Behavior; 5 Bol'shaya Andron'evskaya str., bldg. 1, Moscow 109544, Russia; AuthorID: 181955.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 02.08.2022; одобрена после рецензирования 31.08.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 02.08.2022; approved after reviewing 31.08.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья

УДК 316.4:159.9

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-299-305

О современном состоянии проблемы кибербуллинга

Елена Викторовна Ларина

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Россия, elena_shulgina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4928-4388>

Аннотация. В статье исследованы различные аспекты современной проблемы кибербуллинга. Автором осуществлен анализ актуальных данных исследований изучаемого феномена. Проведен обзор содержания наиболее популярных виртуальных социальных сетей и групп общения. Рассмотрены зарубежный опыт борьбы с проблемой травли в интернете, а также меры противодействия кибербуллингу в Российской Федерации (РФ). Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что проблема кибербуллинга в современном обществе по-прежнему актуальна.

Ключевые слова: кибербуллинг, агрессия, травля, жертва, интернет, преступление, противодействие

Для цитирования: Ларина Е. В. О современном состоянии проблемы кибербуллинга // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 299–305. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-299-305>

Original article

On the current state of the problem of cyberbullying

Elena V. Larina

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS), Moscow, Russia, elena_shulgina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4928-4388>

Abstract. The article presents a study of various aspects of the modern problem of cyberbullying. The analysis of actual research data of the phenomenon under study is carried out. The content of the most popular virtual social networks and communication groups is reviewed. The foreign experience of counteracting the problem of bullying on the Internet, as well as measures to counter cyberbullying in Russia, is considered. The results of the study suggest that the problem of cyberbullying remains relevant in modern society.

Keywords: cyberbullying, aggression, persecution, victim, Internet, crime, counteraction

For citation: Larina E. V. On the current state of the problem of cyberbullying. *Sociology and Law*. 2022;14(3):299-305. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-299-305>

Введение

По последним опубликованным результатам опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 72 % респондентов пользуются интернетом практически ежедневно, а среди лиц 18–24 лет данный показатель приближается к максимуму (97 %) [1]. При этом около трети (34 %) каждый день

проводят в интернете более четырех часов [2]. Пять лет назад ежедневными пользователями сети являлись 58 % опрошенных [3]. Таким образом, распространение интернета и его влияние на современную жизнь постоянно усиливается и сопровождается новыми вызовами, угрозами. Среди них — кибербуллинг.

Цель настоящего исследования заключается в изучении современных аспектов феномена кибербуллинга, что может послужить базой для создания эффективных мер противодействия данной угрозе.

Материалы и методы

Методологическую базу исследования составляют анализ статистических данных, вторичный анализ специализированных исследований, анализ контента виртуальных групп и каналов общения социальных сетей, сравнительный анализ.

Результаты и обсуждение

Согласно первому официальному определению, кибербуллинг — это «использование информационных и коммуникационных технологий для осуществления преднамеренного, повторяющегося и враждебного поведения отдельного лица или группы, направленного на причинение вреда другим» [4]. Среди наиболее распространенных видов такого поведения — длительное психологическое давление посредством агрессивных сообщений, запугивания, шантажа, насмешек, издевательств; взлом виртуальных аккаунтов либо создание их копий с целью рассылки от имени жертвы унижительной информации; публикация и распространение личных и/или заведомо ложных сведений о жертве, порочащих ее честь и достоинство.

Если буллинг в реальном мире, как правило, осуществляется лицом, осознающим свое физическое и моральное превосходство, авторитетную позицию в коллективе, то в виртуальном пространстве агрессором может стать любой. Например, индивид, обладающий физическими недостатками и/или психологическими комплексами, может осуществлять травлю других интернет-пользователей, компенсируя собственные страдания.

Анонимность виртуальной сети формирует у агрессоров чувство вседозволенности и безнаказанности. В интернет-пространстве практически не действуют такие меры социального контроля, как моральная оценка, нравственность, общественное осуждение и т. д. Распространению кибербуллинга способствует и отсутствие непосредственного реального контакта с жертвой, невозможность отслеживания ее настоящей реакции на то или иное агрессивное действие, что ведет к существенному ослаблению таких внутренних регуляторов, как чувство жалости, эмпатия, критическая оценка своих действий.

В 2018 г. от трети до половины подростков становились жертвами агрессии в интернете [5]. Прослеживается тенденция дальнейшего роста данного показателя. «Агентство социальной информации» приводит данные специализированного исследования, согласно которому 69 % учащихся школ приходилось сталкиваться с кибербуллингом [6]. В отличие от офлайн-буллинга, которому, как правило, подвергаются дети физически (полные/худощавые; высокие/низкорослые; с определенными особенностями внешности и т. д.) и/или психологически (застенчивые, закрытые, немногословные и т. д.) отличающиеся от основной массы, жертвой кибербуллинга может стать любой. Выделяют два основных типа жертв кибератак: ситуативно-случайная — изначально не известная для агрессора, встреченная случайно в виртуальном пространстве; неслучайная — заранее знакомая агрессору.

К наиболее распространенным формам кибербуллинга относятся грубые оскорбительные комментарии и злые насмешки (троллинг) [2]. Самые популярные поводы травли — особенности внешности, сексуальная ориентация, личные взгляды [7]. В качестве факторов побуждения к агрессии, как правило, выступают напряженные отношения в семье, чувство одиночества, острая нехватка моральной поддержки, влияние референтной группы, широкая пропаганда насилия в медиапространстве, жестокие виртуальные игры.

Особенно актуальна данная проблема в подростково-молодежной среде, поскольку эта группа населения чаще использует интернет с целью коммуникации. Кроме того, согласно данным исследования, учащиеся в большей степени подвергаются кибербуллингу внутри своего школьного коллектива, чем со стороны остальных пользователей [8]. Таким образом, кибербуллинг может выступать продолжением травли в реальном мире.

Большое значение в распространении кибербуллинга имеет сложившаяся в том или ином интернет-пространстве атмосфера/образцы поведения. Массовость негативных резких комментариев, оценок, обсуждений будет провоцировать дальнейшее разжигание агрессии, а запрет и удаление проявлений травли могут служить фактором сдерживания. По данным ВЦИОМ, большая часть интернет-пользователей при ответе на вопрос о том, в каких социальных сетях чаще всего можно встретить оскорбления и другие формы агрессии указали сеть «ВКонтакте» (22 %). В тройку лидеров вошли сети «Instagram»¹ (18 %) и «TikTok» (13 %) [2].

По соответствующему запросу в поисковой строке социальной сети «ВКонтакте» представлено большое количество разнообразных групп, посвященных троллингу, а также объединений пользователей в «группы ненависти». Содержание данных сообществ включает в себя различные картинки со злыми шутками, шаблоны для высмеивания и оскорблений, а также прямые ссылки на личные аккаунты и номера телефонов жертв с просьбой их затроллить. В мессенджере *Telegram* по аналогичному запросу, помимо перечисленного выше, содержатся каналы для общения, посвященные троллинг-битвам (*Trolling battles*): два участника переходят в отдельный чат, где стараются как можно сильнее унижить и оскорбить друг друга. Остальным подписчикам предлагается голосование с попыткой угадать победителя. Диапазон ставок на победу чрезвычайно широк: от простого интереса и извинения перед победителем до фото интимного характера и звонка родителям с оскорбительной речью в их адрес от проигравшего.

Несмотря на большую распространенность в подростково-молодежной среде, жертвой травли в интернете может стать любой пользователь, независимо от возраста и пола. В частности, распространены случаи кибербуллинга в рабочем коллективе: коллеги или руководство могут зло шутить, оказывать давление и притеснять жертву в общих корпоративных чатах и социальных сетях.

Регулярно наблюдаются и более существенные проявления кибербуллинга среди различных возрастных групп: распространение видео со сценами избиений и издевательств над жертвой. Побои, как правило, записывают на видеокамеру мобильного телефона и размещают в интернете, где они набирают множество просмотров. В результате, помимо физических травм, жертве наносят порой непоправимый психический вред, который может привести к последствиям различной степени тяжести: от увольнения с работы до суицида. Мониторинг информационно-новостных порталов за двухмесячный период, с 1 июня по 1 августа 2022 г., выявил около десятка сообщений о случаях размещения подобных видео в разных регионах страны: об избиении школьницы в Салехарде [9], о жес-

¹ Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ.

токой расправе над девочкой в Киселевске [10], об избиении женщины во Владикавказе [11], об избиении пенсионерки в Приморском крае [12], об издевательствах над инвалидом [13] и др. Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что, как правило, в роли агрессоров выступают подростки.

Кибертравле способствует существование в интернете множества сайтов, содержащих готовые шаблоны так называемых фотожаб и мемов — изображений, переделанных с помощью программ фото- и видеомонтажа, с целью придания им комического и/или оскорбительного характера. Тысячи результатов поискового запроса посвящены созданию фотожаб в отношении учителей. Известен случай взыскания компенсации морального вреда учителю, причиненного вследствие размещения в социальных сетях ее фото, отредактированного таким образом, что порочило честь и достоинство жертвы [14]. В другом случае, после рассылки в социальных сетях информации о якобы нетрадиционной сексуальной ориентации, жертва совершила суицид [15].

Пандемия коронавируса COVID-19 способствовала еще большему переходу повседневной жизни в виртуальное пространство, существенно увеличив среднее время нахождения в сети, а значит, и распространение проявлений кибербуллинга: агрессивных комментариев, психологического давления, запугивания, намеренной изоляции от общения и др.

В связи с вышеизложенным актуализируется необходимость выработки эффективных мер профилактики и борьбы с такой проблемой, как кибербуллинг. Первой страной, официально закрепившей кибербуллинг в качестве преступления, стала Новая Зеландия. В 2015 г. парламент страны принял Закон о вредоносных цифровых коммуникациях, направленный на предотвращение и сокращение последствий издевательств, домогательств, запугивания, распространения информации сексуального характера и других проявлений жестокого обращения в виртуальной сети. В понятие «цифровые коммуникации» в рамках данного закона входят любые виртуальные информационные формы: от сообщений в чатах до содержания сайтов и приложений для смартфонов. Материалами, которые умышленно причиняют жертве значительные эмоциональные страдания, занимается полиция. Материалы о более рядовых случаях направляют в специальное агентство по рассмотрению жалоб — *Netsafe* [16]. Наказание за нарушение данного закона предусматривает лишение свободы сроком до двух лет или штраф в размере до 50 тысяч долларов для физических лиц и штраф до 200 тысяч долларов — для юридических [17].

В Германии кибербуллинг также рассматривается в качестве преступления, совершение которого влечет еще более суровое наказание в виде лишения свободы сроком до десяти лет для совершеннолетних преступников, до пяти — для подростков.

В каждом штате США предусмотрены свои законы по борьбе с буллингом и кибербуллингом в том числе. В стране созданы различные общественные, некоммерческие организации, направленные на противодействие таким преступлениям. Так, *Fight Crime: Invest in Kids* объединяет более пяти тысяч полицейских, юристов, представителей правоохранительных структур и людей, переживших насилие. Данная организация осуществляет работу на законодательном уровне, внося необходимые изменения и дополнения в существующую государственную политику в отношении борьбы с жестоким обращением с детьми, а также проводит исследования, направленные на предотвращение преступлений [18]. Большое внимание уделено профилактике кибербуллинга. В школьную программу включены уроки, направленные на формирование у учащихся навыков ответственного и разумного пользования интернетом. Функционирует специальный центр, посвященный изучению кибербуллинга. Центр осуществляет специализированные

исследования и создает тематические брошюры и материалы, посвященные диагностике и превенции кибербуллинга среди различных категорий населения.

Законодательство РФ не содержит официального закрепления кибербуллинга в качестве преступления, однако предусматривает ответственность за схожие деяния. Так, Гражданский кодекс РФ включает в себя главу 8, посвященную нематериальным благам, таким как достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, и их защите, предусматривающей, кроме денежной компенсации, «удаление соответствующей информации, а также опровержение указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети «Интернет»» [19]. Кодекс РФ об административных правонарушениях содержит статью об оскорблении, в том числе публично демонстрируемом в интернете (ст. 5.61). Такое деяние влечет наложение штрафа до 10 тысяч рублей для физических лиц, до 100 тысяч рублей — для должностных лиц, до 700 тысяч рублей — для юридических лиц [20]. Согласно Уголовному кодексу РФ клевета, совершенная с использованием интернета, наказывается штрафом до миллиона рублей либо лишением свободы сроком до двух лет (ст. 128.1) [21]. Более суровые наказания предусмотрены за угрозу убийством, причинение тяжкого вреда здоровью, доведение до самоубийства.

Тем не менее в большинстве случаев кибербуллинг остается скрытым. Жертвы таких деяний редко просят о помощи ввиду сложности доказательства состава преступления, нежелания обращаться в полицию, субъективной оценки ущерба как незначительного. По данным ВЦИОМ, половина опрошенных считает, что при столкновении с агрессией необходимо заблокировать обидчика, 23 % — следует обратиться в техподдержку соответствующего интернет-ресурса, а примерно каждый четвертый респондент полагает, что не нужно бороться, лучше игнорировать случившееся [2]. Как следствие, подобная безнаказанность ведет к еще большему распространению травли в интернете.

На борьбу с кибербуллингом направлена и деятельность Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). По результатам ее работы за 2021 г. выявлено 830 нарушений в сфере распространения информации, причиняющей вред здоровью и/или развитию детей, составлен 1 031 протокол об административных правонарушениях, общая сумма штрафов составила более 3,5 млн рублей [22].

В противодействие кибербуллингу включены и негосударственные организации. Создан фонд «Дружественный Рунет», деятельность которого посвящена развитию интернета как безопасной среды, борьбе с оборотом противоправного контента и с иными проявлениями антиобщественных действий в виртуальном пространстве [23]. В рамках Фонда организована специальная горячая линия по приему заявок о незаконном/агрессивном контенте и линия помощи «Дети Онлайн», предназначенная для оказания психологической помощи и консультирования детей, столкнувшихся с агрессией в сети [24]. Компания *Google* создала проект *Family Link*, при помощи которого каждый родитель может задать определенное время пользования ребенком того или иного ресурса либо полностью ограничить нежелательный контент вплоть до удаленной блокировки устройства [25].

Выводы

Несмотря на предпринимаемые меры, такая форма девиантного поведения, как кибербуллинг, сохраняет широкое распространение. Анонимность агрессора, сложность доказательной базы, частое нежелание жертвы обращаться за помощью

способствуют безнаказанности совершаемых противоправных деяний и их дальнейшему росту. Жертвой кибербуллинга может стать любой пользователь интернета, но наиболее острой данная проблема видится в подростково-молодежной среде. Восприимчивость молодого поколения ведет к формированию привычно встречающегося агрессивного поведения в сети в качестве общепринятой нормы. Оскорбления, угрозы, злые и унижительные шутки, клевета и издевательства в виртуальном пространстве стали восприниматься как обыденное явление. В связи с этим первоочередной задачей эффективной профилактики травли в интернете должна стать выработка стойкого неприятия любых проявлений агрессии в личный адрес пользователя либо в адрес других лиц, а также формирование навыков безопасного и ответственного использования виртуальной сети.

Список источников

1. База результатов опросов россиян «Спутник» // ВЦИОМ. 2021. URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=355&q_id=40522&date=26.09.2021 (дата обращения: 20.06.2022).
2. Кибербуллинг: масштаб проблемы в России // ВЦИОМ. 2021. 6 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kiberbulling-masshtab-problemy-v-rossii> (дата обращения: 20.06.2022).
3. База результатов опросов россиян «Спутник» // ВЦИОМ. 2017. URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=50&q_id=2679&date=24.09.2017 (дата обращения: 20.06.2022).
4. Кибербуллинг // Билл Белси. Сайт о кибербуллинге. URL: <https://cyberbullying.ca/> (дата обращения: 14.06.2022).
5. Шабанов Л. В., Елисеева А. В. Кибербуллинг, или виртуальная агрессия // Экономика, управление, право: современные вызовы и перспективы развития: сборник ст. II Междунар. науч.-практ. конф., Петрозаводск, 27 ноября 2019 г. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2019. С. 86–89.
6. Появился портал для школьников, родителей и учителей «Вместе против буллинга» // Агентство социальной информации. 2021. 11 ноября. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2021/11/11/sdelali-portal-vmeste-protiv-bullinga/> (дата обращения: 10.07.2022).
7. Плотникова Т. В., Котельникова О. В. Феномен киберпреступности в условиях XXI века // Право: история и современность. 2020. № 3 (12). С. 141–150.
8. Назаров В. Л., Авербух Н. В., Буйначева А. В. Кибербуллинг внутри и вне школьного коллектива // Педагогическое образование в России. 2021. № 6. С. 69–79. DOI: 10.26170/2079-8717_2021_06_08
9. Полиция проверит видео с избиением школьницы в Салехарде // Коммерсантъ. 2022. 1 августа. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5491050?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 02.08.2022).
10. Кезина А. Соцсети: в Кузбассе подростки устроили жестокую расправу над девочкой и били ее по очереди // Сибдепо. 2022. 30 июля. URL: <https://sibdepo.ru/news/sotsseti-v-kuzbasse-podrostki-ustroili-zhestokuyu-raspravu-nad-devochkoj-i-bili-eyo-po-ocheredi.html> (дата обращения: 02.08.2022).
11. Новоселов Р. Во Владикавказе полиция задержала местного жителя за избиение женщины // Портал Северного Кавказа. 2022. 26 июля. URL: https://www.sevkavportal.ru/news/pub/proisheshviya/item/59716-vo-vladikavkaze-politsiya-zaderzhana-mestnogo-zhitelya-za-izbienie-zhenshchiny.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 02.08.2022).
12. Следком показал квартиру, где подросток избивал пенсионерку за 1 000 рублей // Nakhodka.Media. 2022. 26 июля. URL: https://nakhodka.media/news/1328333/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 02.08.2022).
13. СК России возбудил дело о хулиганстве после избиения подростками инвалида // РИА Новости. 2022. 14 июня. URL: https://ria.ru/20220614/khuliganstvo-1795306106.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 02.08.2022).

14. Мананников М. С родителей школьников на Урале взыскали 100 тысяч рублей за публикацию фотожабы с учителем // Коммерсантъ. 2021. 22 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4660328> (дата обращения: 24.07.2022).
15. 8 оттенков кибербуллинга. Куда приводит интернет-вражда и что делать, если вы стали ее жертвой // Нож. 2018. 20 мая. URL: <https://knife.media/cyberbullying/> (дата обращения: 11.07.2022).
16. Harmful Digital Communications (HDC) // The website of New Zealand Police. URL: <https://www.police.govt.nz/advice-services/cybercrime-and-internet/harmful-digital-communications-hdc> (дата обращения: 15.07.2022).
17. Harmful Digital Communications Act 2015 // The New Zealand Legislation website. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2015/0063/latest/whole.html#DLM5711856> (дата обращения: 15.07.2022).
18. Fight Crime: Invest in Kids // Lake Coutry. URL: <https://www.lakecountytill.gov/2085/Fight-Crime-Invest-in-Kids> (дата обращения: 15.07.2022).
19. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
20. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/ (дата обращения: 22.07.2022).
21. Уголовный кодекс: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г., с изм. от 18 июля 2022 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8a73d26dba7976d6c43cc94aa1515368fef256f0/ (дата обращения: 22.07.2022).
22. Отчеты о деятельности // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <https://rkn.gov.ru/plan-and-reports/reports/> (дата обращения: 22.07.2022).
23. Безопасное использование сети Интернет // Фонд «Дружественный Рунет». URL: <http://www.friendlyrunet.ru/foundation/> (дата обращения: 23.07.2022).
24. Линия помощи «Дети онлайн» // Фонд развития интернета. URL: <http://www.fid.su/projects/detionline> (дата обращения: 23.07.2022).
25. Приложение Google Family Link помогает родителям устанавливать правила для детей в Интернете // Internet Matters. 2018. 2 марта. URL: <https://www.internetmatters.org/ru/hub/esafety-news/google-family-link-app-helps-parents-set-online-guidelines-children/> (дата обращения: 23.07.2022).

Информация об авторе

Е. В. Ларина — научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения; 117218, Москва, Кржижановского ул., д. 24/35, корп. 5.

Information about the author

E. V. Larina — research of the Sector of Sociology of Deviant Behavior; 24/35 Krzhizhanovskogo str., bldg. 5, Moscow 117218, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 05.08.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 05.08.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья

УДК 316.77

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-306-317

Инфлюенс-маркетинг как социальная технология продвижения образовательных услуг

Ирина Анатольевна Ильина^{1✉}, Богдан Сергеевич Десятов²,
Иван Константинович Струлев³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹ inka4@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0965-4612>

² desyatov.bogdan@gmail.com

³ iv.strulev@gmail.com

Аннотация. На продвижении образовательной сферы сказывается влияние современных тенденций, которые заключаются в трансформации социально-экономической среды и которые связаны с изменением финансирования образовательной сферы, развитием информационно-коммуникационной среды, преобразованием социальных запросов на образовательные услуги. Образовательные учреждения становятся полноценным участником рыночных отношений, а значит, требуются новые подходы к формированию потребности в знаниях и обучении. Для большинства образовательных организаций маркетинговая деятельность по-прежнему не является приоритетным направлением процесса решения задачи по поиску своих потребителей. На современном этапе развития интернет-технологий и социальных сетей для потребителя одним из аспектов при выборе товара или услуги становятся идеи бренда по значимым общественным вопросам. Покупатели ожидают от организации поддержки собственных взглядов и общения на понятном для нее языке. В большей степени это относится к представителям молодого поколения, которые остро реагируют на события в мире и имеют широкий спектр возможностей получения информации. Аудиторию привлекают организации, которые ставят на первый план экологичность, ответственное потребление, гендерную репрезентацию и образование. Ответственный подход к созданию социальной позиции вузов помогает эффективно проявить индивидуальность и выделиться среди конкурентов, а социальная активность — построить более прочные эмоциональные связи между образовательным учреждением и получателями образовательных услуг, а также повысить лояльность. Именно поэтому образовательные учреждения нуждаются в продвижении своих услуг и использовании новых приемов, методов воздействия, применяемых для достижения поставленных целей.

Ключевые слова: продвижение образовательных услуг, инфлюенс-маркетинг, вуз, цифровые коммуникации, цифровизация

Для цитирования: Ильина И. А., Десятов Б. С., Струлев И. К. Инфлюенс-маркетинг как социальная технология продвижения образовательных услуг // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 306–317. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-306-317>

Original article

Influence marketing as a social technology for the promotion of educational services

Irina A. Pyina^{1✉}, Bogdan S. Desyatov², Ivan K. Strulev³

^{1, 2, 3} St. Petersburg State Electrotechnical University (ETU) “LETI”, St. Petersburg, Russia

© Ильина И. А., Десятов Б. С., Струлев И. К., 2022

¹ inka4@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0965-4612>

² desyatov.bogdan@gmail.com

³ iv.strulev@gmail.com

Abstract. The promotion of the educational field is changing under the influence of current trends. At the current stage of development of Internet technologies and social networks for the consumer one of the aspects when choosing a product or service becomes the brand ideas on significant social issues. Customers expect the organization to support their own views and communicate in a language they understand, especially for the younger generation who are acutely responsive to events in the world and have a wide range of information options. The audience is attracted to organizations that prioritize environmental friendliness, responsible consumption, gender representation and education. A responsible approach to creating a social position for higher education institutions helps effectively emphasize individuality and stand out among competitors, and social engagement helps build stronger emotional ties between the educational institution and the recipients of educational services, as well as increase loyalty. That is why educational institutions need to promote their services and use modern technologies, for example, such as Influence Marketing.

Keywords: promotion of educational services, influence-marketing, university, digital communications, digitalization

For citation: Plyina I. A., Desyatov B. S., Strulev I. K. Influence marketing as a social technology for the promotion of educational services. *Sociology and Law. 2022; 14(3):306-317.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-306-317>

Введение

Прежде чем рассматривать особенности использования инфлюенс-маркетинга в продвижении образовательных услуг как социальной технологии в продвижении образовательного учреждения, необходимо изучить общие особенности коммуникационных стратегий. Ожидание того, что бизнес должен выходить за рамки максимизации прибыли, распространяется на самые разные сферы.

Чтобы оценить значимость коммуникаций организации с потребителями, прежде всего компании необходимо определить свои потребности. Коммуникации являются незаменимым элементом функционирования любого предприятия, организации или компании, под которые подпадают и образовательные организации. Но использование коммуникаций в традиционном виде (межличностное взаимодействие, стандартное продвижение) часто не способствует эффективной деятельности во внутренней и внешней средах. Усиления эффекта от коммуникационной деятельности не достичь в условиях игнорирования качества проработки стратегии при реализации коммуникаций [1]. Стратегией является конкретизация пути развития предприятия, исходя из динамики внешней среды посредством формулирования долгосрочных целей, поиска ресурсов для их достижения и планирования действий на перспективу [2, с. 230–231]. Это — план управления фирмой, направленный на укрепление ее позиций, удовлетворение потребителей и достижение поставленных целей [3, с. 11]. Именно синтез различных видов коммуникаций в максимальной степени способствует достижению стратегических целей с учетом целостности коммуникационной системы организации [4]. С помощью коммуникационной стратегии компании решают вопросы распространения информации о собственной деятельности, убеждают в безопасности и пользе предоставляемых продуктов или услуг, формируют потребительскую лояльность, получают возможность для дополнительного анализа предпочтений.

Итак, без разработки коммуникационной стратегии субъект не сможет обратиться к той аудитории, к взаимодействию с которой стремится. В качестве

субъектов коммуникационных стратегий можно выделить многие социальные единицы. В них входят кампании в сфере бизнеса и социальной сферы, политические лидеры, партии, звезды шоу-бизнеса, культурные мероприятия, инфлюенсеры и многие другие.

Потребители ищут большего, чем покупка товара или получение услуги. Они хотят поддерживать ценности и идеологию фирмы, бренда, продукта или услуги. Поэтому интеграция в современную жизнь понятия корпоративной социальной ответственности стала для многих компаний катализатором при определении социальной позиции бренда.

Сегодня, чтобы выразить свою позицию и помочь обществу, предприятиям не обязательно идти в политику. Это можно сделать и через поддержку благотворительности, экологические инициативы, диверсификацию образов в рекламе, инклюзивность внутри компании и в коммуникации. Поэтому предприятия пересматривают подходы к продвижению, выделяя в качестве стратегического приоритета принципы устойчивого развития, позволяющие повышать лояльность потребителей и активнее внедрять инновации.

Согласно исследованию бизнес-журнала “*Harvard Business Review-EY*”, путь развития, в основе которого лежит концепция устойчивого развития, рассматривают как приоритетный около 53 % руководителей компаний. При этом 31 % опрошенных респондентов только пришли к пониманию необходимости работы по формированию и выработке собственной социальной позиции. В числе отстающих (около 19 %) находятся компании, которые даже не задумывались о разработке стратегических целей на основе формирования социальной позиции, а ограничиваются только зарабатыванием денег.

Большинство потребителей сегодня — это молодое поколение, которое не просто хочет выбрать бренды, которые соответствуют их образу жизни и ценностям, но и готовы платить за них больше. Подтверждают данную позицию результаты ежегодного глобального исследования американского международного агентства по связям с общественностью и стратегическим коммуникациям *Edelman* за 2021 г. Так, около 30 % потребителей считают, что у них существует возможность заставить корпорации измениться. 86 % участников опроса ожидают, что руководители компаний будут высказываться по общественно значимым вопросам. Под этим можно подразумевать создание справедливого мира, достижение нулевого уровня выбросов отходов или защиту конфиденциальности при условии доверия к источнику информации.

Современные исследования показывают, что доля людей, готовых переплатить за экологичные товары и услуги растет с каждым годом. К примеру, в России готовы платить за экологичную продукцию 22 %, что соответствует глобальному показателю в 25 %. Большие отличия в выборе товара показывает поколение Z. Для этого поколения этичная продукция в три раза важнее, чем для остальных респондентов. Особенностью также является готовность переплатить за удобство и технологичность (доставку, бесконтактное общение, интерфейс) [5]. Развитие технологий приводит к существенным трансформациям в коммуникации. Социальные медиа и блогосфера как социальные и культурные феномены являются особой частью информационно-коммуникативного пространства современного сообщества.

Хотя в блогосфере очевидны недостатки, связанные с распространением недостоверных данных, слухами, манипулированием новостями и т. д., массовые аудитории все чаще обращаются к блогам в качестве источников новостей. В целом российский блогосферный рынок тесно соотносится со средствами массовой информации (СМИ). Согласно отчету международного агентства *We are Social*,

в январе 2022 г. в России насчитывалось 129,8 млн пользователей интернета. Уровень проникновения интернета в России на начало 2022 г. составлял 89,0 % от общей численности населения, то есть на 4 % больше, чем в январе 2021 г. К началу января 2022 г. количество пользователей только социальных сетей в России возросло на 7 млн (7,1%) по сравнению с 2021 г. и составило 106 млн, то есть 72,7 % от общей численности населения.

Под блогосферой понимается совокупность всех блогов, предназначенных для поиска и обмена информацией, формирования и высказывания своих мнений. Узлами в данной системе являются блоги, за которыми стоят отдельные личности и их *web*-аудитория. Сегодня существует множество трактовок термина «блог»: а) это — способ думать и писать короткими абзацами вместо длинного эссе; б) новая форма управления знаниями внутри крупных компаний; в) новый способ общения с клиентами; г) альтернатива традиционным СМИ; д) возможность написания текста с личным мнением и индивидуальностью; е) инструмент мгновенной публикации и т. д. [6].

Большое влияние на потребительский выбор оказывают инфлюенсеры, которые могут внедрять в массы ценности и социальные активности бренда. Согласно исследованиям *Digital Marketing Institute*, 82 % людей доверяют социальным сетям при принятии решений о покупке. При этом 49 % потребителей опираются на рекомендации популярных людей в социальных сетях, через них 64 % открывают для себя новые бренды. Инфлюенс-маркетинг помогает обрести более лояльную аудиторию, благодаря популярным людям, которые разделяют ценности бренда и влияют на целевую аудиторию. Кроме того, 94 % потребителей ассоциируют именно инфлюенсеров с брендом, в меньшей степени доверяя традиционным СМИ, поскольку последние больше не являются средством представления товаров и продажи известных брендов. Очевиден тот факт, что сила социальных медиаплатформ, по крайней мере, измеряемая в финансовых показателях, гораздо выше [7; 8].

Исследователи определяют инфлюенс-маркетинг как маркетинговую стратегию сотрудничества с пользователями социальных сетей и другими создателями контента, которые влияют на сообщества разного размера и включают в себя создание совместного контента или продвижение бренда лидером мнений в своей нише, инструмент коммуникационной кампании, основанной на сотрудничестве с подходящей группой лидеров мнений. К популярным видам кампаний инфлюенс-маркетинга можно отнести *product placement* (размещение продуктов в контенте влиятельного лица), *unboxing-experience* (распаковку продукта перед аудиторией и тестирование в реальном времени), предварительный релиз (создание ажиотажа вокруг продукта или запуска еще до того, как это произойдет), спонсированный контент (любой контент, который спонсирован для инфлюенсера, например, спонсирование путешествия, где лидер мнения должен говорить о бренде и благодарить за предоставленную возможность), тематическую кампанию или кампанию с хештегом (побуждение вовлеченной аудитории делиться или говорить о заранее определенной теме, используя хештеги), розыгрыш/раздачу (предоставление продукта с целью последующего продвижения и розыгрыша среди подписчиков), промокоды (использование определенных фраз, кодов для побуждения к совершению целевого действия потребителями), программы послов брендов (программы бренд-амбассадоров, где лидеры мнения рекомендуют компании и бренды) [9].

Инфлюенс-маркетинг заключается не только в том, чтобы найти кого-то с аудиторией и предложить ему деньги или известность, но и в том, чтобы он мог создать позитивный имидж бренда. Инфлюенсеры — это люди, у которых есть терпение и внимание, чтобы добиться успеха в социальных сетях (по одному

естественному подписчику в день). Такие люди не заинтересованы в инфлюенс-маркетинге только из-за денег. Инфлюенсер-маркетинг также не нацелен на быстрые результаты. Это — медленный и устойчивый подход, как в социальных сетях и контент-маркетинге, когда кампания не направлена на прямую продажу товаров. Вместо этого речь идет о демонстрации авторитета компании, идейного лидерства в отрасли.

По итогам рассмотрения особенностей коммуникационных стратегий следует сделать вывод о том, что значимым компонентом стратегического приоритета и ключевым фактором успеха в продвижении деятельности тех или иных образовательных учреждений является не только качество образования, но и грамотное представление себя на рынке с опорой на современные технологии воздействия при использовании актуальных коммуникационных инструментов.

Материалы и методы

После изучения особенностей коммуникационных стратегий продвижения образовательной сферы необходимо рассмотреть инфлюенс-маркетинг как способ взаимодействия с потребителями. По мере того, как растет индустрия инфлюенс-маркетинга, растет и количество компаний, поставщиков услуг, поддерживающих эту отрасль. Современная статистика доказывает данный рост. В 2020 г. российский рынок инфлюенс-маркетинга составил 11,1 млрд руб. при росте на 63,6 %, а в 2021 г. треть организаций выделяли на лидеров мнений 25–50 % *digital*-бюджета.

Результаты анонимного опроса в сфере *Brand Safety* показали, что 74 % компаний, входящих в *GroupM*, работают с инфлюенсерами. То обстоятельство, что компании чаще начинают работать с инфлюенсерами, подтверждают и западные исследования. Согласно *Linqia*, на момент проведения опроса (февраль-март 2021 г.) уже 93 % маркетологов работали с инфлюенс-маркетингом. В 2022 г. более трех четвертей (77 %) респондентов намерены выделить бюджет на инфлюенс-маркетинг в 2022 г., а 68 % собираются увеличить данную статью расходов. Общее удовлетворение, которое испытывают фирмы, занимающиеся инфлюенс-маркетингом, видимо, позитивно сказывается на их планировании на будущее. Анализируя данные исследований, можно сделать вывод о том, что существует множество преимуществ, которые могут получить компании, решившие сотрудничать с инфлюенсерами. К ним относятся повышение осведомленности о бренде и авторитета, привлечение более молодых клиентов, улучшенная генерация лидов, увеличение конверсии.

Наличие четкой и последовательной стратегии инфлюенс-маркетинга имеет жизненно важное значение для успеха компании. Она гарантирует, что получится охватить правильную целевую аудиторию бренда и достичь поставленных маркетинговых целей. При помощи инфлюенс-маркетинга проводится работа с лидерами мнений в определенной нише в социальных сетях, чтобы поддержать бренд. Это будут законодатели вкусов с большим количеством вовлечения и активных подписчиков. Стратегия инфлюенс-маркетинга включает в себя определение целевой аудитории, целей и задач кампании, выбор наиболее подходящих кампании инфлюенсеров, выбор метода обращения к лидерам мнений, аудит контента и возможностей, подготовка контент-плана, оценка результата, основанного на инфлюенс-маркетинге.

Способы поиска лидеров мнений включают в себя идентификацию инфлюенсера, регистрацию на платформах с базами данных потенциальных инфлюенсеров, обращение в специализированное агентство инфлюенс-маркетинга.

Работая с лидером мнений, бренд использует ряд маркетинговых механизмов, таких как эффект селебрити (приглашение на ТВ, радио для интервью с целью получения не только экспертного мнения, но и повышения популярности), выход на целевую аудиторию (выбор лидера мнения не только по количеству подписчиков, но и ниши влияния. Например, если среди потребителей бренда находятся в основном девушки, которые часто пользуются социальными сетями, интересуются быстрой модой и товарами для красоты, то выбор может пасть на бьюти-инфлюенсера из *TikTok* или *Instagram*, если клиенты — любители мобильной техники, то подойдет техно-обзорщик на платформе *YouTube*), подходящий стиль (акцент, лексика, тональность, с которой лидер мнения общается с подписчиками), доверительная коммуникация (рекламные коммуникации, вписываемые в контент блога, приобретают черты рекомендации, а не информационного навязывания), долгосрочное действие (продолжительный эффект действия контента) [10].

Очевидным становится, что работа с инфлюенсерами — это комплексный подход к работе с готовым каналом воздействия на заранее определенную целевую аудиторию. Сегодня российский рынок инфлюенсер-маркетинга претерпевает значительные изменения и вынужден искать новые эффективные каналы коммуникации с аудиторией. 14 марта 2022 г. Роскомнадзор временно заблокировал *Instagram*, после чего началась миграция блогеров. Вслед за брендами с платформ начинается отток инфлюенсеров, уводящих за собой подписчиков. Поток идет в социальные сети «Телеграм», «ВКонтакте» и в меньшей степени (после ограничений) — *TikTok*.

Для анализа ситуации на рынке инфлюенс-маркетинга проведен *STEP*-анализ для выявления внешних факторов среды, как видно из таблицы 1.

Для анализа специфики особенностей использования маркетинга влияния авторы проанализировали деятельность инфлюенсер-агентства ООО «Хэллоу Блоггер», работающего на рынке Санкт-Петербурга с 2013 г. *Hello Blogger* часто работает со стримерами и является основателем сообщества *Stream Family*, то есть объединения стримеров и блогеров. Основные направления деятельности — это поддержка детей-киборгов (организация сборов денежных средств на покупку и установку эндо- и экзопротезов, а также последующую реабилитацию для детей с заболеваниями, требующими установку высокотехнологичных имплантатов), поддержка программ спасения и реабилитации бездомных животных (организация сборов денежных средств на дорогостоящее лечение, приобретение технических средств реабилитации, кормов, оплата передержки для животных, спасенных на улицах Санкт-Петербурга).

Используя современные инструменты *digital*-коммуникации и организуя благотворительные проекты нового формата, ООО «Хэллоу Блоггер» демонстрирует социальную позицию собственного бренда и регулярно помогает фондам. Из значимых проектов, демонстрирующих социальную позицию бренда агентства, можно выделить такие проекты, как «*Love*-шоу: романтика и любовь в книгах и литературе в социальной сети *Twitch*». Речь идет о стрим-шоу для повышения узнаваемости бренда «ЮФ», нового российского движения, направленного на популяризацию чтения среди поколения *Z*, совместный проект с издательством «Эксмо-АСТ».

Выявлены целевые аудитории стрима: первичная (17–21 год, недавние школьники с отрицательным отношением к литературе из-за ассоциации со скучными уроками) и вторичная (22–25 лет, люди, любящие читать, но не привыкшие к контенту, связанному с книгами на платформе *Twitch*). Формат взаимодействия выбран для повышения интереса к литературе через геймификацию и взаимодействие через лидеров мнений, имеющих высокий уровень лояльности у целевой аудитории.

Таблица 1

STEP-анализ тенденций, положения дел

Политика	Экономика
<ol style="list-style-type: none"> 1. Блокировка или ограничение социальных сетей. Возникает дефицит экспертной и действительно полезной информации, а люди остаются без ответов на важные вопросы. Из-за недостатка качественной информации в сети распространяется ложная информация, у журналистов нет возможности проверить многие факты. 2. Неопределенность в политике власти в отношении отрасли инфлюенсеров. 3. Изменение законодательства на региональном уровне. 4. Возрастание возможности ужесточения нормативно-законодательных требований в отношении инфлюенсеров. 5. Нечетко определенный правовой статус блогера. Существуют пробелы, требующие уточнения посредством дальнейшей правовой регламентации 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Рынок инфлюенс-маркетинга растет с каждым годом, что делает его одним из наиболее и привлекательных каналов продвижения. 2. Увеличение количества агентств и специалистов, специализирующихся на рекламе в сети Интернет и ужесточение конкуренции на рекламном рынке. 3. Ценность контент-маркетинга и PR кратно возрастает. 4. Активное развитие персонализированного маркетинга и интерактивной рекламы. 5. Блогинг охватывает все новые и новые сферы.
Социум	Технология
<ol style="list-style-type: none"> 1. Курс на экологичность, разумное потребление, экономия природных ресурсов. 2. Популярность сторителлинга как инструмента, который помогает доносить идеи и придавать ценность товарам с помощью историй. 3. Феномен клипового мышления, приводящего к тому, что потребители больше заинтересованы в короткой и стремительной подаче, которая стимулирует рост количества видеоконтента и инфографики. 4. Демонстративное потребительское поведение. Потребитель видит прямую зависимость между ценой и качеством. Иными словами, чем дороже, тем надежнее 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Развитие AR-технологий: дополненная реальность как один из способов сохранения лояльность потребителя на конкретной платформе. 2. Совершенствование технологий управления и качество менеджмента в агентствах digital-маркетинга. 3. Мультиплатформенность сервисов. Раньше сервисы были ограничены постами, исключительно фотографиями определенного формата с подписями и т. д. Сегодня каждый инфлюенсер имеет возможность выставить «историю», провести онлайн-трансляцию, выкладывать видео разного формата. 4. Совершенствование технологического обеспечения рекламных агентств. 5. Рост охвата аудитории сети Интернет. 6. Увеличение скорости передачи данных и пропускной способности, что способствует более быстрому потреблению контента. 7. Развитие сервисов по сбору статистики

Стрим-шоу реализовано 26 сентября 2020 г., с 12:00 до 16:30. Оно представляло собой четырехчасовой Twitch-стрим, посвященный новинкам книг в жанре *young adult* от издательской группы «Эксмо-АСТ» и романтике в книгах и литературе. В качестве инструментов использовались так называемые разного рода активности (викторины по книгам, испытания на знание классической литературы для стримеров, чтение отрывков книг по ролям, игра «Что? Где? Когда?» (зрители *vs* стримеры) и т. д.), сопровождающая информационная кампания (анонсирующие и сопровождающие публикации в социальных сетях).

Бюджет проекта был составлен из гонораров стримеров, технического обслуживания трансляции и графического пакета, включающего в себя анимированный фон, плашку с промоматериалами, анимированные перебивки, результаты и оформление для каждой из активностей трансляции. Таким образом, можно заключить, что использование инфлюенс-коммуникаций дает высокие положительные результаты в просветительской деятельности, а значит, они могут быть эффективны в продвижении образовательной сферы.

Результаты

После изучения специфики использования стрим-шоу и инфлюенс-коммуникаций следует рассмотреть возможность адаптации применения данных технологий в сфере образования. По результатам *STEP*-анализа можно сделать вывод о том, что в настоящее время, несмотря на значительные изменения в перечне доступных платформ, сложившаяся политическая, социальная и экономическая ситуация в целом позитивно сказывается на развитии сферы инфлюенс-маркетинга. Совершенствуются интеграции сервисов, усиливается процесс внедрения новых информационных технологий в социальные сети.

В случае проекта «*Love*-шоу: романтика и любовь в книгах и литературе в социальной сети Twitch» *Hello Blogger* дает следующие показатели эффективности. Суммарный охват проекта составил более двух миллионов просмотров, что является перевыполнением плана, пиковое число зрителей на трансляции — 5 376 человек. Кампанию можно считать успешной, поскольку итоговый охват превысил ожидаемый показатель почти на 10 %. Задачи, в которые входило повысить узнаваемость бренда «ЮФ», обсудить с гостями шоу и зрителями новинки литературы в жанре *young adult*, а также посоветовать обязательные к прочтению книги, выполнены. Кроме того, идея стрим-шоу использована в 2021 г. Оно проходило на платформе *VK Live*, имело аналогичные задачи, но меньшие показатели (из-за особенностей платформы и гостей, так как были блогеры из разных социальных сетей, а не популярные стримеры на «родной» площадке).

Успех данного мероприятия подтверждает, что этот формат применим к другим сферам. Так, при помощи стриминговых сервисов можно проводить корпоративные мероприятия, личные события или прямые трансляции для образования.

Обсуждение

В предыдущем разделе исследованы возможности того, как образовательно-развлекательное мероприятие в формате онлайн-трансляции может охватить отдаленные районы страны и помочь успешно распространить знания и идеи в массы. Образовательный стрим — это эффективный инструмент вовлечения, который позволяет обучать, делиться знаниями и проводить образовательные

мероприятия, используя лишь стабильное подключение к интернету. Прямые трансляции можно применять для медицинского образования, инженерных, гуманитарных и других наук. Кроме того, можно экспериментировать и в иных областях.

Система образования в нашей стране претерпела изменения после COVID-19 и использования интернета как инструмента обучения и общения со студентами. Университеты стали чаще использовать гибридный формат обучения. Более того, согласно данным исследования Томского государственного университета, 70 % преподавателей уверены, что такой формат обучения вскоре будет использоваться в каждом вузе. 25 % студентов готовы полностью перейти на онлайн-обучение [11; 12].

Переход к адаптивному и интерактивному онлайн-образованию подтверждает наличие у вузов собственных платформ для стримингового обучения и онлайн-курсов. Среди них — Вышка.Online (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), Университет без границ (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова), *OK.MGPU* (Московский городской педагогический университет). В мировых и российских вузах используются *VR*-технологии. В основном в России они внедряются, чтобы проводить лабораторные эксперименты и проецировать созданные виртуальные модели.

Фактор внедрения онлайн-составляющей в систему обучения дополняет преимущества. В частности, студенты могут смотреть и пересматривать контент в соответствии с потребностями и удобством, лучше подготовиться к экзаменам, тестам и т. д. К другим преимуществам стриминга как инструмента образовательного процесса можно отнести доступность (обучение возможно через смартфоны, ноутбуки, компьютеры и практически любые «умные» гаджеты), массовость (возможность проведения занятий на широкую аудиторию без необходимости физического присутствия, что позволяет использовать инклюзивные подходы к образовательной сфере), высокий уровень взаимодействия (прямая трансляция побуждает студентов участвовать, задавать вопросы, взаимодействовать друг с другом и делиться мнением), доступные метрики (онлайн-преподаватели могут отслеживать свои занятия в прямом эфире, чтобы определить, что работает, а что можно оптимизировать), сотрудничество и совместное использование (преимуществом прямой трансляции в образовательной сфере является возможность совместной работы и обмена информацией).

Хотя онлайн-программы обладают значительными достоинствами и предлагают беспрецедентную доступность качественного образования, существуют и слабые стороны, присущие использованию этой среды, которые могут представлять потенциальную угрозу для успеха любой онлайн-программы. К проблемам можно отнести технические трудности. Среди них — компьютерная грамотность, технические проблемы, самоорганизация студентов, организационные вопросы, администрирование и преподавательский состав, имитация физического опыта, сложность составления в адаптации учебного плана в вузах. В целях успешности онлайн-программы необходимо тщательно продумать и сбалансировать учебный план, организаторов, технологии и студентов, чтобы в полной мере использовать сильные стороны этого формата и в то же время избежать подводных камней, которые могут возникнуть из-за его недостатков.

Итак, нами рассмотрены основные плюсы и минусы дистанционного образования. Но остается открытым вопрос о роли инфлюенс-маркетинга в данной сфере. Каким образом образовательные учреждения могут извлечь выгоду из инфлюенс-маркетинга влияния и почему он необходим?

Рассмотрим уникальные преимущества, которые дает маркетинг влияния для образовательных учреждений. К таким преимуществам относятся:

а) опыт студентов — в большинстве университетов проводят Дни открытых дверей и рассказывают будущим студентам о положительном опыте обучения в учебном заведении. Они делают это, поскольку понимают, что потенциальные студенты хотят услышать от нынешних, чтобы они могли составить точное впечатление о студенческом городке и об учебном заведении в целом. Маркетинг влияния капитализирует эту стратегию, перенося ее в онлайн. Теперь маркетинговая кампания может опираться на опыт студентов, как и при посещении;

б) определенные целевые нишевые группы — студенческий инфлюенс-маркетинг также является отличным средством для ориентации на те или иные группы. Например, студенты-спортсмены, публикующие фотографии после победы или рассказывающие о сплоченности товарищей по команде, — отличный способ привлечь студентов-спортсменов. Аналогичный принцип применим и к другим нишевым группам, будь то определенная программа обучения, конференция или любой другой вид деятельности. Если студенты будут делиться опытом в таких областях в интернете, это поможет привлечь заинтересованных студентов и их родителей;

в) тональность рекламы — традиционная реклама, как правило, кажется либо откровенно назойливой, либо скрыто манипулятивной. Эффективный маркетинг, особенно для студентов поколения Z, должен избегать этого, предпочитая более аутентичную, разговорную атмосферу. Если стремиться к аутентичности и разговорчивости, пост в социальных сетях от наиболее популярного студента, выпускника или даже преподавателя — отличная альтернатива более традиционным формам маркетинга. Если лидерам мнений предоставлена возможность быть искренними, их подписчики это распознают и с меньшей вероятностью отвергнут пост как рекламу.

Данные факты доказывают возможность эффективного использования инфлюенс-маркетинга в продвижении образовательной сферы.

Выводы

Обобщая результаты, необходимо отметить, что коммуникация служит важным элементом работы любого предприятия и реализуется с использованием инструментов, отвечающих рекламным, маркетинговым целям и PR-целям компаний. Основной задачей является формирование общественного мнения, информирование, а также проведение соответствующих исследований и сбор статистических данных. При правильном подборе инструментов предприятие приобретает положительный имидж и повышает лояльность к себе, своим товарам у потребителей.

В настоящее время в маркетинге влияния распространены такие форматы активностей, как долгосрочная и краткосрочная работа с лидерами мнений, где обе формы взаимодействия считаются рабочими. Однако выбор зависит от целей продвижения. В развитии маркетинга влияния на ближайшие годы можно выделить такие тренды, как сохранение свободы контента, свобода в выражении эмоций, рост корпоративной свободы.

Несмотря на все преимущества и возможности *Influencer Marketing*, этот способ продвижения содержит и ряд проблем:

1. Непонимание брендами целей рекламных кампаний при продвижении через лидеров мнений. Рекламодатели не получают ожидаемых результатов, так как изначально не понимают специфику работы с подобным форматом продви-

жения. *Influencer Marketing* помогает выстроить эмоциональную связь бренда с клиентом, а не осуществлять прямые продажи.

2. Сложности с созданием индивидуального рекламного контента под каждого лидера мнений.

3. Отсутствие единых стандартов в бизнес-процессах, связанных с ценообразованием, условиями размещений, форматами оплаты, гарантиями выполнения рекламных размещений.

4. В России и ближнем зарубежье рынок *Influencer Marketing* ограничен сегментами, в которых присутствуют свои лидеры мнений. В некоторых секторах настоящая «информационная засуха», то есть отсутствуют лидеры мнений приемлемого качества.

Таким образом, в условиях цифровизации брендам необходимо разрабатывать социальную позицию и последовательно подкреплять ее действиями и сотрудничеством с инфлюенсерами, разделяющими ценности организации, поскольку сегодня потребителю необходимо нечто большее, чем соотношение цены и качества. Стриминговые сервисы при правильном подходе и использовании могут успешно применяться не только в развлекательной, но и в образовательной сфере. Стратегия инфлюенс-маркетинга в данном контексте не будет кардинально изменяться: если это — образовательный портал, то можно привлекать инфлюенсеров любого уровня. Главное, чтобы они подходили организации и выполняли установленные коммуникационные цели. Вузам, в свою очередь, следует обратить внимание на наноинфлюенсеров, которые сегодня обучаются, так как новое поколение привыкло доверять отзывам, а не традиционной рекламе. Кроме того, выявлено, что онлайн-обучение в вузе при помощи стриминговых сервисов учитывает особые потребности студентов, которым необходимо или хочется получить образование. Такие платформы предлагают удобное решение проблемы конфликтов с работой, личной жизнью и учебным графиком.

Список источников

1. Морозова Н. А. Коммуникационная концепция маркетинга // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2011. № 2. С. 140–144.
2. Гавра Д. П. Категория стратегической коммуникации: современное состояние и базовые характеристики // Век информации. 2015. № 3 (4). С. 229–233.
3. Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии. М.: ЮНИТИ, 1998. 576 с.
4. Богданов С. В. Стратегические коммуникации: концептуальные подходы и модели для государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 61. С. 132–152.
5. Захарова В. А. Роль молодежи в преодолении экологических рисков и развитии экологической культуры // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 6. С. 201–210. DOI: 10.23683/2227-8656.2019.6.13
6. Лазуткина Е. В. Лидеры мнений в информационном пространстве блогосферы рунета // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 6. С. 51–59.
7. Горохова П. А. К вопросу о типах, видах и разновидностях маркетинга в условиях цифровизации: классификация и сущность // Kant. 2021. № 1 (38). С. 14–17. DOI: 10.24923/2222-243X.2021-38.3
8. Raja Koti B., Raj Kumar G. V. S., Kumar K. N., Srinivas Y. Influence of social information networks and their propagation // Security in IoT Social Networks. Academic Press. 2021. P. 83–108. DOI: 10.1016/B978-0-12-821599-9.00004-2
9. Schaffer N. The Age of Influence: The Power of Influencers to Elevate Your Brand. New York: HarperCollins Leadership, 2020. 288 p.

10. *Chen B.-L., Jiang W.-X., Chen Y.-X., Chen L. Wang. R.-J., Han Sh., Lin J.-H., Zhang Y.-Ch.* Influence blocking maximization on networks: models, methods and applications // *Physics Reports*. Vol. 976. 2022. P. 1–54. DOI: 10.1016/j.physrep.2022.05.003
11. Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию: аналитический доклад / науч. ред. Е. А. Суханова, И. Д. Фрумин. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2021. 46 с.
12. *Николаев В. К.* Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // *Высшее образование в России*. 2022. Т. 31. 2. С. 149–166. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166

Информация об авторах

И. А. Ильина — кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью; 197022, Санкт-Петербург, Профессора Попова ул., д. 5Ф;
Б. С. Десятов — аспирант; 197022, Санкт-Петербург, Профессора Попова ул., д. 5Ф;
И. К. Струлев — магистрант; 197022, Санкт-Петербург, Профессора Попова ул., д. 5Ф;

Information about the authors

I. A. Ilyina — PhD in Philology, Associate Professor of the Public Relations Department; 5F Professora Popova str., St. Petersburg 197022, Russia;
B. S. Desyatov — postgraduate student; 5F Professora Popova str., St. Petersburg 197022, Russia;
I. K. Strulev — master student; 5F Professora Popova str., St. Petersburg 197022, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; одобрена после рецензирования 14.09.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 10.08.2022; approved after reviewing 14.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.

ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ THE LAW IN A STATE AND PERSON LIFE

Научная статья

УДК 34.047

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-318-323

Сравнительно-правовой анализ активного избирательного права осужденных к лишению свободы

Андрей Владимирович Кузьмин¹✉, Степан Мхитарович Оганесян²,
Максим Владимирович Колмогоров³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ ak78rus@gmail.ru✉

² stepan-62.11.11@mail.ru

³ m.kolmogorov@spbacu.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме активного избирательного права осужденных к лишению свободы. Авторы обращают внимание на актуальность данной темы с учетом того, что избирательное право граждан является одним из основных признаков демократического государства. В статье проведен анализ практики в контексте данной проблемы в различных зарубежных странах. Более того, авторы приводят статистику оспаривания законности запрета избирательных прав заключенных. По итогам исследования сделан вывод о том, что принципы демократии не допускают ограничений различных категорий граждан по отношению к активному избирательному праву.

Ключевые слова: активное избирательное право, правососстановление, права осужденных, демократическое государство, восстановление

Для цитирования: Кузьмин А. В., Оганесян С. М., Колмогоров М. В. Сравнительно-правовой анализ активного избирательного права осужденных к лишению свободы // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 318–323. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-318-323>

Original article

Comparative legal analysis of the active electoral right of prisoners

Andrey V. Kuzmin¹✉, Stepan M. Oganesyanyan², Maksim V. Kolmogorov³

^{1, 2, 3} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

¹ ak78rus@gmail.ru✉

² stepan-62.11.11@mail.ru

³ m.kolmogorov@spbacu.ru

Abstract. This article is devoted to the topic of active suffrage of convicts sentenced to deprivation of liberty. The authors emphasize the relevance of this topic because the suffrage

© Кузьмин А. В., Оганесян С. М., Колмогоров М. В., 2022

of citizens is one of the main features of a democratic state. The article analyzes the practice on this issue in various foreign countries. Moreover, the authors cite statistics on challenging the legality of the ban on voting rights for prisoners. In conclusion, it is concluded that the principles of democracy do not allow any restrictions for various categories of citizens in relation to active suffrage.

Keywords: active suffrage, legal restoration, rights of convicts, democratic state, restoration

For citation: Kuzmin A. V., Oganessian S. M., Kolmogorov M. V. Comparative legal analysis of the active electoral right of prisoners. *Sociology and Law. 2022;14(3):318-323.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-318-323>

Введение

Избирательное право представляет собой фундамент всех политических прав граждан. Оно является одним из основополагающих принципов демократии. Сегодня выборы выступают в качестве главного способа формирования органов власти. Именно поэтому проблема активного избирательного права остается актуальной для каждой страны и регулируется как национальным законодательством, так и международным.

Кроме того, восстановление активного избирательного права осужденных как отдельной категории граждан выступает важным аспектом рассматриваемой темы. И все-таки на международном уровне миллионы заключенных (в некоторых странах лица, отбывшие наказание) лишены права голоса.

Материалы

Основные принципы избирательной демократии установлены на международном уровне. Статьей 25 Международного пакта о гражданских и политических правах предусмотрено, что «каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации, упоминаемой в статье 2, и без необоснованных ограничений право и возможность:

- a) принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей;
- b) голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей;
- c) допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе» [1].

Обсуждение

Хотя международное право не всегда является частью внутреннего права страны, оно оказывает или стремится оказывать определенное влияние на национальное законодательство и стать в отношении такого законодательства специфическим ориентиром. Некоторые политологи, в частности Р. Даль, утверждают, что в демократических процессах должны принимать участие все взрослые члены общества и иметь возможность внести свой вклад в политическую жизнь общества путем принятия участия в голосовании на выборах [2].

Практика по предоставлению права голоса заключенным и лицам, отбывшим наказание, в различных странах разнообразна. Так, согласно сведениям из дела Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), в восемнадцати странах Европы

право на участие в выборах предоставлено заключенным вне зависимости от различных обстоятельств. К таким странам, например, относят Албанию, Азербайджан, Хорватию, Чехию, Данию, Финляндию, Македонию, Германию, Исландию, Литву, Молдову, Черногорию, Нидерланды и др. Помимо стран Европы, в перечень стран, предоставляющих абсолютное избирательное право осужденным и лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, можно включить Канаду, Южную Африку и Иран. Однако в Армении, Бельгии, Болгарии, на Кипре, в Эстонии, Грузии, Венгрии, Ирландии, России, Сербии, Словакии, Турции, Великобритании осужденные лишены права избирать [3]. Например, согласно ч. 4 ст. 48 Конституции Армении, «право избирать и быть избранными, а также участвовать в референдуме не имеют лица, ..., осужденные за умышленно совершенные тяжкие преступления по вступившему в законную силу приговору и отбывающие наказание. Права быть избранными не имеют также лица, осужденные за совершение других преступлений по вступившему в законную силу приговору и отбывающие наказание» [4]. Например, в Норвегии лицо может быть лишено право голоса по решению суда, хотя такие случаи редки и обычно применяются к лицам, в отношении которых вынесено судебное решение об ограничении их избирательных прав в связи с совершением тяжкого уголовного преступления (в том числе в случае осуждения лица за совершенное уголовное преступление, в частности против независимости и безопасности государства или против Конституции РФ, и составной частью наказания является ограничение реализации виновным лицом активного и пассивного избирательного права).

Обзор практики европейских государств, устанавливающих ограничения избирательного права заключенных и лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, приведен в рамках решения по известному делу «Херст против Великобритании» [3].

В Российской Федерации (РФ) в соответствии с Конституцией РФ (ч. 3 ст. 32) граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, лишены права избирать и быть избранными. Так, в 2013 г. ЕСПЧ вынес решение о том, что лишение права осужденных принимать участие в выборах идет вразрез с нормами Конвенции о защите прав человека в деле «Анчугов и Гладков против Российской Федерации». Несмотря на это, Конституционный Суд РФ указал на невозможность исполнения вынесенного ЕСПЧ решения, поскольку это требует кардинальных изменений в правовой системе государства [5].

В этом контексте интересна практика США в сфере восстановления активного избирательного права лиц, отбывших уголовное наказание. Некоторые американские штаты реализуют ограничительную и жесткую политику в данной области. Анализ законодательства американских штатов позволяет сделать определенные выводы о принципах такого правосознания.

Восстановление права участвовать в выборах после отбытия наказания в разных штатах осуществляется по-разному. Правовые системы двух штатов (Мэн и Вермонт) не предусматривают института ограничения избирательного права, остальные 48 и федеральный округ Колумбия — запрещают им голосование; в 13 штатах (к ним относятся Гавайи, Иллинойс, Индиана, Массачусетс, Мичиган, Монтана, Нью-Гэмпшир, Северная Дакота, Огайо, Орегон, Пенсильвания, Род-Айленд и Юта) ограничения на участие в выборах распространяются лишь на лиц, отбывающих наказание; в пяти штатах (Калифорнии, Колорадо, Коннектикуте, Нью-Йорке и Южной Дакоте) избирателями не являются также условно-досрочно освобожденные; в 19 штатах (в их числе — Аляска, Арканзас, Джорджия, Айдахо, Айова, Канзас, Луизиана, Мэриленд, Миннесота, Миссури, Нью-Джерси, Нью-Мексико, Северная Каролина, Оклахома, Южная Каролина, Техас, Вашингтон, Западная Виргиния и Висконсин) права голоса не имеют лица, приговорен-

ные к условному наказанию; а в 11 штатах (среди них — Алабама, Аризона, Делавэр, Флорида, Кентукки, Миссисипи, Небраска, Невада, Теннесси, Виргиния и Вайоминг) для восстановления избирательного права требуется особый акт органов государственной власти, в результате издания которого лицо, отбывшее уголовное наказание, может принимать участие в электоральном процессе [6].

Законодательство штата Аризоны предусматривает дифференциацию право-восстановления относительно первого обвинения, если избирательное право восстанавливается автоматически, а также второго и последующих обвинений, если такое право восстанавливается по истечении двухлетнего периода после безусловного освобождения или истечения условного срока наказания в случае условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы.

Законодательство штата Мэриленд предусматривает, что осужденный впервые за кражу или преступления против чести (кроме покупки или продажи голосов на выборах) автоматически восстанавливает свое избирательное право после отбытия наказания. Если лицо признано виновным в двух или более подобных преступлениях, то оно не имеет избирательных прав до получения помилования. Если лицо обвиняется в покупке или продаже голосов на выборах, оно утрачивает возможность восстановления своих избирательных прав в штате Мэриленд. Законодательство штатов Теннесси и Делавер устанавливают, как и в Мэриленде, сложную процедуру восстановления избирательных прав. Так, в Делавере лицо, осужденное за умышленное убийство, простое убийство, любое преступление с элементами сексуального посягательства или преступления против государственного управления посредством взяточничества, злоупотребления доверием или злоупотребления служебным положением, утрачивает право голоса на выборах. Лица же, осужденные за другие преступления, восстанавливают свое избирательное право после помилования или через пять лет после истечения срока наказания, независимо от того, что произошло в первую очередь.

В Теннесси утрачивают право на восстановление активного избирательного права лица, осужденные за убийство, изнасилование, государственную измену или фальсификацию выборов. Лица, совершившие иные преступления, вправе обратиться о восстановлении избирательного права после истечения срока лишения свободы в случае, если осужденный помилован по ходатайству окружного суда.

Следует обратить внимание на тенденцию вовлечения в процесс восстановления избирательных прав максимального числа лиц, отбывших уголовное наказание. Так, в штате Флорида образована Коалиция по восстановлению гражданских прав (*The Florida Rights Restoration Coalition*), которая занимается сокращением запретов, наложенных на лиц, ранее осужденных за совершение уголовных преступлений. Главная идея организации — уголовное преступление не должно становиться преградой на пути к естественным и основным правам человека голосовать, занимать правительственный пост, а также получать профессиональные лицензии. На официальном сайте правительства штата Виржинии размещена информация о восстановлении правового статуса личности от лица губернатора штата Роберта Макдонелла. В его письме к жителям штата он говорит о скорейшем включении нового процесса правосознания в Виржинии, который поможет избежать многих проблем, возникающих при наказании [7].

В практике зарубежных стран существуют случаи попытки оспаривания законности запрета избирательных прав заключенным. Так, в октябре 2002 г. Верховный суд Канады по делу *Sauvé* против Канады [8] признал федеральный закон Канады о выборах, запрещающий заключенным голосовать, неконституционным.

Результаты

Исследование мнения американской общественности о возможности лишения права голоса демонстрирует следующее.

В первом опросе приняли участие 503 человека. Обнаружено, что 90 % из них считает, что право голоса является одним из наиболее важных демократических прав граждан. Только меньшинство опрошенных поддержало лишение права голоса осужденных: 10 % не верят в необходимость запрета голосования для осужденных, 16 % верят в постоянный запрет для всех осужденных за уголовное преступление. Большинство респондентов, следовательно, приняли умеренную позицию: 32 % считают, что лишь заключенные должны потерять свое право голоса, и 35 % считают, что осужденные должны потерять свое право голоса, только находясь в тюрьме, на испытательном сроке или при условно-досрочном освобождении [9]. В другом национальном опросе приняли участие 1 000 человек. Оказалось, что уровень поддержки осужденного в контексте права голоса снижается в зависимости от статуса правонарушителя: отбывшие наказание (80 %), находящиеся на испытательном сроке (68 %), освобожденные на поруки (60 %) и заключенные (31 %) [10].

Выводы

Не выражая личного отношения к исследуемой проблеме, обратим внимание на формирование двух противоположных позиций. Первая состоит в том, что отрицание права голоса осужденных, вероятно, подрывает уважение к верховенству права, поскольку граждане не могут участвовать в разработке законов, а следовательно, не могут признавать их авторитет на должном уровне. Предоставление осужденным права голоса, наоборот, может способствовать укреплению социальных связей и осуществлению законного и ответственного участия в жизни гражданского общества. Вторая позиция заключается в том, что предположение об утрате осужденными своих избирательных прав при нарушении общественного договора означает, что они сознательно занимались преступной деятельностью, зная, что они могут потерять право голоса. Вместе с тем во многих случаях причины преступления выходят за рамки индивидуального выбора.

В контексте вопроса об искуплении вины правонарушителя перед обществом лишение права голоса вряд ли будет эффективным, поскольку осужденный уже чувствует себя отчужденным от общественной и политической жизни. Лишение гражданских прав подрывает процесс развития личности, реабилитации правонарушителей и их интеграции в общество. При этом существует возможность потери лицом чувства собственного достоинства и отчуждение его от общества. Таким образом, лишение голосования может способствовать дальнейшей преступной деятельности.

Список источников

1. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м заседании Генеральной Ассамблеи ООН (документ ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
2. *Dahl R. A.* Preface to democratic theory. Chicago: University of Chicago Press, 1956. 155 p.
3. *Case of Hirst v. The United Kingdom (No. 2) (Application no. 74025/01)*. Oct. 6, 2005. URL: https://eos.cartercenter.org/uploads/document_file/path/604/CASE_OF_HIRST_v._THE_UNITED_KINGDOM_No._2_.pdf (дата обращения: 01.04.2022).
4. Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. (с изм. от 6 декабря 2015 г.) // Президент Республики Армения: офиц. сайт. URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 01.04.2022).

5. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 04 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П // Российская газета. 2016. 5 мая.
6. Итоговый отчет о результатах дистанционного мониторинга выборов президента США 6 ноября 2012 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/c/d/106265.pdf> (дата обращения: 04.04.2022).
7. Letter from the Governor about Restoration of Rights // VA Secretary of the Commonwealth: Clemency. URL: <http://www.commonwealth.virginia.gov/judicialsystem/clemency/Gov-Letter-ROR.pdf> (дата обращения: 02.04.2022).
8. *Sauvé v. Canada* (Chief Electoral Officer). 2002 SCC 68. [2002] 3 S.C.R. 519. URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/2010/index.do> (дата обращения: 04.04.2022).
9. *Pinaire B., Heumann M., Bilotta L.* Barred from the Vote: Public Attitudes Toward the disenfranchisement of Felons // *Fordham Urban Law Journal*. 2003. Vol. 30. P. 1519–1550. URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1874&context=ulj> (дата обращения: 05.04.2022).
10. *Manza J., Brooks C., Uggen C.* Public Attitudes Toward Felon disenfranchisement in the United States // *Public Opinion Quarterly*. 2004. Vol. 68. No. 2. P. 275–286. DOI: 10.1093/poq/nfh015

Информация об авторах

А. В. Кузьмин — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

С. М. Оганесян — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

М. В. Колмогоров — старший специалист кафедры гражданского права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

A. V. Kuzmin — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure; 44a Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

S. M. Oganessian — Doctor of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Civil Law and Procedure; 44a Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

M. V. Kolmogorov — Senior Specialist at the Department of Civil Law and Procedure; 44a Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 10.08.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 10.08.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья

УДК 343.2

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-324-331

Источники доказательственной информации, подлежащие изучению при расследовании дорожно-транспортных преступлений с участием маршрутных транспортных средств

Ольга Борисовна Дронова¹, Вера Игоревна Тарасова²✉

¹ Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

² Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия

¹ dronovao1@rambler.ru

² tarasovav39@mail.ru ✉

Аннотация. Авторами рассмотрены источники доказательственной информации, позволяющие сформировать полноценное представление о механизме совершения дорожно-транспортных преступлений в процессе перевозок пассажиров автобусами. В статье сделан акцент на необходимости оперирования субъектами расследования правовыми и техническими аспектами организации пассажирских перевозок, предписания которых подлежат неукоснительному соблюдению и отражению в соответствующей сопроводительной документации транспортных компаний. Особое внимание уделено доказательственному значению сведений, полученных по результатам изучения показаний участников уголовного судопроизводства, а также вещественных доказательств (предметов и документов). Указано на возможность создания на основе совокупности сведений, полученных из различных источников информации, модели совершения дорожно-транспортного преступления, включающей в себя как элементы организации транспортных перевозок конкретной компании, так и механизм противоправного деяния.

Ключевые слова: пассажирские перевозки, автобусы, доказательства, расследование, дорожно-транспортные преступления

Для цитирования: Дронова О. Б., Тарасова В. И. Источники доказательственной информации, подлежащие изучению при расследовании дорожно-транспортных преступлений с участием маршрутных транспортных средств // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 324–331. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-324-331>

Original article

Sources of evidentiary information to be studied in the investigation of road traffic crimes involving route vehicles

Olga B. Dronova¹, Vera I. Tarasova²✉

¹ Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

² Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russia

¹ dronovao1@rambler.ru

² tarasovav39@mail.ru ✉

© Дронова О. Б., Тарасова В. И., 2022

Abstract. The authors consider the sources of evidentiary information that allow us to form a full-fledged idea of the mechanism of committing traffic crimes in the process of transporting passengers by buses. The article focuses on the need for the subjects of the investigation to operate on the legal and technical aspects of the organization of passenger transportation, the regulations of which are subject to strict compliance and reflected in the relevant accompanying documentation of transport companies. Special attention is paid to the evidentiary value of information obtained from the results of studying the testimony of participants in criminal proceedings, as well as physical evidence (objects and documents). The possibility of creating, on the basis of a set of information obtained from various sources of information, a model of committing a traffic crime, including both elements of the organization of transportation of a particular company, and the direct mechanism of illegal act.

Keywords: passenger transportation, buses, evidence, investigation, traffic crimes

For citation: Dronova O. B., Tarasova V. I. Sources of evidentiary information to be studied in the investigation of road traffic crimes involving route vehicles. *Sociology and Law. 2022; 14(3):324-331.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-324-331>

Введение

Социальная значимость пассажирских перевозок предусматривает необходимость государственного регулирования и контроля различных аспектов данной сферы деятельности силами отраслевых министерств и ведомств. Однако следует констатировать, что ситуация в сфере безопасности дорожного движения при оказании услуг организациями, осуществляющими маршрутные перевозки, по-прежнему требует пристального внимания.

В 2021 г. из-за нарушений правил дорожного движения и эксплуатации маршрутных транспортных средств водителями автобусов совершено 3 463 дорожно-транспортных преступления, в которых погибли 166 и ранены 5 325 человек [1, с. 16]. Данная статистика предопределяет потребность в совершенствовании существующих методик расследования таких преступлений с учетом особенностей эксплуатации маршрутных транспортных средств и предъявляемых к ним требований безопасности, а также значимости новых видов электронной следовой информации, формирующейся вследствие применения современных технических средств контроля движения автотранспорта.

Необходимость получения разносторонней информации, направленной на сбор сведений о характере и степени виновности лица, управлявшего маршрутным транспортным средством, при расследовании преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), предполагает планирование и производство различных процессуальных действий. Они должны быть осуществлены с учетом знаний субъектами расследования специфики организации пассажирских перевозок. К их числу могут быть отнесены следующие особенности.

Во-первых, вследствие предоставления перевозчиком транспортных услуг значительному количеству пассажиров к общественному транспорту как к участнику дорожного движения предъявляют повышенные требования безопасности. Их перечень закреплен в ст. 20 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», конкретизирован в соответствующих подзаконных нормативных правовых актах и нормативно-технической документации. Данное обстоятельство предусматривает подробное сопоставление субъектом расследования значительного объема разрешительной и сопроводительной документации транспортной компании с действующими регламентами.

Во-вторых, для оказания транспортных услуг используются различные классы и категории транспортных средств, выбор которых зависит от назначения маршрута, субъектов перевозки и необходимого количества посадочных мест. С учетом конструктивных характеристик транспортных средств в процессе расследования должны быть установлены технические параметры и особенности эксплуатации транспортного средства в момент совершения аварии.

В-третьих, автобусы осуществляют движение по определенным маршрутам (регулярным, заказным) и имеют ряд преимуществ, предусмотренных Правилами дорожного движения РФ. В этой связи при установлении обстоятельств совершения дорожно-транспортного преступления (ДТП) требуется оценивать действия всех участников дорожного движения с указанием конкретных видов нарушений вышеуказанных правил.

Теория

Сложность установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании дорожно-транспортных преступлений с участием маршрутных транспортных средств, состоит в необходимости оперирования обширным перечнем законодательной базы, регламентирующей организацию и осуществление транспортной деятельности. Следует отметить, что при изучении вопросов транспортной безопасности в странах ближнего и дальнего зарубежья наблюдается аналогичная ситуация, связанная с многообразием нормативных правовых актов, регламентирующих данную сферу общественных отношений [2, с. 45–46; 3, с. 127].

В течение длительного времени правоприменители указывали на недостаточную эффективность правового регулирования деятельности по оказанию услуг маршрутными транспортными средствами. Однако сегодня ситуация изменилась. По данным ФКУ «Научный центр безопасности дорожного движения МВД России», за последние пять лет приняты основополагающие законодательные и нормативные правовые акты, положения которых регулируют и детализируют организационные и технические аспекты перевозки пассажиров [4]. Нельзя не согласиться с мнением отечественных криминалистов, которые считают необходимым предусмотреть при расследовании ДТП с участием маршрутных транспортных средств самостоятельную криминалистическую методику. Ввиду этого в целях установления всех обстоятельств совершения противоправного деяния субъектам расследования требуется применять комплекс нормативных актов, определяющих правила пассажирских перевозок и особенности эксплуатации автобусов. Указанный подход не только будет способствовать успешному расследованию преступлений, но и носит превентивный характер для недопущения подобных нарушений в дальнейшем [5, с. 34].

Как следует из ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ, доказательства находят в различных источниках, которые определяют специфику содержания доказательств. По мнению Т. А. Моховой, в деятельности по расследованию преступлений против безопасности дорожного движения поиску источников доказательственной и ориентирующей информации отведено особенно важное место [6, с. 183]. Разделяя точку зрения упомянутого исследователя, уточним, что эффективность поиска может быть существенно повышена при наличии знаний у субъектов расследования перечня и содержания норм права, позволяющих выделить наиболее информативные источники доказательств.

Результаты и обсуждение

Анализ правоприменительной практики позволяет заключить, что среди источников доказательств, перечисленных в УПК РФ, по уголовным делам о ДТП с участием маршрутных транспортных средств нуждаются в уточнении и детализации организационно-тактические особенности получения и оценки такие их виды, как показания участников уголовного судопроизводства (обвиняемого, потерпевших, свидетелей, эксперта, специалиста), а также вещественные доказательства (предметы и документы), в том числе полученные с помощью технических средств, фиксирующих нарушения в автоматическом режиме.

Характерные особенности показаний как источника доказательственной информации по уголовным делам о ДТП с участием маршрутных транспортных средств состоят в том, что следователю требуется осуществить допросы значительного числа лиц, многие из которых находятся в состоянии стресса, госпитализированы в медицинские учреждения, проживают на территории других регионов (не по месту проведения следствия), что существенно осложняет процедуру получения показаний. Кроме того, общие тактические рекомендации проведения допроса будут малоэффективными, если у субъектов расследования отсутствует полноценное понимание сущности организации и осуществления транспортной деятельности, а также разграничения ответственности между должностными лицами, вовлеченными в процесс эксплуатации автобусов. К числу лиц, чьи показания по уголовным делам о ДТП с участием маршрутных транспортных средств наиболее информативны и требуют применения специальных рекомендаций, относятся:

— обвиняемый, то есть водитель автобуса, который, как правило, должен быть допрошен в максимально короткий срок после совершения ДТП. При этом субъект расследования должен учитывать, что в целях уменьшения степени вины водители по истечении определенного времени могут давать показания, не соответствующие действительности. Так, по одному из изученных уголовных дел при пересечении перекрестка на запрещающий сигнал светофора водитель автобуса МАЗ допустил столкновение с автобусом ПАЗ, в результате которого пассажир З. получила тяжкие телесные повреждения. По дороге в медицинское учреждение от полученных травм пострадавшая скончалась. В своем объяснении изначально водитель автобуса пояснил, что не помнит, на какой сигнал осуществлял движение. Однако при получении сведений о смерти пассажира З. он стал утверждать, что двигался на зеленый свет [7]. В ходе допроса выясняются сведения о добросовестности исполнения обязательств по обеспечению безопасности дорожного движения на транспортном предприятии, а также фактическом самочувствии водителя, техническом состоянии автобуса, наличии и количестве пассажиров в салоне, иных участников дорожного движения и их действиях. Учитывая тенденцию оказания услуг по перевозке пассажиров лицами, относящимися к категории трудовых мигрантов, для получения показаний может потребоваться помощь переводчика;

— потерпевшие — это водители других транспортных средств, пассажиры и пешеходы, количество которых по одному уголовному делу может достигать нескольких десятков человек. Следует иметь в виду, что потерпевшими могут стать несовершеннолетние, иностранные граждане, другие категории лиц, в отношении которых соблюдается особый порядок проведения допроса. Примером служит уголовное дело, согласно которому водитель автобуса, осуществляя перевозку детей на отчетный концерт, следуя по скоростной федеральной трассе, при перестроении в соседний ряд применил резкое торможение, после чего допустил столкновение с транспортным средством, следовавшим в попутном направлении.

Далее произошло опрокидывание автобуса, в результате которого 18 детей получили телесные повреждения, двое погибли. В рамках расследования преступления допрошены 20 потерпевших, 17 свидетелей, в том числе несовершеннолетние воспитанники музыкальной школы [8];

— свидетели, то есть очевидцы совершенного преступления — это категория участников уголовного процесса, которая может добросовестно заблуждаться относительно обстоятельств совершения ДТП, а в ряде случаев намеренно скрывать правду, желая оказать помощь обвиняемому. Полученные показания нередко носят противоречивый характер. В связи с этим они должны подвергаться тщательной проверке с учетом обстоятельств, при которых они воспринимали механизм совершения преступления.

Приведем пример из практики. Водитель автобуса, двигаясь с разрешенной скоростью 50 км/ч, допустил опрокидывание технически исправного транспортного средства, в результате которого пассажир Х. получила тяжкие телесные повреждения. При изучении показаний пассажиров, находившихся в момент ДТП в салоне, установлено, что они ни хлопков, ни взрывов, ни скрежета перед опрокидыванием автобуса не слышали. Для проверки следственной версии о том, что водитель не справился с управлением ввиду неблагоприятных погодных условий, пассажиры допрашивались о дорожной обстановке. Из показаний свидетеля № 1 следует, что в момент совершения ДТП были гололед, небольшие осадки в виде дождя; свидетель № 2 пояснила, что осадков не было, дул сильный ветер; свидетель № 3 утверждала, что падал снег, дорожное покрытие было мокрым. Полученные показания пассажиров не совпадали между собой. В связи с этим следователем направлен запрос в Гидрометцентр. Согласно полученным данным, а также показаниям сотрудников МЧС, участвовавших в ликвидации последствий аварии, фактически в некоторых местах наблюдались небольшие участки льда, покрытие было скользким и мокрым, дул сильный боковой ветер. На основании изложенного выдвинутая следственная версия получила подтверждение [9];

— свидетель — индивидуальный предприниматель либо руководитель юридического лица, оказывающего услуги по перевозке пассажиров, — допрашивается по вопросам организации транспортной деятельности, о личности и деловых качествах водителя, характере заключенных с ним трудовых отношений, наличии технических средств контроля за соблюдением скоростного режима, а также о регламенте труда и отдыха, состоянии и количестве эксплуатируемых транспортных средств;

— свидетель — лицо, ответственное за транспортную безопасность — должно детально изложить данные о техническом состоянии автобусов, всех видах проведенных ремонтных работ, прохождении водителем стажировок, инструктажей, соответствии замещаемой должности и т. д.;

— свидетели — эксперт (специалист), согласно изученной судебно-следственной практике, дает показания по вопросам проведенных по уголовному делу автотехнических, медицинских и иных видов исследований, поясняет содержание информации, полученной с помощью спутниковой системы навигации ГЛОНАСС, тахографов и т. д.

Следователь должен корректировать предмет допроса с учетом роли каждого из причастных к процессу эксплуатации автобусов, используя тактические приемы получения вербальной информации. Собранные сведения должны быть сопоставлены с иными видами доказательств, а также интегрированы в процесс моделирования обстоятельств совершения ДТП. Кроме того, такие сведения должны найти подтверждение в материально-фиксированной следовой информации, в том числе отраженной в предметах и документах, полученных при проведении осмотра места происшествия и иных следственных действий.

К предметам по преступлениям о ДТП с участием маршрутных транспортных средств, обладающим признаками вещественных доказательств, относятся:

— транспортное средство (автобус) — осматривается техническое состояние, а также соответствие комплектации салона требованиям безопасности. При описании в протоколах следственных действий используется специальная терминология, отражающая особенности конструкции кузова, несвойственные иным видам автотранспортных средств, фиксируются все повреждения, имеющиеся на внешнем корпусе автобуса и внутри салона;

— технические средства контроля, а также оборудование к ним (видеорегистраторы, карты памяти, тахографы и карты; диски *CD/DVD-R* и т. д.). Во избежание необходимости проведения дополнительного осмотра транспортного средства, в целях обеспечения последующего назначения и производства видеотехнической экспертизы средства видеозаписи и носители информации должны быть осмотрены и изъяты в ходе первичного осмотра места происшествия. Следует помнить о том, что при осмотре приемника ГЛОНАСС необходимо произвести подробное описание места его установки, а также зафиксировать технические характеристики устройства. Непосредственная расшифровка информации, находящейся на сервере мониторингового центра, впоследствии будет произведена специалистом. Осмотр тахографа предусматривает изучение целостности пломб, описание его технических характеристик, получение сведений о режиме труда и отдыха водителя в виде распечатки чека на специальной термобумаге;

— традиционные виды предметной следовой криминалистической информации, в частности отделившиеся части, детали и механизмы, осколки светосигнальной арматуры, осыпи остекления и другие объекты, должны быть тщательно зафиксированы, подвергнуты предварительному исследованию и изъяты для производства последующих следственных действий.

Наряду с предметной следовой информацией изучению подлежат и комплекты документации, сопровождающей осуществление деятельности по оказанию транспортных услуг. По результатам изучения документов, изъятых в процессе осмотров, обысков, выемок может быть получен значительный объем ориентирующей и доказательственной информации. Рассматриваемые источники содержат юридические факты, имеющие важное значение для установления истины (например, документы закрепляют права и обязанности ответственных должностных лиц, подтверждают допущенные факты нарушений, эксплуатации автобусов и т. д.).

В соответствии с изученной практикой расследования данных уголовных дел перечень основных документов, сопровождающих организацию пассажирских перевозок, подразделяется на следующие виды:

— по назначению: общие и специальные (относящиеся к процессу дорожного движения в целом — водительское удостоверение, свидетельство о регистрации транспортного средства; характерные исключительно для оказания услуг по перевозке пассажиров — трудовой договор с водителем, лицензия на осуществление рассматриваемого вида деятельности);

— по субъекту формирования: формируемые субъектом транспортной деятельности (путевой лист, приказ о назначении водителя на должность) либо иной государственной (негосударственной) структурой (справка ГЛОНАСС, паспорт маршрута);

— по форме ведения: представленные в виде журналов, книг, бланков, справок и т. д.;

— по способу изготовления: на обычной, специальной термобумаге, бланках установленной формы либо в электронном виде.

Нарастающий темп внедрения цифровых технологий позволяет создавать, заполнять и хранить транспортные документы в электронном виде, что предусматривает необходимость выявления дополнительных источников сведений, подтверждающих (опровергающих) достоверность указанных цифровых данных.

Значимым источником доказательственной информации по делам исследуемой категории выступают показания технических средств, фиксирующих обстоятельства нарушений правил дорожного движения и эксплуатации автобусов в автоматическом режиме, которые формируют:

- фото- и видеотехника (видеорегистраторы, стационарные и передвижные камеры видеонаблюдения, мобильные телефоны, дроны и т. д.);
- технические средства контроля движения (тахографы, приемники ГЛОНАСС, бортовые компьютеры, радары и т. д.).

По результатам изучения данных, полученных с использованием перечисленных технических средств, могут быть установлены признаки внешности лиц, управлявших транспортным средством, скрывшихся с места происшествия, местоположение участников ДТП, абсолютная и относительная скорость движения, техническое состояние автотранспортных средств, оснащенных бортовыми компьютерами (по аналогии «черного ящика» при авиакатастрофах), действия участников на различных стадиях развития механизма ДТП.

Полученные сведения, формируемые техническими устройствами, имеющими высокую степень защиты от несанкционированного доступа, исключают влияние субъективного фактора непосредственных участников ДТП. По указанной причине использование технических устройств в установлении обстоятельств дорожно-транспортных инцидентов уже стало предметом научных исследований в различных областях специальностей (юридических, технических, экономических). Это позволит расширить перечень возможностей в вопросах привлечения лиц к административной и уголовной ответственности, а также при профилактике нарушений в области безопасности дорожного движения.

Выводы

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что формирование полноценного представления о механизме совершения ДТП с участием маршрутных транспортных средств предусматривает изучение источников доказательственной информации, характеризующих исполнение перевозчиком обязательств по вопросам обеспечения безопасности дорожного движения в соответствии со ст. 20 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», а также временные, территориальные аспекты события преступления; действия участников ДТП; условия окружающей среды, обстановки и иные значимые для расследования преступления факты.

Сопоставление документальной и технической информации, полученной из различных источников, дает возможность осуществить моделирование механизма противоправного деяния с установлением прямых и косвенных причин, способствовавших наступлению негативных последствий.

Список источников

1. Ермаганбетов А. С. Анализ состояния аварийности с участием автобусов за 2021 год // Безопасность дорожного движения. 2022. № 1. С. 11–20.
2. Faisal A., Kamruzzaman M., Yigitcanlar T., Currie G. Understanding autonomous vehicles // Journal of Transport and Land Use. 2019. Vol. 12. No. 1. P. 45–72.

3. *Kenneth S. Abraham, Robert L. Rabin* Automated vehicles and manufacturer responsibility for accidents // *Virginia Law Review*. 2019. Vol. 105. No. 1. P. 127–171.
4. *Капустин А. В., Князев В. С.* Совершенствование нормативно-правовой базы в целях повышения безопасности дорожного движения при перевозках пассажиров автомобильным транспортом // *Безопасность дорожного движения: сборник научных трудов № 19*. М: НИЦ БДД МВД России, 2020. 240 с.
5. *Ващенко Б. М.* Особенности расследования преступлений в сфере нарушений безопасности междугородных пассажирских автоперевозок: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2016. 226 с.
6. *Моховая Т. А.* Методика расследования преступлений против безопасности дорожного движения: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 223 с.
7. Уголовное дело № 20162930066. Расследовано следственным управлением УМВД России по г. Белгороду.
8. Уголовное дело № 109123000204. Расследовано главным следственным управлением ГУ МВД России по Ставропольскому краю.
9. Уголовное дело № 13600158. Расследовано следственным отделением ОМВД России по Щербиновскому району Краснодарского края.

Информация об авторах

О. Б. Дронова — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности; 400089, Волгоград, Историческая ул., д. 130;

В. И. Тарасова — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки; 236006, Калининград, Генерала Галицкого ул., д. 30.

Information about the authors

O. B. Dronova — Doctor of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Forensic Techniques of the Educational and Scientific Complex of Forensic Activities; 130 Istoricheskaya str., Volgograd 400089, Russia;

V. I. Tarasova — PhD in Law, Lecturer at the Department of Tactical-Special, Fire and Physical Training; 30 General Galitsky str., Kaliningrad 236006, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 10.08.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 10.06.2022; approved after reviewing 10.08.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья

УДК 336.14

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-332-338

Предоставление субсидии из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации — государственная услуга?

Антон Олегович Зернов¹, Елена Владимировна Воскресенская²✉

¹ Санкт-Петербургский центр правового обеспечения, Санкт-Петербург, Россия, anton.zernov@bk.ru

² Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия, elenvoskr@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2995-7001>

Аннотация. В настоящее время в отечественной правоприменительной практике сложился двойственный подход относительно возможности отнесения такой государственной функции, как предоставление субсидии из федерального или регионального бюджета бюджетной системы, к государственным услугам. В статье с точки зрения теории права данная коллизия, связанная с проблемой адекватного определения критерия классификации юридических норм — предмета правового регулирования, подвергается критическому анализу.

Ключевые слова: бюджетная система, государственная служба, государственная услуга, субсидия, цифровизация

Для цитирования: Зернов А. О., Воскресенская Е. В. Предоставление субсидии из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации — государственная услуга? // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 332–338. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-332-338>

Original article

Provision of subsidies from the budgets of the budgetary system of the Russian Federation — a public service?

Anton O. Zernov¹, Elena V. Voskresenskaya²✉

¹ St. Petersburg Center for Legal Support, St. Petersburg, Russia, anton.zernov@bk.ru

² St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia, elenvoskr@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2995-7001>

Abstract. Currently, there is a dual approach in domestic law enforcement practice regarding the possibility of attributing such a state function as the provision of subsidies from the relevant budget of the budgetary system to public services. In the article, from the point of view of the theory of law, this conflict, directly related to the problem of adequate definition of the criterion of classification of legal norms — the subject of legal regulation, is subjected to critical analysis.

Keywords: budget system, public service, public service, subsidy, digitalization

For citation: Zernov A. O, Voskresenskaya E. V. Provision of subsidies from the budgets of the budgetary system of the Russian Federation — a public service? *Sociology and Law*. 2022;14(3):332-338. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-332-338>

© Зернов А. О., Воскресенская Е. В., 2022

Введение

Порывисто-прорывная прогрессивная динамика разнообразных информационных технологий, пестрота и волнообразность интеграционно-глобализационных процессов, обусловленные, в частности, пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19, региональными и глобальными политико-экономическими и политико-религиозными конфликтами, и, как следствие, качественно-конкретные изменения мирового полотна, а также актуализация глобальных проблем человечества во втором и третьем десятилетиях XXI в. обусловили пассионарное стремление по-новому проанализировать динамику государственно-правовых явлений. Тем более что для объективно-стремительного адекватно-направленного прогрессивного развития государства, общества и человека необходимо качественное, передовое (в широком смысле этого слова) изменение механизма правового регулирования.

В условиях беспрецедентного давления на Российскую Федерацию (РФ), в первую очередь в экономической сфере общественной жизни, пассионарно актуализируется вопрос активно-динамичного участия государства в социально-экономической жизни граждан и организаций, то есть вопрос об оказании необходимых мер поддержки, которые должны иметь адресный характер, а также предоставляться в наиболее приемлемом формате. Особенно очевидной мерой поддержки, естественно, является субсидия, а форматом — государственная услуга.

Вместе с тем возникает вопрос о том, с точки зрения бюджетного законодательства РФ следует ли субсидию как правовую категорию считать государственной услугой? Если да (нет), то почему такой относительно универсальный механизм, как государственная услуга, применим (не применим)?

Итак, цель исследования — определить, является ли предоставление субсидий государственной услугой или нет. К задачам исследования относятся определение теоретико-правовых основ предоставления субсидий и государственных услуг, анализ этих основ через призму конкретной меры поддержки.

Материалы и методы

В контексте исследования целесообразно воспользоваться полифонией методов научного познания, то есть всеобщим диалектическим методом, общенаучными методами, частнонаучными и специальными методами научного познания. Основные нормативные правовые акты, регулирующие отношения по предоставлению государственных услуг и субсидий, послужили эмпирическим материалом проведенного исследования.

Результаты

Авторы обосновали в соответствии с положениями Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее — Федеральный закон № 210-ФЗ) и бюджетного законодательства России положение о том, что предоставление субсидий в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации (далее — БК РФ) не является государственной услугой.

Обсуждение

Согласно письму Министерства финансов РФ от 22 апреля 2016 г. № 02-01-06/25051 субсидирование из бюджета субъекта РФ заемщикам не является государственной (муниципальной) услугой в соответствии с правовой дефиницией государственной (муниципальной) услуги [1]. Вместе с тем в соответствии с письмом Министерства экономического развития РФ от 19 сентября 2019 г. № Д09и-32217 с учетом нормативных правовых актов субъектов РФ, закрепляющих механизм предоставления субсидий и грантов, деятельность, осуществляемая органами власти по их предоставлению на основании запросов физических и (или) юридических лиц, может быть квалифицирована в качестве государственной услуги [2].

Следовательно, на федеральном уровне, между позициями федеральных органов исполнительной власти, существует противоречие в понимании механизма предоставления субсидий посредством государственных услуг. Представляется целесообразным рассмотреть данную коллизию в связи с тем, что противоречивость позиций федеральных органов государственной власти порождает трудности в правоприменительной практике, в том числе на региональном уровне [3, с. 488]. В целях определения допустимости отнесения процедуры предоставления субсидий к государственным услугам рассмотрим соответствующий механизм на примере Санкт-Петербурга.

Итак, постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 23 июня 2014 г. № 497 (далее — Постановление № 497) утверждена подпрограмма «Поддержка ведения жителями Санкт-Петербурга садоводства и огородничества для собственных нужд государственной программы Санкт-Петербурга «Социальная поддержка граждан в Санкт-Петербурге» (далее — Подпрограмма).

Механизмом реализации процессной части Подпрограммы предусмотрено, что:

— субсидии, указанные в пунктах 2.1, 3.1 и 4.1 перечня мероприятий, могут предоставляться на основе отбора в форме запроса предложений садоводческих некоммерческих товариществ в целях возмещения не более 50 процентов общей суммы сметных затрат на реализацию соответствующих проектов на основании утверждаемого Правительством Санкт-Петербурга порядка предоставления субсидий;

— субсидии, указанные в п. 7.1 перечня мероприятий, предоставляются на основе отбора в форме запроса предложений садоводческим некоммерческим товариществам в целях возмещения 100 процентов общей суммы сметных затрат на реализацию соответствующих проектов в соответствии с порядком, ежегодно утверждаемым Правительством Санкт-Петербурга;

— субсидии, указанные в п. 8.1 перечня мероприятий, предоставляются на основании отбора в форме запроса предложений садоводческим некоммерческим товариществам в целях возмещения 100 процентов общей суммы сметных затрат на реализацию соответствующих проектов в соответствии с порядком предоставления субсидий, утверждаемым постановлением Правительства Санкт-Петербурга [4].

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» государственная услуга, предоставляемая федеральным органом исполнительной власти, органом государственного внебюджетного фонда, исполнительным органом государственной власти субъекта РФ, а также органом местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов РФ — деятельность по реализации

функций соответственно федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов РФ, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами РФ и нормативными правовыми актами субъектов РФ полномочий органов, предоставляющих государственные услуги [5]. Абзацем вторым п. 2 ст. 78.1 БК РФ установлено, что в законе субъекта РФ о бюджете субъекта РФ могут быть предусмотрены субсидии иным некоммерческим организациям, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями [6].

Согласно абзацу третьему п. 2 ст. 78.1 БК РФ порядок определения объема и предоставления соответствующих субсидий из бюджета субъекта РФ, в том числе результаты предоставления, устанавливается нормативным правовым актом высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ или уполномоченных органов государственной власти субъекта РФ. Нормативный акт субъекта РФ по предоставлению субсидий должен соответствовать требованиям, установленным Правительством РФ, и включать в себя порядок осуществления в отношении получателей субсидий и лиц, указанных в п. 3 ст. 78.1 БК РФ, проверочных мероприятий со стороны главного распорядителя бюджетных средств и органов государственного финансового контроля с особым вниманием к достижению результатов их предоставления в соответствии со ст. 268.1 и 269.2 БК РФ [6].

В развитие положений абзаца третьего п. 2 ст. 78.1 БК РФ постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. № 1492 приняты Общие требования к нормативным правовым актам, муниципальным правовым актам, регулирующим предоставление субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам — производителям товаров, работ, услуг (далее — Общие требования). В п. 1 Общих требований определены требования к нормативным правовым актам, связанным с предоставлением субсидий из соответствующего бюджета бюджетной системы РФ, в том числе в соответствии с п. 2 и 4 ст. 78.1 БК РФ [7].

Итак, нормативные правовые акты, на основании которых предоставляют субсидии, должны отвечать конкретным требованиям, в том числе таким требованиям, как целевой характер, предусматривать механизм контроля в отношении порядка и условий предоставления субсидий в соответствии с положениями БК РФ и Общих требований. В то же время ст. 12 и 14 Федерального закона № 210-ФЗ, а также принятый в развитие соответствующих положений Порядок разработки и утверждения исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга административных регламентов предоставления государственных услуг и административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора), утвержденный постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 25 июля 2011 г. № 1037 (далее — Порядок) определяют исчерпывающие требования, предъявляемые к административному регламенту предоставления государственной услуги [5; 8]. Анализ приведенных норм федерального и регионального законодательства в системном единстве позволяют констатировать, что требования, предъявляемые к нормативным правовым актам, определяющим порядок предоставления субсидий, и требования, предъявляемые к административным регламентам, не могут быть выполнены в одном нормативном правовом акте, поскольку являются взаимоисключающими по порядку действия и содержанию в соответствующей части.

Кроме того, ст. 69 БК РФ предусмотрено, что представление государственных услуг и предоставление субсидий выступают разновидностями бюджетных ассигнований, то есть различными видами расходов соответствующего бюджета [6]. Согласно ст. 69.1 БК РФ бюджетные ассигнования на предоставление государственных услуг включают в себя, в том числе:

— предоставление субсидий бюджетным и автономным учреждениям, включая субсидии на финансовое обеспечение выполнения ими государственного (муниципального) задания;

— предоставление субсидий некоммерческим организациям, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями, в том числе в соответствии с договорами (соглашениями) на оказание указанными организациями государственных (муниципальных) услуг (выполнение работ) физическим и (или) юридическим лицам;

— предоставление субсидий юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам — производителям товаров, работ, услуг в целях финансового обеспечения исполнения государственного (муниципального) социального заказа на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере [6]. Следовательно, бюджетные ассигнования в форме субсидий могут быть направлены только на организацию механизма предоставления государственных услуг уполномоченными субъектами.

Кроме того, Подпрограммой предусмотрено, что субсидии, указанные в п. 7.1 перечня мероприятий, предоставляются на основе отбора в форме запроса предложений садоводческим некоммерческим товариществам в целях возмещения 100 процентов общей суммы сметных затрат на реализацию соответствующих проектов в соответствии с порядком, ежегодно утверждаемым Правительством Санкт-Петербурга [4]. Нельзя не обратить внимание на то, что в соответствии с п. 3.3 Постановления № 497 исполнительным органам государственной власти Санкт-Петербурга, являющимся исполнителями мероприятий, в том числе Подпрограммы, необходимо в порядке и в сроки составления проекта бюджета Санкт-Петербурга представлять в Комитет финансов Санкт-Петербурга предложения по выделению из бюджета Санкт-Петербурга бюджетных ассигнований, необходимых для реализации мероприятий государственной программы [4; 9, с. 99]. Таким образом, Постановлением № 497 в целом и Подпрограммой в частности установлено фактическое принятие нормативных правовых актов, определяющих порядок предоставления соответствующих субсидий, ежегодно. Следовательно, сфера действия соответствующих правовых актов ограничена во времени.

Вместе с тем процедура принятия и структура административного регламента, установленные Федеральным законом № 210-ФЗ и Порядком, определяют его неограниченную во времени сферу действия. Соответственно, предоставление субсидии в значении, предусмотренном БК РФ, не является государственной услугой, поскольку:

— согласно п. 1 ст. 12 Федерального закона № 210-ФЗ предоставление государственных услуг осуществляется в соответствии с административными регламентами, к которым, в свою очередь, предъявляются требования, установленные Федеральным законом № 210-ФЗ и Порядком, не предусматривающие включение положений, обязательных для нормативных правовых актов, регулирующих порядок предоставления субсидий в соответствии со ст. 78.1 БК РФ;

— предоставление государственных услуг и предоставление субсидий являются самостоятельными видами расходных обязательств соответствующего бюджета.

Выводы

Предоставление субсидий в соответствии с бюджетным законодательством РФ не является государственной услугой, а относится к самостоятельным видам расходных обязательств соответствующего бюджета. Механизм принятия решения о предоставлении субсидий предусматривает такой элемент, как осуществление контрольно-надзорных мероприятий со стороны органа, предоставляющего субсидию. В то же время орган, предоставляющий государственную услугу, в том числе о предоставлении денежных средств, в рамках механизма оказания государственной услуги не осуществляет контроль за использованием получателем государственной услуги ее результата. Становится очевидным, что сущностная природа названных правовых институтов различна, поскольку предоставление субсидии в соответствии с бюджетным законодательством имеет более императивно-регулятивный характер правового регулирования.

Список источников

1. Об особенностях предоставления субсидий из бюджета субъекта РФ: письмо Минфина России от 22 апреля 2016 г. № 02-01-06/25051 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71315650/> (дата обращения: 20.08.2022).
2. Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 19 сентября 2019 г. № Д09и-32217 // Минэкономразвития России. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/> (дата обращения: 20.08.2022).
3. *Зернов А. О., Снетков В. Н.* Право и основные критерии классификации юридических норм // Неделя науки СПбПУ: материалы науч. конф. с междунар. участием, лучшие доклады, Санкт-Петербург, 18–23 ноября 2019 г. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2019. С. 485–489.
4. О государственной программе Санкт-Петербурга «Социальная поддержка граждан в Санкт-Петербурге»: постановление Правительства Санкт-Петербурга от 23 июня 2014 г. № 497 // Администрация Санкт-Петербурга: офиц. сайт. URL: <http://www.gov.spb.ru> (дата обращения: 20.08.2022).
5. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
6. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
7. Об общих требованиях к нормативным правовым актам, муниципальным правовым актам, регулирующим предоставление субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам — производителям товаров, работ, услуг, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. № 1492 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 39. Ст. 6069.
8. О Порядке разработки и утверждения исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга административных регламентов предоставления государственных услуг и административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора): постановление Правительства Санкт-Петербурга от 25 июля 2011 г. № 1037 // Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга. 2011. 15 августа.
9. *Воскресенская Е. В., Рукавицын С. А.* Осуществление Конституционным Судом Российской Федерации защиты прав и свобод человека // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение: сборник науч. трудов III Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 31 марта 2017 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2017. С. 98–102.

Информация об авторах

А. О. Зернов — юрисконсульт Отдела ведения реестра НПА; 191025, Санкт-Петербург, Владимирский пр., д. 10Н;

Е. В. Воскресенская — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

A. O. Zernov — legal adviser; 10N Vladimirskiy Ave., St. Petersburg 191025, Russia

E. V. Voskresenskaya — Doctor of Law, Associate Professor, Professor at Department of Constitutional and International Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 22.08.2022; approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-339-345

К вопросу об иерархии отечественной системы формально-юридических источников права

Алексей Викторович Семенов

Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, Санкт-Петербург, Россия, semrta@mail.ru

Аннотация. В статье речь идет о том, что в современной системе отечественного права актуальна проблема системности и места формально-юридических источников права, особенно с неопределенной *a priori* юридической силой. В этой связи в области правоприменения возникает вопрос об отсутствии единого подхода к иерархии источников права, в частности при разрешении коллизий форм их закрепления. Основное внимание автора статьи сосредоточено на определении места международного права в системе источников отечественного права. Утверждается, что проблема системности источников права является одной из важнейших в правовой теории. Вопросы системно-структурной взаимосвязи норм диктуют тот или иной подход при вынесении правоприменительных решений, которые, в свою очередь, должны быть основаны на неукоснительном и точном соответствии требованиям правовых норм. Сделан вывод о том, что для разрешения проблемы иерархичности источников права необходимо обращаться не только к формально-юридическому подходу, но и выходить на теоретико-правовой уровень; следует установить место международного права в системе источников отечественного права.

Ключевые слова: источник права, иерархия источников права, международный договор, примат отечественного права, Конституция РФ, Конституционный Суд РФ

Для цитирования: Семенов А. В. К вопросу об иерархии отечественной системы формально-юридических источников права // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 339–345. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-339-345>

Original article

Revisiting the hierarchy of the national system of legalistic sources of law

Alexey V. Semenov

Russian Customs Academy St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov, St. Petersburg, Russia, semrta@mail.ru

Abstract. The problem of consistency and place of legalistic sources of law, especially the ones having an indefinite a priori legal force, is highly relevant in the modern national law system. In the field of law enforcement, in this regard, there is a topical question of the lack of a unified approach to the hierarchy of sources of law, in particular when resolving conflicts of forms of their consolidation. The main attention in the article is paid to determining the place of international law in the system of national law sources. The problem of sources of law consistency is one of the most important in legal theory. Issues of the systematic and structural relationship of legal provisions require this or that approach when making law enforcement decisions, which, in turn, must be based precisely on strict and full compliance with the legal provisions. To resolve the legal problem of the sources of law hierarchy,

it is necessary to refer not only to the legalistic approach, but as well to the theoretical and legal level. Thus, it seems quite certain to be able to establish the place of international law in the system of the sources of national law.

Keywords: source of law, hierarchy of sources of law, international treaty, primacy of national law, Constitution, Constitutional Court

For citation: Semenov A. V. Revisiting the hierarchy of the national system of legalistic sources of law. *Sociology and Law*. 2022;14(3):339-345. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-339-345>

Введение

В последние тридцать лет трансформация экономической, политической, общественной жизни России и изменение ее роли на общемировой арене стимулируют отечественное гражданское общество на поиск и осознание места России в мире [1]. Переосмысление в отечественной правовой доктрине места и статуса страны есть острая общественная проблема сегодня.

В российском обществе происходит стремительная переоценка важности обеспечения суверенитета государства во всех его проявлениях [2]. Подтверждением и одновременно отражением народной позиции выступают слова Президента Российской Федерации (РФ), произнесенные в послании к Федеральному Собранию: «Россия может быть и оставаться Россией только как суверенное государство. Суверенитет нашего народа должен быть безусловным. Мы многое сделали для этого: восстановили единство страны, покончили с ситуацией, когда некоторые государственные властные функции были узурпированы фактически олигархическими кланами» [3]. Суверенитет как комплексное понятие может быть реализован только через эффективную и слаженную работу общественных институтов и институтов государственного управления. Правовая система в этом ряду занимает едва ли не первое место. Таким образом, общественное осознание и принятие необходимости обеспечения суверенитета диктует особые требования к отечественной правовой системе.

Закрепленное в ст. 15 Конституции РФ место международного права в отечественной правовой системе, а также приоритет международных договоров над внутриотечественными принципами и нормами права представляется не только слабо продуманным с правовых позиций, но и прямо противоречащим задачам укрепления государственного суверенитета и защиты интересов отечественного бизнеса на мировой арене. Это подтверждается, в частности, незаконно введенными весной 2022 г. рядом западных стран рестрикциями против России. Указанное правовое положение дополнительно закреплено целой архитектурой поддерживающих законов и подзаконных актов: Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101 «О международных договорах Российской Федерации», постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» и др.

Сегодня становится очевидным, что применение международных договоров в России не должно происходить автоматически. Это положение основано на следующих правовых тезисах. Во-первых, существует ряд нормативных актов международного уровня, ратифицированных Россией, и в этом случае официальное их опубликование, по общему правилу, придает таким договорам юридический статус Федерального закона. Во-вторых, международные правовые акты представляют собой неоднородную нормативную правовую массу. В частности, в одних случаях речь может идти о межгосударственных соглашениях, в других — о меж-

правительственных договорах, в-третьих — о межведомственных соглашениях. Становится понятным, что данные международные нормативные акты даже между собой не могут быть уравнены по своей правовой силе, а должны приравниваться к правовой силе соответствующих нормативных актов, принятых на аналогичном уровне в российской системе права, и должны занимать место, соответствующее принятой в отечественной правовой системе иерархии нормативного материала.

В отечественной правовой доктрине существует мнение авторов, которые полагают, что «международный договор занимает планку на ряд выше нормативных правовых актов органа, которым данный международный договор был заложен в систему источников конституционного права» [4]. Доказать это утверждение можно, опираясь в первую очередь на два документа: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (в редакции от 5 марта 2013 г.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

Таким образом, логичным представляется вывод о том, что международные источники права могут быть встроены в отечественную правовую систему только с позиций правовой целесообразности укрепления правового суверенитета страны и укрепления ее правовых позиций на мировой арене. Встраивание международных норм в отечественную систему права должно быть основано на внутренней логике ее построения, так как обязательность применения международных договоров и норм в разных правовых случаях базируется на различии их правового статуса и уровня.

Материалы и методы

В основе наших размышлений — утверждение о том, что конституционное право есть системообразующая отрасль национальной системы права, а предмет конституционного регулирования имеет тенденцию к расширению на различные институты гражданского общества, политической, социальной и экономической жизни страны [5]. Внимание главным образом сосредоточено на таком объекте конституционно-правового регулирования блока общественных отношений, как организация государства и функционирование публичной власти.

Посредством правового осмысления места международных норм в системе отечественного права оценивается эффективность институтов федерального регулирования статуса и функционирования различных властных институтов и органов государственного управления. К анализу предлагаются как непосредственно конституционные нормы, закрепленные в действующей редакции Конституции РФ, так и установленные иными правовыми актами процессуальные нормы и общеобязательные правила, обеспеченные государственным принуждением. В качестве источников отечественного права, содержащих нормы международного частного права, нами рассмотрены Кодекс торгового мореплавания РФ (глава XXVI «Применимое право»), Гражданский кодекс РФ (в том числе раздел VI «Международное частное право», п. 1 ст. 1186), Гражданский процессуальный кодекс РФ (ч. 5 ст. 11), Семейный кодекс РФ (раздел VII «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства»), Арбитражный процессуальный кодекс РФ (ч. 5 ст. 13) и некоторые другие.

Результаты

В 2020 г. Основной Закон страны претерпел ряд изменений. Изначально было задумано, что именно новая редакция обеспечит приоритет Конституции РФ в поле отечественного права. Об этом говорится и в послании Президента Путина Федеральному Собранию РФ: «Считаю, что пришло время внести в Основной Закон страны некоторые изменения, которые прямо гарантируют приоритет Конституции России в нашем правовом пространстве. Что это означает? Это означает буквально следующее: требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции» [3]. Однако указанный приоритет обеспечить нормативным предписанием не удалось. В настоящее время наблюдается некий дуализм, то есть существование одновременно двух противоположных формулировок. Его наличие «удобряет почву» для правовых инсинуаций, неоднозначного толкования, прецедентов «не заметить», «закрывать глаза» на наличие неудобной правовой нормы. Тем не менее о коллизии, по всей видимости, речь не идет.

Следует отметить, что попытки «легализовать» приоритетность отечественных норм над международным правом предприняты ранее неоднократно. Приведем несколько примеров. Так, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации» (п. 4 ст. 3) Конституционный Суд РФ дал толкование Конституции РФ в своем постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П (п. 2.2). Или еще попытка: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». Казалось бы, Конституционный Суд РФ установил приоритетность отечественного права и место международного договора в практике правоприменения. Вместе с тем и несмотря на то, что в соответствии со ст. 6 упомянутого выше Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1 постановления Конституционного Суда РФ обязательны для всех на территории России, не только для органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений, но и для всех судебных, исполнительных и представительных органов власти, для общественного правосознания и закрепления практики правоприменения этого оказалось недостаточно. Вопрос остался открытым. Потребовалась редакция ст. 79 Конституции РФ с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.

По общему правилу, при коллизии норм считается верной та, которая имеет статус выше. Поэтому Президент РФ, понимая сложность внедрения норм права в практику правоприменения, настаивал на утверждении поправок именно всенародным голосованием с целью уравнивания юридического статуса вновь вносимых поправок и статуса первой, второй и девятой глав Конституции РФ. Таким образом, руководствуясь тем же принципом юридической логики, мы можем сослаться на темпоральную коллизию конституционных норм. И при разночтениях между существующей нормой и нормой, внесенной позднее, при равном юридическом статусе обоих подлежит применению более поздняя норма, даже если она не имеет положений об отмене действия своей предшественницы. В настоящем примере прослеживается в действии принцип правовой логики, сформулированный еще древнеримскими юристами как *“Lex posterior derogat legi priori”*. Можно утверждать, что данный принцип

полностью имплементирован в отечественную правовую систему на основании следующих документов:

- 1) постановления Конституционного Суда РФ от 25 июня 2001 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 27 сентября 2000 года № 1709 “О мерах по совершенствованию управления государственным пенсионным обеспечением в Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»;
- 2) определения Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2002 г. № 321-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Ростовской области о проверке конституционности статьи 10 Федерального закона “О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах”».

Реализация в данном случае принципа приоритетности специальной нормы над общей подтверждается постановлением Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

Обсуждение

Полагаем, что проблема коллизии конституционных норм ст. 79 и п. 4 ст. 15 Конституции РФ не решена, поскольку в общественном правовом сознании еще недостаточно укрепилось понимание примата отечественного права в правовой системе России. В отечественной правовой доктрине глубоко не разработаны правовые положения, подтверждающие актуальность изменения правовой системы в сторону утверждения примата отечественного права; может быть, вследствие этого не накоплено пока достаточного количества прецедентов, закрепляющих юридическую силу внесенных поправок в Основной Закон страны.

Предприятия крупного и среднего бизнеса, имеющие отечественную юрисдикцию по сложившейся в последние тридцать лет традиции, продолжают обращаться в международные суды за разрешением возникающих споров с ценой иска свыше 500 000 долларов. В частности, А. Малаховский пишет: «Рекордное количество новых дел в прошлом году получили Лондонский международный арбитраж и Суд при Международной торговой палате. А у Сингапурского арбитражного центра рост принятых заявлений составил 165 % по сравнению с 2019-м» [6]. В то же время в российских судах рассматривают дела с меньшими стоимостными характеристиками. Хочется надеяться, что международные ограничения стимулируют российский бизнес для обращения за защитой своих интересов в отечественные суды. Между тем, по словам ответственного администратора Российского арбитражного центра, наблюдается такая тенденция: «...За 2020 год мы получили на 30 % больше исков, чем в 2019-м, а в текущем году нам уже пришлось такое же количество исков» [6]. В сложившихся политических и экономических условиях, при наличии коллизий с отечественными нормами, можно утверждать приоритетность исполнения международных норм и международных договоров, ратифицированных или подписанных Россией. В отношении же международных договоров и норм, не подписанных и не ратифицированных Россией в большинстве случаев, прослеживается непонимание и, как результат, возникают некорректные трактовки.

Однако существует и противоположная точка зрения, которой продолжает придерживаться целый ряд отечественных юристов. Они настаивают, что п. 4

ст. 15 Конституции РФ утверждает примат международного права в России и что эту ситуацию невозможно изменить до тех пор, пока существует эта Конституция РФ. Итак, мы констатируем лишь сохранение примата норм международного права и норм международных договоров, но лишь в части, которая принята и ратифицирована Россией, то есть в той его части, которая не противоречит Конституции РФ.

Представляется обоснованной позиция о том, что все международные договоры и соглашения, подписанные Россией, как правопреемником и правопродолжателем СССР (ст. 67.1 Конституции РФ), требуют правового аудита в части соответствия Конституции РФ. Отечественным юристам предстоит комплексная правовая работа в аспекте восполнения пробельности отечественной правовой доктрины в данной области. Предстоит и комплексная работа Конституционного Суда РФ при вынесении решений о неисполнении международных договоров в случае их несоответствия Конституции РФ, которая должна быть дополнена обширной внешнеполитической и международной работой по разъяснению контрагентам положения о том, что Россия намерена строго придерживаться своей Конституции. Несомненно, предстоит значительный объем деятельности относительно переподписания ряда международных договоров и соглашений.

Выводы

Таким образом, следует констатировать, что в отечественном конституционном праве окончательно не разрешена коллизия в контексте понимания юристами приоритетности международных либо отечественных норм. Кроме того, наблюдается устойчивая тенденция презумпции, то есть толкования, интерпретации внутренних норм в соответствии с международным правом, тяготеющей в пользу международного права. Тем не менее роль России на мировой арене претерпевает разнонаправленные изменения, и в последнее время все больше появляется экономических и политических предпосылок для корректив в данном вопросе.

Необходимость защиты интересов граждан России и интересов отечественного бизнеса на мировой арене заставляет юристов переосмысливать место международного права в отечественной правовой системе [7]. Выстраивание системы использования норм международного права и международных договоров в отечественном правовом поле должно быть пересмотрено в первую очередь с позиций обеспечения экономического и политического суверенитета страны.

Список источников

1. *Kostin G. A., Chernykh A. B., Andronov I. S., Pryakhin N. G.* Perception and interpretation of general humanistic values through communication technologies in the digital transformation of society // *Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021*. St. Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2021. С. 162–165. DOI: 10.1109/ComSDS52473.2021.9422839
2. *Andronov I. S., Pryakhin N. G., Kostin G. A., Chernykh A. B.* The phenomenon of tolerance and non-violence in the development of the individual in the digital transformation of society // *Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021*. St. Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2021. P. 213–216. DOI: 10.1109/ComSDS52473.2021.9422873
3. Ежегодное послание Президента Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России: офиц. сайт. 2003. 16 мая. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/28640> (дата обращения: 01.04.2022).

4. *Кабанова О. В.* Международные правовые акты — источники конституционного права России // *Власть Закона*. 2017. № 4 (32). С. 129–138.
5. *Voskresenskaya E., Chernykh A., Martynkevich M.* Social policy governance mechanisms as a tool to ensure stability of the state and society // *State. Politics. Society: Sustainable Development of Regions 2020 — XVI International Scientific and Practical Conference. SHS Web of Conferences*. 2021. Vol. 94. P. 1–7. DOI: 10.1051/shsconf/20219403016
6. *Малаховский А.* Альтернатива западным арбитражам: где судиться российскому бизнесу // *Право.Ru*. 2021. 13 июля. URL: <https://pravo.ru/story/232995/?ysclid=11z6yock7m> (дата обращения: 01.04.2022).
7. *Chernykh A. B., Pryakhin N. G., Kostin G. A., Andronov I. S.* Problem of non-violence, violence and tolerance in the modern world (socio-philosophical analysis) // *Knowledge, Man and Civilization: Proceedings of International Scientific Congress (ISCKMC 2020), 22–25 October, 2020. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. 2021. P. 1848–1855. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.245

Информация об авторе

А. В. Семенов — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин; 192241, Санкт-Петербург, Софийская ул., д. 52а.

Information about the author

A. V. Semenov — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines; 52 Sofiyskaya str., St. Petersburg 192241, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 05.07.2022; одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 05.07.2022; approved after reviewing 01.08.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья

УДК 342.9

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-346-353

Особенности соотношения административной и дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих

Дмитрий Андреевич Макаров^{1✉}, Григорий Хотеевич Гуменюк²,
Дарья Андреевна Мартынюк³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ dim36817245@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3484-4637>

² gumenyuk1962@mail.ru

³ darya.a.martynyuk@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению проблематики, связанной с реализацией мер административной и дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих. Авторами рассмотрены вопросы о возможности одновременного применения административно-правовых и дисциплинарных санкций при совершении одного и того же деяния. Изучены подходы к разграничению административной и дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих. Исследованы вопросы о привлечении к административной ответственности государственного гражданского служащего в качестве специального субъекта — должностного лица, а также на общих основаниях, то есть как гражданина Российской Федерации (РФ). Сделан акцент на парадоксальности ситуации, в которой допустимо применение двух видов ответственности за совершение одного и того же деяния. Установлены различия в случаях применения административных и дисциплинарных санкций.

Ключевые слова: административное правонарушение, государственный гражданский служащий, государственная гражданская служба, дисциплинарная ответственность, дисквалификация, граждан

Для цитирования: Макаров Д. А., Гуменюк Г. Х., Мартынюк Д. А. Особенности соотношения административной и дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 346–353. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-346-353>

Original article

Features of the ratio of administrative and disciplinary responsibility of state civil servants

Dmitriy A. Makarov^{1✉}, Grigoriy Kh. Gumenyuk², Daria A. Martynyuk³

^{1, 2, 3} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

¹ dim36817245@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3484-4637>

² gumenyuk1962@mail.ru

³ darya.a.martynyuk@ya.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of the implementation of measures of administrative and disciplinary responsibility of state civil servants. The issues

© Макаров Д. А., Гуменюк Г. Х., Мартынюк Д. А., 2022

of the possibility of simultaneous application of administrative-legal and disciplinary sanctions for the same act are investigated. Approaches to the differentiation of administrative and disciplinary responsibility of state civil servants are being studied. The issues of bringing a state civil servant to administrative responsibility as an official and on general grounds as a citizen of the Russian Federation are being studied. The paradoxical nature of the situation with the possible application of two types of responsibility for the same act is noted. There are differences in the application of administrative and disciplinary sanctions.

Keywords: administrative offense, state civil servant, state civil service, disciplinary responsibility, disqualification, citizen

For citation: Makarov D. A., Gumenyuk G. Kh., Martynyuk D. A. Features of the ratio of administrative and disciplinary responsibility of state civil servants. *Sociology and Law. 2022;14(3):346-353* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-346-353>

Введение

Актуальность изучаемой проблематики обусловлена рядом нерешенных проблем, связанных с привлечением к мерам административной ответственности государственных гражданских служащих. Состав противоправных деяний, совершаемых в рамках служебной и внеслужебной деятельности, часто совпадает с дисциплинарными правонарушениями. В результате возникают проблемы относительно их квалификации в соответствии с нормами законодательства Российской Федерации (РФ). Решение данного вопроса, определение нормативных критериев разграничения административной и дисциплинарной юридической ответственности обладает исключительной важностью в аспекте укрепления законности в России.

Остается нерешенным и сугубо формально-юридический вопрос о возможности квалификации одного и того же деяния одновременно и как административного, и как дисциплинарного проступка, что влечет двукратное применение мер наказания. В настоящей статье изучена проблематика определения специфики административной и дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих.

Прохождение государственной службы связано с исполнением многочисленных регламентирующих данную деятельность норм, в большей степени относящихся к отрасли административного права. Вопрос об административной и дисциплинарной ответственности также является производным от реализации полномочий государственного гражданского служащего: в узком значении, то есть при исполнении своих должностных обязанностей, и в широком — как представителя государственной власти. В результате вопрос о привлечении к мерам дисциплинарной ответственности может быть связан с правомерностью поведения государственного гражданского служащего не только в рамках его служебной деятельности. Аморальность или противоправность поведения государственного гражданского служащего во внеслужебное время может стать основанием для применения мер дисциплинарного воздействия. Реализация дисциплинарной ответственности шире круга добросовестного исполнения служебных обязанностей.

Методы

В научном исследовании применены различные научные методы, используемые в юриспруденции и других науках. Среди них — методы юридической формализации, статистический, сбора фактов и др. Используются и общенаучные

методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Нормативной основой исследования служат законодательные акты и иные источники права, нормы, регулирующие правоотношения, связанные с привлечением к административной и дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих.

Теоретическую основу исследования составили труды специалистов в области административного права, в частности Е. В. Панариной, Д. А. Мартиросяна, С. А. Денисова, В. А. Козбаненко, Ю. Н. Старилова, Н. Г. Салищева, Р. С. Сорокина, В. В. Кизилова и др. В целом работы исследователей посвящены главным проблемам нормативного регулирования административной и дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих: 1) возможности привлечения одновременно к мерам административной и дисциплинарной ответственности за одно и то же деяние; 2) соотношению нормативного регулирования административной и дисциплинарной ответственности; 3) классификации административных и дисциплинарных проступков государственных гражданских служащих и др.

Результаты

Правовой статус государственного служащего включает в себя обязанности, права, ограничения, а также запреты. В отношении государственных гражданских служащих, в зависимости от вида совершенного правонарушения, могут быть применены меры дисциплинарной, материальной, уголовной, гражданско-правовой или административной ответственности. Административно-правовая ответственность заключается в реализации административных санкций в соответствии с установленными процессуальными правилами. Государственные гражданские служащие в качестве специальных субъектов права несут административную и дисциплинарную ответственность сугубо в рамках нарушения законодательства, связанного с исполнением ими норм, определяющих вопросы прохождения службы.

Если правонарушение совершает гражданин РФ, являющийся государственным гражданским служащим, в связи с исполнением им служебных обязанностей и если оно не содержит в себе признаков преступления, то служащий может быть привлечен как к дисциплинарной, так и к административной ответственности. Как правило, речь идет о правильной квалификации деяния или его квалификации по двум основаниям нарушения норм административного или дисциплинарного законодательства, которое регулирует профессиональную деятельность государственного гражданского служащего. Если речь идет о нарушении служебной дисциплины без образования состава административного правонарушения, то и ответственность будет сугубо дисциплинарной. Но на практике, как правило, дисциплинарное правонарушение, то есть нарушение порядка исполнения должностных обязанностей, приводит именно к совершению деяния, предусмотренного нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) или даже Уголовного кодекса (УК) РФ. Одной из сложных задач является именно квалификация противоправного деяния, совершаемого государственным гражданским служащим как специальным субъектом.

Административные и дисциплинарные проступки могут быть подразделены на три основные группы. Они заключаются в прямом нарушении нормативных правил, связанных с исполнением служебных обязанностей, в неправомерных указаниях подчиненному данного должностного лица, а также в неисполнении контрольных функций за исполнением обязанностей подконтрольными лицами, как находящимися, так и не находящимися в служебной зависимости [1, с. 276].

В отношении государственных служащих установлены следующие виды административных наказаний: предупреждение, административный штраф и дисквалификация. Дисквалификация применительно к рассматриваемой проблематике заключается в лишении правонарушителя должности государственной гражданской службы. Дисциплинарные взыскания за неисполнение или ненадлежащее исполнение по вине государственного служащего должностных обязанностей включают в себя замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии и увольнение [2].

Но государственные служащие, как и иные граждане РФ, могут совершать административные правонарушения, не связанные с исполнением должностных обязанностей. В этих случаях их привлекают к административной ответственности на общих основаниях, как и других граждан РФ. В этом случае они могут быть привлечены не только к административной, но и к дисциплинарной ответственности. Нарушение правил служебной этики выходит за рамки несения государственной гражданской службы. Статус государственного гражданского служащего несколько шире сугубо исполнения служебных обязанностей. Например, появление государственного гражданского служащего в публичных местах в состоянии опьянения [3], мелкое хулиганство [3] и ряд других нарушений образуют состав административного правонарушения. Государственный гражданский служащий несет административную ответственность за данные деяния на общих основаниях. Вместе с тем он совершает дисциплинарный проступок и будет нести дисциплинарную ответственность именно как должностное лицо. Деяние, квалифицируемое по соответствующей статье КоАП РФ, одновременно будет квалифицировано как нарушение служебной дисциплины, то есть нанесение ущерба репутации сотрудника и авторитету государственного органа. Наказание будет назначено в соответствии со ст. 57 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ.

Д. А. Мартиросян пишет о том, что сугубо дисциплинарная ответственность «означает меры дисциплинарного воздействия в порядке служебного подчинения за совершение дисциплинарного поступка или за иные противозаконные действия» [4, с. 136]. В результате одно и то же деяние образует два состава правонарушения, объекты у которых являются разными. Фактически совершаемые действия составляют одно деяние, но оно по-разному трактуется в соответствии с применением норм различных нормативных актов. В частности, государственный гражданский служащий, пусть и не исполнял в данный момент должностные обязанности, появился в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения и совершил хулиганские действия, которые и составили объективную сторону деяния. Вследствие этого он привлечен к мерам административной ответственности. Однако аналогичное деяние одновременно наносит ущерб служебной репутации сотрудника и представляемого им органа государственной власти. Нельзя наказать дважды за одно и то же деяние. В данном случае речь идет о привлечении к двум различным видам юридической ответственности.

Кроме того, привлечение к данным видам юридической ответственности осуществляется самостоятельно и независимо друг от друга. В результате установление факта нарушения общественного порядка, появления в нетрезвом виде, вандализм и т. п. не всегда означает привлечение к мерам административной ответственности (например, ввиду малозначительности проступка). Но оно не освобождает от дисциплинарной ответственности. В равной степени вопрос о привлечении к административной ответственности будет решен отдельно от привлечения лица к дисциплинарной ответственности. Основание административной

ответственности — совершение административного проступка, а дисциплинарной — дисциплинарного. При этом наказуемые деяния могут совпадать в обоих случаях.

Итак, для привлечения государственного служащего к административной ответственности необходимо установить, допущено ли совершение административного правонарушения при осуществлении им служебной деятельности и обладал ли он статусом должностного лица в соответствии с должностным регламентом. В КоАП РФ не закреплены составы административных правонарушений, совершенных государственными гражданскими служащими вне исполнения ими должностных обязанностей. Они в подобных случаях несут административную ответственность на общих основаниях с другими гражданами. Конституция РФ закрепляет равенство граждан РФ перед нормами законодательства и судом [5]. Государственные гражданские служащие не имеют привилегий или, наоборот, не поражаются в правах в случае привлечения к административной ответственности не в качестве специального субъекта.

Точки зрения о том, что деяние может быть юридически квалифицировано и как административный, и как дисциплинарный проступок, придерживаются Ю. Н. Старилов и В. А. Козбаненко. Они полагают, что совершаемое деяние может одновременно являться как административным, так и дисциплинарным правонарушением при определении государственного гражданского служащего как специального или общего субъекта привлечения к ответственности. Совершение административного правонарушения против интересов исполнения служебных обязанностей не может не являться одновременно и сугубо дисциплинарным проступком [6, с. 205]. В. А. Козбаненко даже утверждает, что, по сути, речь идет о специфическом дисциплинарно-административном правонарушении [7]. Граница между ними может в правовом значении отсутствовать, поскольку говорится о квалификации одного и того же деяния.

С. А. Денисов, в свою очередь, отмечает, что именно как дисциплинарные правонарушения (а не как административные) должны быть квалифицированы деяния, связанные с посягательством на порядок осуществления должностных полномочий и нормативно закрепленную иерархию государственного управления. Проступки, посягающие на права и свободы граждан, юридических лиц, должны одновременно квалифицироваться и в качестве дисциплинарных, и в качестве административных [8]. При этом необходимо решать проблематику невозможности несения дважды ответственности за одно и то же деяние.

Обсуждения

В рамках динамики нормативного регулирования привлечения государственных гражданских служащих к административной ответственности наблюдается постепенный процесс ужесточения наказаний. Речь идет о расширении применения административного наказания в виде дисквалификации, что неизбежно влечет применение дисциплинарного взыскания в виде увольнения [9, с. 39]. Рядом авторов, в частности Р. С. Сорокиным, высказаны суждения о необходимости установления дисквалификации за административные правонарушения, связанные с коррупцией, как безальтернативной санкции [10, с. 8]. В. В. Кизилев предложил авторское определение административного правонарушения государственного служащего: «Не влекущее уголовную ответственность наказуемое деяние лица, замещающего должность государственной службы, которое совершено при исполнении или в связи с исполнением должностных обязанностей и повлекло нарушение предписаний в правоотношениях, стороны которых не находятся

во властном подчинении или прямой зависимости...» [11]. Он предлагает включить в КоАП РФ раздел, посвященный административной ответственности государственных служащих.

В. В. Кизилов считает необходимым разграничение административной и дисциплинарной ответственности государственного служащего. Если неисполнение (ненадлежащее) исполнение должностных обязанностей допущено в случае совершения им деяния при взаимодействии с гражданином или организацией, то должны быть применены меры административной ответственности. Если данное деяние произошло при взаимодействии с другим должностным лицом (выше, ниже по должности или в рамках координации), то речь должна идти сугубо о дисциплинарном проступке.

Но проблема квалификации деяния не исчезает, в результате предлагаемый подход не решает проблему. Субъект рассмотрения может быть различным. Нарушение порядка рассмотрения обращений граждан представляет собой одновременно и дисциплинарное, и административное правонарушение. Рассмотрение такого административного правонарушения по ст. 28.4 КоАП РФ происходит на основании возбуждения производства прокурором по ст. 28.4 КоАП РФ. Однако гражданин вправе обратиться непосредственно к начальнику данного государственного гражданского служащего, и он будет осуществлять производство по дисциплинарному правонарушению. Сама по себе предлагаемая В. В. Кизиловым попытка дать различную квалификацию в отношении деяния (как административного либо как дисциплинарного правонарушения) на основании норм материального права направлена на разрешение существующих проблем нормативного регулирования привлечения государственного гражданского служащего к административной и дисциплинарной ответственности. Но она не может решить ее, поскольку не учитываются особенности действия процессуальных норм процедуры привлечения к данным видам юридической ответственности. По сути, субъект квалификации на практике может осуществить этот выбор, и он изначально не предопределен. Возможна и обратная ситуация, если прокурор передаст соответствующие материалы руководству государственного гражданского служащего или, наоборот, начальник передаст их прокурору для привлечения к административной ответственности. При этом вопрос о производстве по таким видам ответственности является определяющим. К административной ответственности привлекают органы и должностные лица, в отношении которых государственный гражданский служащий не находится в состоянии подчиненности. В случае дисциплинарной ответственности дисциплинарное взыскание налагается по решению вышестоящего руководителя. Отличается и степень формализации процесса производства по данным делам.

Выводы

Таким образом, в России меры административной и дисциплинарной ответственности могут быть применены одновременно за совершение одного и того же деяния. Данное утверждение видится справедливым как в отношении совершения деяния, связанного с неисполнением или ненадлежащим исполнением служебных обязанностей, так и в случае совершения ряда административных правонарушений, в которых государственный гражданский служащий выступает не в качестве должностного лица, а как общий субъект привлечения к ответственности. Данные правонарушения связаны с тем, что государственный гражданский служащий может бросить авторитет на себя как должностное лицо или представляемый орган государственной власти. В равной степени применение наказания в виде

дисквалификации автоматически означает увольнение государственного гражданского служащего.

Но нельзя обойти вниманием и тот факт, что по отношению к государственному гражданскому служащему в действительности применяют два взыскания за одно и то же деяние. Если речь идет о наказании его как должностного лица, то, по сути, объективная сторона деяния совпадает: неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей. Применимость двух наказаний обоснована реализацией двух видов юридической ответственности — административной и дисциплинарной. Однако этого недостаточно. Например, неправомерно дважды сделать замечание или наложить штраф. Совмещение применения санкционных мер двух этих видов ответственности также должно быть основано на реализации двух отдельных производств по делу об административном и дисциплинарном правонарушении, а также двух разных видов применяемых санкций.

Список источников

1. *Панарина Е. В.* Административная ответственность государственных гражданских служащих // Эпомен. 2019. № 23. С. 274–277.
2. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. *Мартиросян Д. А.* Правовое регулирование административной ответственности государственных служащих // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник ст. XXII Междунар. науч. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 135–137.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования от 1 июля 2020 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.02.2022).
6. *Денисов С. А.* Дисциплинарная ответственность за административные правонарушения // Административная ответственность: вопросы теории и практики: сборник ст., подготовленный по материалам VI Лазаревских чтений / отв. ред. Н. Ю. Хаманева. М.: Институт государства и права РАН, 2004. С. 200–205.
7. *Козбаненко В. А.* Юридическая ответственность государственных служащих: проблемная лекция. М.: Институт повышения квалификации государственных служащих, 2002. 52 с.
8. *Старилов Ю. Н.* Служебное право. М.: БЕК, 1996. 683 с.
9. *Салищева Н. Г.* Направления развития административно-правовых отношений в современной России // Административно-правовые отношения в условиях модернизации российского государства. М.: Институт государства и права РАН, 2011. С. 18–41.
10. *Сорокин Р. С.* Увольнение с государственной службы как мера противодействия коррупции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2016. 23 с.
11. *Кизилов В. В.* Институт административной ответственности государственных гражданских служащих России. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2012. 412 с.

Информация об авторах

Д. А. Макаров — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Г. Х. Гуменюк — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Д. А. Мартынюк — аспирант кафедры административного права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

D. A. Makarov — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

G. Kh. Gumenyuk — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

D. A. Martynyuk — postgraduate student at the Department of Administrative Law and Process; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 24.02.2022; одобрена после рецензирования 16.03.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 24.02.2022; approved after reviewing 16.03.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Обзорная статья

УДК 316.354.4

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-354-364

Обзор организационно-методических подходов взаимодействия и привлечения добровольцев (волонтеров) к деятельности в области обеспечения пожарной безопасности и оказания помощи населению Германии

Ольга Дмитриевна Ратникова¹, Ольга Сергеевна Маторина^{2✉},
Оксана Георгиевна Меретукова³

^{1, 2, 3} Научно-исследовательский центр организационно-управленческих проблем пожарной безопасности ФГБУ ВНИИПО МЧС России, Балашиха, Московская область, Россия

¹ ratnikova@vniipo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7279-6664>

² odp1313@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3962-6492>

³ jrbc2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7397-4864>

Аннотация. В статье приведены особенности организации добровольной пожарной охраны европейских стран с учетом национальных особенностей, принципов материального и морального стимулирования. На основе теоретического анализа авторами рассмотрен опыт Германии в области применения организационно-методических подходов взаимодействия и привлечения добровольцев (волонтеров) к деятельности по обеспечению пожарной безопасности и оказанию помощи населению, а также охарактеризованы отдельные виды поощрений. Обобщены некоторые законодательные акты и правовые вопросы, связанные с деятельностью добровольной пожарной охраны земель Германии.

Ключевые слова: добровольцы (волонтеры), привлечение, взаимодействие, пожарная безопасность, оказание помощи, добровольная пожарная охрана, Германия

Для цитирования: Ратникова О. Д., Маторина О. С., Меретукова О. Г. Обзор организационно-методических подходов взаимодействия и привлечения добровольцев (волонтеров) к деятельности в области обеспечения пожарной безопасности и оказания помощи населению Германии // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 354–364. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-354-364>

Review article

Review of organizational and methodological approaches to interaction and involvement of volunteers in activities in the field of fire safety and assistance to the population of Germany

Olga D. Ratnikova¹, Olga S. Matorina^{2✉}, Oksana G. Meretukova³

^{1, 2, 3} Research Center for Organizational and Managerial Problems of Fire Safety FGBU VNIPO EMERCOM of Russia, Balashikha, Moscow region, Russia

¹ ratnikova@vniipo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7279-6664>

² odp1313@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3962-6492>

³ jrbc2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7397-4864>

© Ратникова О. Д., Маторина О. С., Меретукова О. Г., 2022

Abstract. The article presents the features of the organization of voluntary fire protection in European countries, taking into account national characteristics, the principles of material and moral incentives. Based on the theoretical analysis, the authors of the article consider the experience of Germany in the application of organizational and methodological approaches of interaction and involvement of volunteers in the activities of fire safety and assistance to the population, and also consider certain types of incentives. Some legislative acts and legal issues related to the activities of the voluntary fire protection of the lands of Germany are summarized.

Keywords: volunteers (volunteers), involvement, interaction, fire safety, assistance, voluntary fire protection, Germany

For citation: Ratnikova O. D., Matorina O. S., Meretukova O. G. Review of organizational and methodological approaches to interaction and involvement of volunteers in activities in the field of fire safety and assistance to the population of Germany. *Sociology and Law. 2022;14(3):354-364.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-354-364>

Введение

Одной из задач учреждений добровольной пожарной охраны является привлечение в свои ряды новых добровольцев. Поиск новых добровольцев, вовлечение, мотивация и организация их деятельности — это сложный процесс, существенно отличающийся от подбора персонала внаём для осуществления возмездного труда. В процессе привлечения новых членов добровольной пожарной охраны требуется наличие высоких организационных навыков и личный пример организатора.

Большинство применяемых технологий привлечения добровольцев базируется на зарубежном опыте, в котором добровольчество (волонтерство) существует и успешно функционирует длительное время. Совершенствование нормативных и правовых актов в области добровольчества (волонтерства), адаптация технологий, применяемых в зарубежном опыте, к российским условиям повысят уровень активности граждан в целях решения общественно значимых проблем.

Методология добровольчества

За рубежом распространена и внедрена в образовательный процесс ряда программ обучения новая отрасль науки — психология филантропии или психология благотворительности. Единственный в мире человек с докторской степенью в данной области — это американка Джен Шанг, специализирующаяся на филантропии и изучающая методы, применение которых способствует повышению эффективности деятельности всех, кто имеет то или иное отношение к филантропии. В настоящее время профессор Шанг работает в Великобритании в команде с профессором Эдрианом Сарджентом и доктором Стивеном Пидженом, являющихся создателями веб-ресурсов, посвященных самым разным аспектам благотворительности, как общего, так и частного порядка. Например, привлечение к деятельности новых участников волонтерских объединений, портрет добровольца (волонтера) и отбор на работу добровольцев (волонтеров) [1].

Интересен опыт разработки и применения «Программы поощрения для работодателей». Добровольные объединения стремятся стимулировать работодателей волонтеров (добровольцев) для наиболее эффективного взаимодействия. Например, в Новой Зеландии работодателям, оказывающим поддержку сотрудникам, осуществляющим безвозмездную деятельность в области профилактики и ликвидации пожаров, добровольные пожарные объединения способствуют продвижению

бизнеса, предоставляя площадки для рекламы. Тем самым повышают осведомленность о значимом вкладе работодателей в волонтерство (добровольчество). Речь идет о предоставлении знака «Гордый работодатель пожарных и экстренных волонтеров», рекламной информации о продукции или услугах организаций работодателей в рамках проведения ежегодной общенациональной кампании, а также на грузовых машинах, вывесках, веб-каталоге на интернет-ресурсе, публикации ежегодной рекламы «Спасибо» в местных газетах, приглашении на ежегодные благотворительные мероприятия «Признание заслуг».

Добровольная пожарная охрана за рубежом многолика и неоднородна, имеет различные исторические корни, национальные особенности и традиции. Но цель ее создания — стремление общественности объединить усилия граждан (непрофессионалов) на борьбу с пожарами.

В большинстве европейских стран добровольная пожарная охрана организована на принципах материального стимулирования (оплаты труда частично или полностью) добровольцев, относящихся к категориям руководящего состава добровольной пожарной охраны или технического персонала (водителей, мотористов, механиков). Остальных членов добровольной пожарной охраны стимулируют льготами или повременной оплатой за выполнение работы по тушению пожаров или за время дежурства в пожарном депо.

Следует отметить, что практически во всех странах Европы очень широко применяется моральное стимулирование добровольных пожарных в виде наград, знаков отличия, общественной благодарности. Данные виды поощрений добровольных пожарных стали возможными благодаря историческим традициям, основанным на уважении к профессии пожарного, повышении престижности этой профессии в обществе, прежде всего посредством проводимой политики в области пожарной безопасности органами власти этих стран. Особенность добровольной пожарной охраны европейских стран заключается в том, что она входит в объединения в виде союзов, ассоциаций и т. п. с профессиональными пожарными и научно-техническими организациями, занимающимися вопросами разработки и производства пожарной техники и пожарно-технического вооружения, что исключает добровольных пожарных из сферы производственной деятельности [2].

Анализ организации добровольческой пожарной охраны в Германии

Исходя из изученных материалов зарубежного опыта привлечения граждан к добровольческой деятельности по предупреждению и тушению пожаров, проведению аварийно-спасательных работ, можно выделить ряд особенностей.

Анализ опыта привлечения добровольцев (волонтеров) в Германии показал, что добровольные пожарные формирования — это база, на которой основана вся противопожарная защита страны. Правовые вопросы, связанные с ее деятельностью, изложены в законодательствах отдельных земель, основными из которых являются Закон о противопожарных мероприятиях, Земельный закон о защитных мероприятиях в случае возникновения пожаров и катастроф, Закон о мероприятиях по спасению людей и животных. Согласно Закону о противопожарной защите каждая община обязана создать пожарную охрану. Например, деятельность пожарной охраны в земле Райнланд-Пфальц регламентируется Земельным законом о противопожарной защите, различных видах помощи и защите от катастроф. В законе изложены основные принципы организации и деятельности добровольной пожарной охраны одной из 16 земель Германии. Следует отметить, что данный закон регламентирует и деятельность служб, которые создаются для

защиты и оказания помощи населению не только от пожаров, но и от иных экстремальных ситуаций: взрыва, катастрофы, явлений природы и т. д. Главная особенность закона состоит в отнесении противопожарной защиты и различных видов помощи к компетенции органов местного самоуправления общин. Законом предусмотрено три уровня защиты от опасности: местный, районный, централизованная защита. Обязанности по защите от катастроф законом возлагаются на органы самоуправления городов окружного подчинения и районов.

Помимо профилактики и тушения пожаров волонтеров (добровольцев) земель Германии привлекают к оказанию медицинской помощи, дорожно-транспортным происшествиям (ДТП), установке и проверке надлежащей работы пожарных сигнализаций, участию в ежедневных мероприятиях по повышению пожарной безопасности. Волонтеров (добровольцев) в рассматриваемой нами области можно условно разделить на четыре различных группы: пожарные; волонтеры, оказывающие медицинскую помощь; волонтеры, осуществляющие оперативную поддержку (в том числе в случаях ДТП), и бригада административной поддержки (в том числе добровольцы, выполняющие работу по реализации административных задач, операторы, диспетчеры и т. д.).

Волонтерам (добровольцам) пожарной охраны предоставлены льготы и компенсации. Из них к основным относятся:

- ежегодные медицинские осмотры;
- прививки, в том числе и от гепатита В;
- компенсация за наличные расходы (300\$ в год);
- дополнительное пособие в размере 50\$ за ночные смены и вызовы;
- льготное медицинское страхование;
- программа предоставления скидок на отдельные категории товаров и услуг [3].

Общественные объединения добровольных пожарных указывают в качестве преимущества возможность реализации полученных знаний, навыков и опыта волонтерами (добровольцами) в целях оказания экстренной помощи, если она потребуется кому-то из коллег в компании работодателя, а также всеобщее признание социально ответственного работодателя и гордость за вклад в достижения в области общественной безопасности. В целях сплочения, командообразования и преемственности традиций добровольцев пожарной охраны часто добровольцы проводят мероприятия, приглашают семьи волонтеров (добровольцев) на пикники, тематические праздничные обеды (ко дню рождения, новогодние, в том числе для детей), барбекю и т. д.

Приветствуется посещение таких мероприятий с привлечением друзей и коллег. Фотоотчет после проведения размещают в социальной сети, на страничке добровольческой организации. Тематика мероприятий направлена на ознакомление присутствующих гостей с деятельностью добровольной пожарной охраны, к которой может присоединиться и помочь любой желающий, соответствующий требованиям к отбору кандидатов (гражданство, кандидат в добровольцы (волонтеры) должен проживать или работать в непосредственной близости от расположения добровольческого объединения, пройти медицинский осмотр и проверку органов полиции, возраст — от 18 лет; исключением считается возрастной ценз от 16 до 17 лет, и в таких случаях требуется разрешение опекуна, а для получения квалификации необходимо пройти обучение от 6 до 12 месяцев). Молодежные пожарные команды в городе Вендельштайн входят в состав районного совета молодежи.

В детскую добровольную пожарную команду можно поступить с шести лет, в юношескую — не ранее 10 лет. Лицам 16–60 лет возможно перейти в отдел

оперативной работы добровольной пожарной охраны. Члены оперативного отдела несут ответственность за выполнение задач в области противопожарной защиты и оказания помощи населению. В составе добровольной пожарной охраны существуют почетные и музыкальные отделения, возраст представителей которых может превышать пенсионный. Однако членство в пожарной части не заканчивается с 60-летием. Почетный отдел или «пенсионеры-пожарные» продолжают деятельность в добровольной пожарной охране, выполняют административные (организаторские) функции. Например, в городе Карлсруэ успешно осуществляют деятельность в составе добровольной пожарной команды «почетные» участники добровольной пожарной охраны под девизом «Бог в чести, следующий в защите».

Клуб почетных членов добровольной пожарной охраны основан 30 июля 2009 г. Ральфом Росселем. Его члены — желанные гости на всех мероприятиях. Помимо регулярных дежурств, они осуществляют социально значимую добровольческую работу, делятся опытом с новыми участниками, привлекаются в качестве наставников, обмениваются идеями с единомышленниками, выезжают на совместные экскурсии.

Взрослые участники добровольной пожарной охраны планируют и организуют мероприятия с целью привлечения детей к деятельности в области добровольных пожарных, пропаганды культуры безопасности и оказания помощи. Мероприятия приурочены к различным праздникам, в том числе ко Дню открытых дверей добровольного пожарного объединения. Каждый из детей участников добровольной пожарной команды может отметить свой День рождения вместе с добровольцами и их семьями. Тематическая программа детского Дня рождения направлена на пропаганду пожарно-спасательного дела, получение и закрепление новых знаний в области пожарной безопасности в игровой форме, может включать в себя интересные факты о пожарной охране, игры и забавы [4].

Спортивная группа обеспечивает сбалансированное сочетание спортивной активности и укрепления командного духа. Регулярно проводятся спортивные мероприятия, особенно популярны среди участников добровольной пожарной охраны и членов их семей «велотур», совместные лыжные походы в Австрию, экскурсии. Организаторы мероприятий с целью снижения стоимости поездок для участников используют программы лояльности и заинтересованы в предоставлении наиболее разнообразного отдыха по приемлемой стоимости для участников и членов их семей. Регулярные мероприятия предоставляют возможность проводить больше времени в кругу семьи и друзей, укреплять командный дух и получать новые знания, умения и навыки [5].

В целях привлечения новичков в ряды добровольной пожарной охраны команда земли Нижняя Саксония рассылает личные письма возможным участникам. Благодаря письмам, адресаты могут принять участие в мероприятиях и узнать больше о деятельности добровольной пожарной охраны. Команда добровольных пожарных земли Нижняя Саксония регулярно публикует на своем сайте фото новых участников, их истории из жизни. Совместно со школами проводятся мероприятия по безопасности под лозунгом «Особое хобби для всей семьи», в ходе которых демонстрируют видеоролики, учебные фильмы, клипы.

С целью привлечения новых участников добровольных пожарных команд организованы конкурсы по категориям:

1. «Молодые таланты». Номинанты конкурса — добровольная пожарная команда Глейна. Проведение мероприятия «Супергерои в красном» включает в себя видео и фото героев, героических поступков. Материалы размещены на ресурсе сайта добровольной пожарной команды.

2. Юношеская пожарная команда *Göddeckenrode*. Во взаимодействии с различными образовательными организациями проводятся проекты и мероприятия в области защиты населения от пожаров.
3. Добровольная пожарная команда *Höhenmölsen*. Ежегодный фестиваль пожарной безопасности проводится при поддержке спонсоров города и членов добровольной пожарной команды.
4. Молодежная добровольная пожарная команда Кальбе (Мильде). Привлечение новичков с помощью программы наставничества. Наставники, обладающие многолетним опытом и бесценными знаниями, осуществляют процесс обучения и адаптации в рамках деятельности добровольной пожарной охраны.
5. Добровольная пожарная команда Ремсдорфа. Идея в привлечении молодежи путем записи небольших видеороликов о деятельности участников добровольных пожарных.
6. Добровольная пожарная часть Вернигероде. Съемка тематического фильма о деятельности добровольных пожарных со специальным авторским саундтреком.
7. Добровольная пожарная часть Зорбау-Герштевиц. Проведение футбольных турниров совместно с компаниями и клубами региона с целью укрепления чувства общности [6].

В рамках акции «Ты нам нужен!», организованной в средней школе Вендельштейна, проведено общественно значимое мероприятие с награждением участников добровольной пожарной охраны, полевой кухней, выступлением оркестра добровольной пожарной команды, распространением информационных материалов с целью привлечения новых участников в ряды добровольцев.

В 2021 г. победители награждены волонтерской премией «Бесценные и добровольные». Почетная награда присуждена районному объединению добровольных пожарных команд Люхов-Данненберг за успехи по привлечению новых членов добровольной пожарной охраны, благодаря проведению компании, направленной на пропаганду деятельности пожарных добровольцев «112 процентов добровольцев — участвуй». В рамках проведения компании участники сняли тематический фильм, в котором обсуждаются проблемы молодежи и грядущий дефицит личного состава в добровольной пожарной дружины, представлены многие привлекательные аспекты добровольной работы в пожарной команде. В онлайн-голосовании приняли участие почти 12 тысяч человек, за районное объединение добровольных пожарных команд Люхов-Данненберг проголосовали около 50 %. Награда сопровождается призовым фондом в размере 3 000 евро. Награду победителям вручил премьер-министр Нижней Саксонии Штефан Вайль, но из-за принятых запретов и ограничений по проведению массовых мероприятий в связи с пандемией церемония награждения транслировалась в прямом эфире в интернете [7].

В Германии распространено применение программных средств, таких как “DIVERA 24/7 FREE”, разработанных и адаптированных для деятельности и обучения добровольческих организаций экстренного реагирования. “DIVERA 24/7 FREE” — это бесплатная версия, при эксплуатации которой могут возникнуть расходы, связанные с хранением информации и персональных данных на сервере. Компания разработчиков оставляет за собой право размещать информацию рекламного характера в данном программном средстве, но размещение подобного рода сообщений не влияет на оперативность функционала (баннеры, логотипы).

Бернхард Хорст — разработчик и директор компании “DIVERA GmbH”. Разработчик получил степень бакалавра в области инженерии и управления

стихийными бедствиями в университете, имеет докторскую степень в области техники безопасности. В процессе разработки он опирался на полученные знания и практический опыт, а также на потребности организаций экстренного реагирования (пожарных и аварийно-спасательных служб), задействованных в чрезвычайных ситуациях. Компания разработчика — это немецкая система, которая осуществляет деятельность, направленную на обучение и повышение квалификации по программам теоретической и профессиональной подготовки. Для эффективного применения программного средства “DIVERA 24/7 FREE” на сайте компании представлены цифровые учебные пособия в различных форматах: текстовом, в форме презентации и видеоролика. Данные форматы ориентированы на удобство при восприятии информации пользователем. Сервис постоянно развивается и дополняется новыми функциями в соответствии с отзывами целевой аудитории. “DIVERA 24/7 FREE” широко применяется среди аварийно-спасательных служб и доступен к применению. Добровольческая организация, зарегистрированная на данном ресурсе, может осуществлять деятельность, направленную на планирование учебных мероприятий, а также мероприятия оперативного назначения с целью реализации задач по обеспечению защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности.

На рисунке 1 представлен интерфейс программного средства, установленного на мобильное устройство и стационарный компьютер.

Рис. 1. Интерфейс программного средства “DIVERA 24/7 FREE”

Программное средство “DIVERA 24/7 FREE” устанавливается на телефон, планшет, стационарный компьютер и насчитывает более 250 000 пользователей. Компания разработчика планирует совершенствовать сервис посредством его дополнения новыми компонентами для повышения продуктивности и привлечения новых пользователей. Девиз данной разработки: «На шаг впереди чрезвычайной ситуации: доступность участников всегда на виду». Таким образом, программное средство “DIVERA 24/7 FREE” имеет следующие преимущества:

1. Доступность:

- доступность управления при помощи любого цифрового устройства с выходом в интернет;
- возможность автоматического обновления оперативной готовности участников при входе и выходе из программы посредством геолокации;
- планирование участия в мероприятиях с использованием личного календаря;
- количество персональных данных сведено к минимуму.

2. Оценка оперативной готовности:

- возможность настройки мониторов и синхронизации данных о наличии участников, готовых оперативно прибыть к месту возникновения чрезвычайной ситуации и оценить данные о развитии ситуации с целью принятия решений;
- возможность доступа к данным по уровню укомплектованности у зарегистрированных пользователей при помощи мобильных устройств, планшетов, стационарных компьютеров, подключенных к доступу сети Интернет;
- диспетчеры и кураторы добровольцев (волонтеров) в режиме онлайн получают сигналы тревоги и оперативную информацию для принятия решений по распределению и запросов на привлечение сил, и средств на основе текущего развития чрезвычайной ситуации;
- доступ к статистическим данным для оценки результативности и целевых показателей защиты при планировании потребностей.

3. Всегда онлайн:

- оповещение через мессенджеры с функцией обратной связи;
- внутренняя связь с целью распространения уведомлений, проведения опросов, организации встреч и обмена файлами;
- возможность направлять оперативные сообщения зарегистрированным пользователям при помощи встроенного мессенджера;
- автоматическое оповещение пользователей о необходимости прибытия участников в зону происшествия;
- возможность осуществления рассылки сообщений по группам или индивидуально;
- отправка адреса дислокации при помощи навигационной системы для автоматического моделирования маршрута;
- отображение и передача данных автотранспортного средства.

4. Хранение данных. Безопасность, конфиденциальность:

- хранение данных осуществляется на сервере компании разработчика “DIVERA 24/7”;
- зарегистрированные пользователи, наделенные административными функциями, уполномочены осуществлять управление данными в режиме онлайн;
- эффективное децентрализованное администрирование отдельных локаций [8].

Таким образом, программное средство “DIVERA 24/7 FREE” адаптировано не только для работы, но и с целью обучения участников добровольческих (волонтерских) организаций экстренного реагирования. Оно успешно применяется на практике.

В Германии добровольные пожарные команды функционируют при учебных организациях. В частности, Нюрнбергский технический университет — один из крупнейших государственных университетов Германии, в котором обучаются более 13 000 студентов. Участники добровольной пожарной команды университета, помимо основной миссии, занимаются научно-исследовательской деятельностью в рамках социального проекта Министерства внутренних дел (МВД) Баварии. Добровольцы анализируют текущее состояние ситуации, заболеваемость, численность, особенности практической подготовки (тренировки), программы обучения, стратегии тушения пожаров, отдельные дела, связанные с пожарами; разрабатывают новые формы привлечения участников и по итогам составляют выводы, рекомендации для повышения эффективности деятельности добровольной пожарной охраны и служб экстренного реагирования.

Дорис Розенкранц — преподаватель Технического университета в Нюрнберге, профессор, доктор социологических наук — возглавляет работу над научно-исследовательским проектом. Среди целей проекта — изучение таких вопросов, как мониторинг целевой аудитории в целях привлечения новых участников в добровольную пожарную охрану, совершенствование и разработка новых организационно-методических форм по привлечению, обучению и мотивации участников. Дорис Розенкранц считает, что большое значение имеет работа с молодежью и что с течением времени привлечение молодых людей к деятельности добровольной пожарной охраны усложняется. Профессор предлагает осуществлять мероприятия по привлечению новых целевых групп из состава женщин и мигрантов ввиду того, что, например, женщины-пожарные по-прежнему составляют меньшинство по сравнению с их коллегами-мужчинами. Согласно Нюрнбергскому исследованию, помимо женщин, люди с миграционным прошлым, особенно беженцы, также могут чаще привлекаться к волонтерской работе в добровольной пожарной охране. Исследователь отмечает недостаточность объема пропаганды и информации рекламного характера, размещаемой на интернет-ресурсах. Дорис Розенкранц в рамках реализации проекта разрабатывает новые социально значимые программы для привлечения и мотивации молодежи. Ученый приводит в качестве примера опыт Канады в области привлечения участников в ряды добровольной пожарной охраны и подчеркивает значимость вывода об обращении к потенциальным добровольцам на ранней возрастной стадии с целью формирования культуры безопасности и пропаганды общественно значимой деятельности, так как преемственность поколений и опыт участия в мероприятиях, направленных на получение новых знаний о пожарной безопасности и оказании помощи, создают нерушимую связь, которая сохраняется и во взрослой жизни [9].

Аугсбургский университет прикладных наук является государственным учебным учреждением Германии и входит в число 100 лучших университетов Германии. Университет активно взаимодействует с благотворительными организациями, в частности с Ассоциацией городских пожарных бригад Аугсбурга. В рамках реализации проекта МВД студенты университета под патронажем педагогического состава образовательной организации разработали новую концепцию для целевой группы слушателей университета по привлечению молодых людей в добровольные пожарные команды и волонтерские организации. Министр внутренних дел Баварии считает, что межорганизационное сотрудничество является образцовым и бесценным, особенно в области чрезвычайных ситуаций, призывает поощрять передачу знаний, технологий и опыта. Подобное сотрудничество он называет новаторским достижением для страны в целом. Привлечение преподавательского состава и студентов университета к деятельности добровольных пожарно-спасательных объединений осуществляется на протяжении периода обучения слушателей. Совместные мероприятия способствуют установлению контактов и привлечению к деятельности добровольных пожарно-спасательных объединений, а также передаче технологий и знаний между участниками процесса. Данный опыт сотрудничества уникален не только для Баварии, но и для Германии в целом [10].

Благодаря проекту, эффективному взаимодействию образовательных организаций и МВД Германии, учебу и работу в составе добровольной пожарной команды совмещают многие студенты. Пропаганда деятельности добровольных пожарных включает в себя возможность совмещения работы, добровольческой деятельности и семьи. С юных лет детям добровольцев прививают культуру безопасности и безвозмездного оказания помощи. На всех этапах школьного образования проходят занятия по безопасности, что влечет за собой в качестве естественного,

логического продолжения совместные проекты с добровольными пожарными в образовательных организациях. Колледжи и университеты дают импульс к деятельности студентов в области добровольных пожарных объединений, который подхватывают, в свою очередь, работодатели. Таким образом, из поколения в поколение передается культура безопасности, основанная на прочном фундаменте из семейных ценностей и жизненных приоритетов.

Представители различных профессий привносят в деятельность добровольных пожарных профессиональный опыт. Независимо от профессиональных навыков, знаний и умений, участники добровольной пожарной охраны проходят дальнейшее обучение и получают дополнительное образование в области защиты населения от пожаров и оказания помощи. Члены добровольной пожарной охраны круглогодично проходят тренировки и всегда готовы прийти на помощь.

Выводы

Исходя из вышеизложенного становится очевидным, что зарубежный опыт, в частности опыт земель Германии в области применения организационно-методических подходов взаимодействия и привлечения добровольцев (волонтеров) к деятельности по обеспечению пожарной безопасности, оказанию помощи населению и организации деятельности добровольной пожарной охраны, может быть использован частично, прежде всего по таким направлениям как:

- законодательно закрепленные эффективные материальные и моральные стимулы для привлечения граждан к добровольному участию в деятельности по предупреждению и тушению пожаров (в том числе и посредством установления альтернативной службы в пожарной охране);
- программы страхования;
- социальная защита интересов добровольных пожарных и членов их семей;
- программы лояльности для организации отдыха;
- программы поощрения работодателей;
- льготы и компенсации для членов добровольной пожарной охраны;
- внедрение на всех уровнях образования дополнительных программ по пропаганде и обеспечению противопожарной безопасности;
- взаимодействие с учебными организациями высшего профессионального образования с целью привлечения их к добровольческой деятельности;
- разработка и последующая реализация научно-исследовательских проектов;
- обучение добровольных пожарных с применением программных средств, адаптированных под вид деятельности;
- расширение сегмента видов мероприятий по пропаганде деятельности добровольной пожарной охраны.

Список источников

1. Савостьянова Е. Психология: как правильно привлекать волонтеров // Милосердие.ru. 2013. 4 сентября. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/psihologiya-kak-pravilno-privlekat-volonterov/> (дата обращения: 16.05.2022).
2. Краткий обзор организаций добровольной пожарной охраны за рубежом // Главное управление МЧС России по Новосибирской области. URL: <https://54.mchs.gov.ru/deyatelnost/kak-stat-dobrovolnym-pozharnym/dobrovolnaya-pozharnaya-ohrana/kratkiy-obzor-organizaciy-dobrovolnoy-pozharnoy-ohrany-za-rubezhom> (дата обращения: 29.05.2022).
3. Recognising employers // Fire and Emergency New Zealand. URL: https://www.fireand-emergency-nz.translate.goog/employers-of-volunteers/recognising-employers/?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 16.05.2022).

4. Menschen in der Freiwilligen Feuerwehr // Feuerwehr Niedersachsen. URL: https://www-feuerwehr-niedersachsen-de.translate.goog/feuerwehr-wiki/feuerwehr-menschen/freiwillige-feuerwehrleute/?_x_tr_sl=de&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 16.05.2022).
5. Freiwillige Feuerwehr Wendelstein // Freiwillige Feuerwehr Wendelstein. URL: <https://www.feuerwehr-wendelstein.de/verein/> (дата обращения: 16.05.2022).
6. Rückblick: Der Ideenwettbewerb. 2018 // Landesportal Sachsen-Anhalt. URL: <https://vollereinsatz.sachsen-anhalt.de/selber-machen/rueckblick-der-ideenwettbewerb-2018/#c223620> (дата обращения: 16.05.2022).
7. Nachrichten // Niedersachsen. 2021. December 1. URL: https://www-ndr-de.translate.goog/ndr1niedersachsen/programm/Feuerwehrverband-Luechow-Dannenberg-erhaelt-NDR-Ehrenamtspreis,ehrenamtspreis104.html?_x_tr_sl=de&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 16.05.2022).
8. Dem Ernstfall einen Schritt voraus: Personalverfügbarkeit immer im Blick // Divera247. URL: <https://www.divera247.com/funktionen.html> (дата обращения: 16.05.2022).
9. Die Zukunft der Freiwilligen Feuerwehr auf dem Prüfstand // Br.de. 2022. January 16. URL: https://www-br-de.translate.goog/nachrichten/bayern/die-zukunft-der-freiwilligen-feuerwehr-auf-dem-pruefstand,SuTtkeq?_x_tr_sl=de&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 26.05.2022).
10. Projekt der TH Nürnberg untersucht ehrenamtliches Engagement in den Freiwilligen Feuerwehren in Bayern // MarktSpiegel. 2021. November 5. URL: https://idw-online-de.translate.goog/de/news778737?_x_tr_sl=de&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 26.05.2022).

Информация об авторах

О. Д. Ратникова — старший научный сотрудник; 143903, Московская область, Балашиха, мкр. ВНИИПО, д. 12;

О. С. Маторина — старший научный сотрудник, подполковник внутренней службы; 143903, Московская область, Балашиха, мкр. ВНИИПО, д. 12;

О. Г. Меретукова — научный сотрудник; 143903, Московская область, Балашиха, мкр. ВНИИПО, д. 12.

Information about the authors

O. D. Ratnikova — Senior Researcher; 12 mkr. VNIIPPO, Balashikha, Moscow region 143903, Russia;

O. S. Matorina — Senior Researcher, Lieutenant Colonel of internal service; 12 mkr. VNIIPPO, Balashikha, Moscow region 143903, Russia;

O. G. Meretukova — Researcher; 12 mkr. VNIIPPO, Balashikha, Moscow region 143903, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 28.06.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 28.06.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья

УДК 342.25

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-365-374

Административно-правовое регулирование добровольных народных дружин в России и Норвегии: сравнительный анализ

Александр Владимирович Хромов^{1, 2, 3✉}, Александр Сергеевич Готовский⁴

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия, a_hromov@mail.ru✉

² Северо-Западный институт управления — филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия, khromov-av@ranepa.ru

^{3, 4} ОБППСП УМВД России по Центральному району г. Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ административно-правового регулирования добровольных народных дружин (ДНД) в Российской Федерации и Норвегии. Рассмотрена их роль в этих государствах, определены основные векторы их деятельности, направленная на обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. В статье освещены и проблемные аспекты, в том числе связанные с материальным стимулированием дружинников, которые способствуют эффективности деятельности последних. По мнению авторов, повышение материального стимулирования участия граждан в охране общественного порядка целесообразно. Участие в народных дружинах — это гражданская инициатива, добровольное проявление активности, желание сделать место, где ты живешь, лучше, помочь другим людям. Но, если в такие общественные организации граждане будут идти в первую очередь с целью получения материального поощрения, желаемого результата это не принесет. Авторы приходят к выводу об отсутствии законодательного регулирования деятельности ДНД. Аргументируется целесообразность принятия Федерального закона «О добровольных народных дружинах» в России, где необходимо расширить полномочия дружинников, обеспечить их социальные гарантии, защиту, и в Норвегии, где нужно урегулировать все аспекты их деятельности.

Ключевые слова: Норвегия, общественный порядок, общественная безопасность, добровольная народная дружина, полиция, социальная поддержка

Для цитирования: Хромов А. В., Готовский А. С. Административно-правовое регулирование добровольных народных дружин в России и Норвегии: сравнительный анализ // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 365–374. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-365-374>

Original article

Administrative and legal regulation of voluntary people's squads in Russia and Norway: A comparative analysis

Alexandr V. Khromov^{1, 2, 3✉}, Alexander S. Gotovskiy⁴

¹ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia, a_hromov@mail.ru✉

² North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia, khromov-av@ranepa.ru

^{3, 4} OBPPSP of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Central district of St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article provides a comparative analysis of the administrative and legal regulation of the voluntary people's squads of the Russian Federation and Norway. The role of people's squads in ensuring public order in the Russian Federation and Norway is considered, the main directions of their activities are determined: ensuring public order and public safety. The article shows some aspects that can be considered as problematic. Among them are aspects of material incentives for vigilantes, which increase the effectiveness of the latter's activities. It seems that increasing the material incentives for citizens to participate in the protection of public order is advisable, but in moderation. Participation in people's squads is a civic initiative, a voluntary manifestation of activity, a desire to make the place where you live better, to help other people. But if citizens go to such public organizations, first of all, because of financial incentives, then the desired result will also not work. The authors come to the conclusion that there is no proper legislative regulation of the activities of voluntary people's squads. The expediency of adopting the Federal Law "On Voluntary People's Squads" is argued, both in Russia, where to expand the powers of the latter, to ensure their social guarantees, protection, and in Norway, where to regulate all aspects of the activities of voluntary people's squads.

Keywords: Norway, public order, public security, voluntary people's militia, police, social support

For citation: Khromov A. V., Gotovskiy A. S. Administrative and legal regulation of voluntary people's squads in Russia and Norway: A comparative analysis. *Sociology and Law*. 2022;14(3):365-374. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-365-374>

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что государство не в силах справиться с растущей преступностью и нарушениями правопорядка. В связи с этим возрастает значимость добровольных народных дружин (ДНД).

Стремление гражданского общества к комфортному сосуществованию предполагает безопасность как главный элемент. Она законодательно закреплена в Конституции Российской Федерации (РФ). Основной Закон нашей страны фиксирует гуманистическую доктрину в дефиниции ценностей россиян. Законодатель не раскрывает понятие «общественный порядок», хотя функциональное определение его отражено в большинстве правовых актов РФ.

Рассматриваемая тема стала предметом исследования таких авторов, как К. Э. Гаврильченко, В. А. Козлов, А. В. Пыжиков, Е. А. Фетисова, Г. Алмонд, Х. Дж. Берман, Т. Н. Фридгут и др. Анализ открытых публикаций о работе ДНД показал, во-первых, что освещение деятельности дружинников специалистами осуществляется преимущественно в контексте взаимодействия ДНД с правоохранительными органами, прежде всего с полицией. Во-вторых, в трудах указанных авторов приведен анализ прошлого и настоящего ДНД, однако стратегии их развития, направления совершенствования деятельности в современной России практически не освещены.

Гипотеза настоящего исследования состоит в следующем: народные дружины могут рассматриваться как эффективная форма содействия населения полиции в охране общественного порядка. Цель исследования предполагает решение нескольких задач:

- охарактеризовать ДНД в России;
- проанализировать особенности ДНД в Норвегии;
- провести сравнительный анализ административно-правового регулирования ДНД в России и Норвегии.

Необходимость постановки разных задач исследования применительно к России и Норвегии вызвана положительным опытом функционирования ДНД в Норвегии и возможностью заимствования этого опыта для России.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил сравнительно-правовой метод исследования (метод юридической компаративистики).

Результаты исследования

Добровольная народная дружина в России — это общественная организация граждан РФ, призванная оказывать помощь государственным органам в установлении и поддержании правопорядка в стране. В России дружинникам предоставляют различные льготы. Перед вступлением в ряды ДНД кандидаты проходят определенную подготовку, но она не является профессиональной. Повышение эффективности их подготовки обусловлено необходимостью налаживания взаимодействия народных дружинников с правоохранительными органами, создания кадрового резерва и возможности трудоустройства кандидатов, более быстрого реагирования на криминогенную ситуацию на территориях проживания граждан.

В Норвегии ДНД действуют на уровне полицейских округов и полицейских (ленсманских) участков. Они проходят определенную подготовку: изучают законодательную базу и приемы самозащиты. Такая подготовка производится на профессиональном уровне. ДНД имеют широкие полномочия, близкие к полномочиям полицейских.

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет заключить, что ДНД в России и Норвегии являются эффективной формой содействия населения полиции в охране общественного порядка. В Норвегии реализуется партисипативный подход к функционированию системы публичного управления, в связи с чем шире вовлеченность граждан в дела государства, успешнее развитие политической и экономической сфер. В России данный подход не применяется, поэтому население неохотно вступает в ДНД. В аспекте нормативно-правового регулирования следует отметить, что в Норвегии отсутствует закон, регулирующий деятельность ДНД. В России применяется Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

Добровольные народные дружины в России

Социальный статус общества во многом зависит от состояния сферы охраны общественного порядка. Поэтому данная сфера является объектом пристального внимания государства и его институтов, которые испытывают нужду в соответствующих инструментах охраны общественного порядка.

Полицейские многих государств зачастую не справляются с охраной общественного порядка и привлекают к этому добровольцев [1, с. 105]. В России дружины называют институтом гражданского общества¹.

Принципы взаимодействия полиции с институтами гражданского общества могут быть сформулированы в следующем виде:

- взаимная заинтересованность в создании условий правопорядка и общественной безопасности;
- единое понимание противоправного поведения, основанного на принципах законности и высокой правовой культуре общества;
- системность, постоянство и координация совместной деятельности;
- добровольная и инициативная форма участия субъектов гражданского общества в осуществлении мер по обеспечению общественного порядка и безопасности.

В обеспечении и охране общественного порядка, общественной безопасности заинтересован каждый человек, поскольку при отсутствии правопорядка и законности невозможна ни частная, ни социальная жизнь. Дружины привлекают в целях охраны общественного порядка.

Законодатель в Конституции РФ не дает четкого определения, что подразумевается под термином «общественный порядок». Дискурс находит отражение в юридической литературе, но единого доктринального мнения относительно понятия «общественный порядок» до настоящего времени нет.

Дискуссионность проявляется и в законодательстве. Так, гл. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» посвященная общим положениям, не детализирует базовые понятия, а только декларирует. Среди них — дефиниция «общественный порядок». Вместе с тем законодатель возложил и обязал выполнить, согласно ст. 1, эту задачу на федеральный орган — полицию.

Расхождения по принципиальному позиционированию «общественный порядок» в среде ученых не прослеживаются. В теории права представлены различные воззрения относительно определения «общественный порядок». Последний рассматривается как «...правоотношения, возникающие в развитии и влияющие на строгое соответствие нормам права», которые «...обеспечивают реализацию целевой деятельности» [2, с. 37]; «...систематизация общественного отношения и установления в результате неуклонного осуществления предписанных правовых норм всеми субъектами права»; «...множество значений общественного образа, отраженных в праве»; «...общественные отношения, регулируемые правом, гарантирующие его исполнение субъективных обязанностей, обеспечиваются их правомерным поведением». В контексте приведенных фрагментов суждений отечественных ученых в отношении термина «общественный порядок» уместным, на наш взгляд, видится высказывание профессоров Н. И. Матузова и А. В. Малько, которое гармонично вписывается в функциональность деятельности полиции: «...общественный порядок является ядром, центральным элементом правопорядка» [2, с. 38].

Нельзя не признать и правомерность мнения о том, что общественный порядок регулируется не только правовыми нормами, но и иными социально-нравственными элементами, а также совокупностью технико-юридических правил. Основным субъектом обеспечения общественного порядка выступают органы внутренних дел, которые, в свою очередь, с целью оказания помощи могут привлекать дружинников.

¹ Народные дружины // Министерство внутренних дел РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/peoples-guard> (дата обращения: 25.06.2022).

Во всей гамме многосубъектности правоотношения строятся по принципу «власть — подчинение». Отдельно от всех находится и обязательно присутствует общество. Оно выражает свои притязания на обеспечение общественного порядка в материальном и/или духовном плане. Изложенное позволяет нам убедительно говорить о наличии многосубъектности, присутствующей в сфере обеспечения общественного порядка.

ДНД проходят определенную подготовку, которая не является профессиональной [3, с. 186]. Как нам представляется, подготовка дружинников должна быть профессиональной, поскольку они принимают участие именно в правоохранительной деятельности, выходят на дежурства вместе с сотрудниками Министерства внутренних дел (МВД) РФ, пресекают правонарушения, тем самым зачастую подвергая свою жизнь опасности.

В контексте этого обратим внимание на существующую дискуссию. Подготовка дружинников — одна из составляющих внутреннего, организационного совершенствования деятельности ДНД. К иным элементам такого совершенствования одни авторы относят создание ДНД, специализирующихся на реализации отдельных функций, возложенных на ДНД. Другие авторы высказываются против такой специализации. Противоположную точку зрения они мотивируют тем, что если разделять народные дружины по специализации, то придется привлекать дружины в зависимости от сложившейся ситуации [4, с. 17].

Потребность в объединении ДНД обусловлена и организационными аспектами (оперативностью управления, упрощением отчетности и т. д.), и наличием правовой преграды для должной работы ДНД: члены ДНД не имеют полномочий действовать за границами территории, установленной для организации ее деятельности решением представительного органа соответствующего муниципального образования (многие считают, что если деятельность дружины ограничена определенными границами, которые устанавливаются муниципальными решениями, если народный дружинник вышел за свою границу и увидел правонарушение, он должен пройти мимо и ничего не сделать). Однако это не так. Дружинники, как и полиция, действуют на гораздо большей территории, поскольку не хватает людей для обслуживания ее в целом.

Еще одна проблема — короткий срок имеющейся подготовки, который включает в себя 25 инструктажей (из расчета не более 15 минут занятия в каждом инструктаже). За этот незначительный период дружинникам требуется освоить большой объем информации, сформировать умения взаимодействия с правоохранительными органами, в частности с полицией. Кроме того, от них требуется выдержать немалую психологическую нагрузку [5, с. 35]. В связи с этим видится целесообразным увеличить количество инструктажей до 50, при этом выделить по 30 минут на каждый.

В соответствии с чаще всего наблюдающимися векторами деятельности народных дружинников модули обучения обычно спроектированы по трем направлениям. Первый модуль — «Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних», второй — «Профилактика правонарушений и преступлений иностранными гражданами», третий — «Охрана общественного порядка».

Для поддержания создания таких добровольческих отрядов формируют координационные штабы. В некоторых регионах создают муниципальные программы для поддержания работы и формирования народных дружин. К примеру, реализуется программа под названием «Профилактика правонарушений и противодействие преступности в Хабаровском муниципальном районе на 2020–2023 годы». В ней описаны меры, которые входят в обязанности государства. Иными словами, государство должно:

- привлекать граждан в народные дружины и стимулировать их при участии в поддержании правопорядка;
- платить зарплату ежемесячно таким гражданам на официальном уровне.

Народные дружины активно сотрудничают с МВД РФ. Это проявляется прежде всего в дежурствах, осуществляемых дружинниками. Такие дежурства проходят по строго определенному графику и плану, установленному МВД РФ. Важна роль ДНД и в охране правопорядка на общественных мероприятиях. Помимо этого, взаимодействие проявляется в следующем. При получении информации о правонарушениях (к примеру, многие подсказывают, где молодежь шумно проводит время, или жалуются на соседей) дружинники передают «сигналы» о происходящем в парках, скверах, на набережных дежурному полиции. Больше всего протоколов составляют именно за нахождение в нетрезвом состоянии в общественном месте и нецензурную брань.

Анализ понятия «общественное место» и его признаков имеет существенное практическое и теоретическое значение. Поэтому необходимо официально закрепить данное понятие на законодательном уровне. Дать законодательное определение понятия «общественное место» необходимо прежде всего для того, чтобы появился единый подход к содержанию дефиниции, поскольку этот термин широко используется в законодательной практике, в научных работах и общественной жизни.

Считаем необходимым классифицировать общественные места по различным основаниям. Практическую ценность будет иметь деление общественных мест на виды. Следует различать общественные и публичные места. Можно сформулировать такое определение: под «общественным местом» следует понимать место публичного общения, взаимодействия (пребывания) людей для достижения жизненных целей и удовлетворения различных жизненных потребностей, которое свободно для доступа неопределенному кругу лиц, а также место их фактического нахождения.

С учетом изложенного можно отметить, что главная функция народных дружин во многом не соответствует их законодательно закрепленному предназначению. Несмотря на риски, которым могут быть подвергнуты ДНД, у дружинников немного правовых гарантий защиты и мер поощрений, льгот. В связи с этим в ряды ДНД граждане вступают неохотно.

В данном контексте укажем, что в период существования СССР много внимания было уделено работе, связанной с доведением до граждан мысли о том, что мероприятия по охране общественного порядка с участием граждан очень важны и необходимы. ДНД должны были не только поддерживать общественный порядок, патрулировать улицы, бороться с правонарушителями, пресекать хулиганство, пьянство, различные антиобщественные проступки, но и способствовать воспитанию «нового советского человека». Постепенно народные дружины стали массовым явлением. За участие в охране общественного порядка дружинники в основном получали моральные поощрения: им объявляли благодарности, вручали грамоты, их имена помещали на доску почета, особо отличившихся награждали нагрудным знаком «Отличный дружинник».

Большим стимулом к вступлению в члены ДНД была возможность получить дополнительные выходные (отгулы) и дни к своему отпуску. Так, например, за 12 выходов на дежурство дружиннику полагалось три оплаченных дня к отпуску. Иногда их награждали ценным подарком, а за особые заслуги в выполнении общественного долга, проявленные при этом мужество и героизм народных дружинников могли представить к государственным наградам.

Сегодня такие меры поощрения отсутствуют. Осталась символическая льгота: преимущественное право получения путевок в санаторий. Если обычному граж-

данину нужно находиться в очереди за ней в течение пяти лет, дружиннику — 4,5 года. Но фактически дождаться путевку было очень сложно.

Администрации поддерживают ДНД финансовыми средствами, но незначительными. Такая оплата несоразмерна труду последних. Думается, вопрос об оплате труда дружинников следует пересмотреть. Несправедливо все расходы по финансированию ДНД накладывать на муниципалитеты, областной бюджет тоже должен участвовать.

Таким образом, к факторам, снижающим эффективность ДНД, можно отнести недостаточный уровень их финансового обеспечения, мобилизационный характер создания, отдельные стороны подготовки дружинников [6, с. 184]. Полагаем, учет влияния выявленных причин и факторов в политике совершенствования взаимодействия народных дружин и полиции позволит повысить результативность деятельности правоохранительных органов по обеспечению безопасности населения, будет способствовать повышению статуса ДНД как элементов гражданского общества.

Добровольные народные дружины в Норвегии

Институт народных дружин в Норвегии известен с давних времен [7, р. 189]. На законодательном уровне этого государства ДНД не отведено такого места, как в России, и нет специального закона, регулирующего их деятельность. Однако эта деятельность со стороны местной полиции активно поддерживается [8, р. 35].

Норвежская полиция имеет три уровня, на двух из которых действуют ДНД. Первый уровень — Национальное управление полиции Министерства юстиции РФ и полиции, второй — полицейский округ, третий — полицейские (ленсманские) участки [9]. ДНД действуют на двух последних уровнях. Они осуществляют деятельность как общественные организации, создаваемые по месту жительства. ДНД не имеют государственно-властных полномочий, их деятельность локальна, функции строго ограничены, что уменьшает риск для жизни и здоровья.

Важное значение имеет подготовка дружинников. Процесс их подготовки служил предметом государственного регулирования и социального обоснования по мере становления, роста и утверждения государственности в разных странах, определения функций и задач дружин. На протяжении многих лет и до настоящего времени в большинстве стран организация, содержание и формы подготовки ДНД установлены нормативными правовыми актами, которые не только определяют практику подготовки дружинников, но и ее принципиальные, концептуальные основы. В одних странах подготовка осуществляется до зачисления в ряды дружинников, в других — после назначения на должность, но без допуска к самостоятельным дежурствам.

ДНД в Норвегии также проходят определенную подготовку, в том числе изучают законодательную базу и приемы самозащиты. Носить оружие разрешено не всем, но это возможно: для этого требуется специальное разрешение. В Норвегии ДНД имеют широкие полномочия, близкие к полномочиям полицейских. Народные дружинники имеют право:

- требовать прекратить противоправные деяния;
- оказывать содействие полиции при охране общественного порядка;
- применять физическую силу, если жизни и здоровью дружинника или другого человека что-то явно угрожает;
- применять огнестрельное оружие при необходимости.

Помимо прав, народные дружинники несут определенные обязанности. В число последних входит ношение формы, предъявление удостоверения. Они обязаны оказывать первую помощь гражданам. В связи с этим народные дружинники

Норвегии проходят специальную подготовку именно в данном направлении. Итак, народные дружины Норвегии обладают наиболее широким спектром полномочий, чем ДНД в России.

Административно-правовое регулирование ДНД в России и Норвегии: сравнительный анализ

Организация и порядок профессионального роста ДНД за рубежом имеет существенные отличия от работы, которая проводится кадровыми службами в России. Это связано, полагаем, с меньшей, по сравнению с зарубежными странами, престижностью и уровнем оплаты труда сотрудников ДНД, а нередко — с их меньшей правовой защищенностью в случаях, например, применения оружия, силовых приемов задержания. Вместе с тем изучение зарубежного опыта может быть полезным в условиях завершения реформирования ДНД России и определения перспективных путей их дальнейшего развития.

Сравнительный анализ административно-правового регулирования ДНД в России и Норвегии говорит о том, что народные дружины в обеих странах могут рассматриваться как эффективная форма содействия населения полиции в охране общественного порядка. В Норвегии реализуется партисипативный подход к функционированию системы публичного управления, в связи с чем шире вовлеченность граждан в дела государства, успешнее развитие политической и экономической сфер. В России рассматриваемый подход не применяется, поэтому население неохотно вступает в ряды ДНД.

При этом было бы уместным привлекать в ряды ДНД молодежь. В последние годы политика России направлена на поддержание гражданской активности, особенно среди молодого поколения [10, с. 34]. Зачастую молодые люди не хотят принимать участие в общественной жизни, что может быть обусловлено недостаточным уровнем развития мотивационно-ценностной сферы [11, с. 129]. Одни исследователи отмечают, что сегодня у молодежи преобладают личностные ориентиры, а также снизилась важность таких качеств, как сознание и чувство общественного долга, честность [12, с. 139]. Другие авторы пишут о том, что пессимистичные прогнозы развития нашего общества не совсем оправданы и что молодые люди нередко создают волонтерские движения [13, с. 271].

Думается, в рядах ДНД будут приветствоваться такие личностные качества, как значительная умственная и физическая устойчивость, выносливость. Дружинник должен быть в состоянии выполнять различные задачи при значительном уровне стресса, быть любознательным, способным быстро учиться, уметь отстаивать интересы и нужды своего отряда.

Как нам представляется, наиболее действенными материальными стимулами участия в ДНД молодежи могут стать предоставление абонементов для посещения спортивных залов, бассейнов, фитнес-центров, культурно-массовых мероприятий (киносеансов, спектаклей, музейных выставок и т. д.), компенсация оплаты за проезд в общественном транспорте, обеспечение добровольным медицинским страхованием. Следует учитывать и нематериальные аспекты интенсификации работы ДНД. На наш взгляд, движущим мотивом работы в ДНД должна стать идея о том, что безопасность другого человека является залогом личной безопасности потенциального дружинника, его близких и родственников.

Анализ позволил выявить ряд проблем при реализации деятельности народных дружин в России (отсутствие заинтересованности в участии в народных дружинах широких слоев населения и мобилизационный характер их создания, усеченный в сравнении с мировой практикой объем полномочий народных

дружинников, несовершенство системы их подготовки, недостаточность мер социальной поддержки ДНД) и в Норвегии (отсутствие должного законодательного регулирования деятельности ДНД).

В целях совершенствования деятельности ДНД целесообразно внедрять и новые технологии. Речь идет о цифровых технологиях: камерах наблюдения, интернет-программах для взаимодействия дружинников и полиции. Положительным видится и введение единой формы одежды для дружинников, которая бы заменила применяемые сегодня повязки.

Выводы

Проведенное исследование позволило сделать вывод об отсутствии должного законодательного регулирования деятельности ДНД. С учетом изложенного видится целесообразным принятие Федерального закона «О добровольных народных дружинах», как в России, где необходимо расширить полномочия последних, обеспечить их социальные гарантии, защиту, так и в Норвегии, где нужно урегулировать все аспекты деятельности ДНД.

Дружинники проходят определенную подготовку, не являющуюся профессиональной. Полагаем, подготовка дружинников должна быть профессиональной, поскольку они участвуют именно в правоохранительной деятельности, выходят на дежурства вместе с сотрудниками МВД РФ, пресекают правонарушения, тем самым зачастую подвергая жизнь опасности.

Еще одна проблема — короткий срок имеющейся подготовки, который включает в себя 25 инструктажей (из расчета не более 15 минут занятия в каждом инструктаже). За такой незначительный период дружинникам требуется освоить большой объем информации, сформировать умения взаимодействия с правоохранительными органами, в частности с полицией. Кроме того, от них требуется выдерживать немалую психологическую нагрузку. В связи с этим видится целесообразным увеличить количество инструктажей до 50 и выделить по 30 минут на каждый.

Несмотря на риски, которым могут быть подвергнуты ДНД, у них немного правовых гарантий защиты и мер поощрений, льгот. Поэтому в ряды ДНД граждане вступают неохотно. Для эффективного взаимодействия полиции и ДНД важно предусмотреть следующее:

- обязательное соблюдение законодательных актов;
- совместное взаимодействие при решении любых проблем в обществе;
- соблюдение так называемых правил компетенции вышеуказанных органов;
- рациональное использование своих возможностей;
- наличие единой системы информации.

Предлагается ввести обязательные курсы на базе МВД РФ по физической подготовке дружинников и оказанию первой помощи пострадавшему, а также разработать методические рекомендации по их правовой подготовке.

Список источников

1. *Ходжаева Е. А.* Возрождение ДНД (добровольных народных дружин) в России: пример навязанной сверху мобилизации // *Laboratorium: журнал социальных исследований.* 2019. № 3. С. 105–141. DOI: 10.25285/2078-1938-2019-11-3-105-141
2. *Мархгейм М. В.* Правоведение: учебник. 8-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 70 с.
3. *Добров А. Н., Баранова С. А.* Основные проблемы привлечения граждан к охране общественного порядка и пути их решения // *Право и государство: теория и практика.* 2019. № 10 (178). С. 186–188.
4. *Зимин С. П.* Народные дружины как форма предупреждения преступности гражданским обществом // *Science Time.* 2021. № 7 (91). С. 17–20.

5. Гуз О. М., Елесина И. Г. Теоретическая модель подготовки народных дружинников в системе МВД России // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 51-1. С. 35–37. DOI: 10.18411/lj-06-2019-08
6. Сеитбекиров А. А. Правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности // Научное и образовательное пространство в условиях вызовов современности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Интерактив плюс, 2021. С. 184–186.
7. Frederick S. Starr. Red and Hot: The Fate of Jazz in the Soviet Union. New York: Oxford University Press, 1983. 525 p.
8. Boer d. M., Pyo C. Good Policing: Instruments, Models and Practices. Singapore: Asia-Europe Foundation, 2011. 104 p.
9. Simonson J. Copwatching // California Law Review. 2016. Vol. 104. P. 393–447.
10. Матюшенков Д. М. Деятельность кибердружин в сфере охраны общественного порядка // Современный юрист. 2021. № 1 (34). С. 34–42.
11. Клейменов Е. А. Состояние и проблемы взаимодействия полиции и народных дружин в социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 2 (95). С. 129–143. DOI: 10.22394/1818-4049-2021-95-2-129-143
12. Ванюшина И. Н. Организация профессиональной подготовки сотрудников полиции королевства Норвегии // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2020. № 2 (15). С. 139–147.
13. Новоселов А. И. Добровольные народные дружины как фактор профилактики правонарушений // Вестник современных исследований. 2019. № 1.6 (28). С. 271–275.

Информация об авторах

А. В. Хромов — аспирант кафедры административного права (СПБУТУиЭ); 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; преподаватель факультета среднего профессионального образования (СЗИУ РАНХиГС); 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43; полицейский; 197198, Санкт-Петербург, Мытнинская ул., д. 3; <https://orcid.org/0000-0003-2418-9031>;

А. С. Готовский — командир отделения; 197198, Санкт-Петербург, Мытнинская ул., д. 3; <https://orcid.org/0000-0001-6856-4740>.

Information about the authors

A. V. Khromov — postgraduate student at the Department of Administrative Law (UMTE); 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; teacher at the Faculty of Secondary Vocational Education (NWIM RANERA); 57/43 Sredniy Ave. V. O., St. Petersburg 199178, Russia; policeman; 3 Mytninskaya str., St. Petersburg 197198, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-2418-9031>;

A. S. Gotovskiy — squad leader; 3 Mytninskaya str., St. Petersburg 197198, Russia; <https://orcid.org/0000-0001-6856-4740>.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 16.05.2022; approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья

УДК 343.9.01

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-375-382

Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступные деяния в сфере экономики с использованием информационно-коммуникационных технологий

Екатерина Николаевна Рязанова^{1, 2}

¹ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области,

Санкт-Петербург, Россия, sbrzyazanova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1666-1968>

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье дана криминологическая характеристика личности преступника, совершающего деяния в сфере экономики с использованием информационно-коммуникационных технологий. Автором применены методы статистического, сравнительно-правового анализа, формальной логики. Утверждается, что факторами, влияющими на формирование личности преступника, являются внешние условия, обуславливающие определенную ситуацию, оказывающую воздействие на поведение человека, и внутренние условия — свойства психики индивида, сформированные в процессе социального общения. Выявлены присущие личности преступника социально-демографические, уголовно-правовые, нравственно-психологические признаки. Кроме того, установлена необходимость введения нового криминологического понятия «латентный субъект». Такое лицо занимается планированием преступной деятельности, разрабатывает механизм совершения деяния, используя для этого информационно-коммуникационные технологии, в том числе в целях сокрытия своей личности, оставаясь тем самым «невидимым» для правоохранительных органов. К обстоятельствам, способствующим повышению эффективности выявления и раскрытия преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий, отнесены деанонимизация информационного пространства, возможность идентификации пользователей сети Интернет. Согласно авторской позиции, изучение личности преступника и введение нового понятия «латентный субъект» помогут принять своевременные меры реагирования в рамках предупреждения преступлений в информационной сфере.

Ключевые слова: личность преступника, латентный субъект, информационно-коммуникационные технологии, преступления в сфере экономики

Для цитирования: Рязанова Е. Н. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступные деяния в сфере экономики с использованием информационно-коммуникационных технологий // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 375–382. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-375-382>

Criminological characteristics of the personality of a criminal who commits criminal acts in the sphere of the economy using information and communication technologies

Ekaterina N. Ryazanova^{1, 2}

¹ Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region, St. Petersburg, Russia, spbryazanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1666-1968>

² St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article deals with the criminological characteristics of the personality of a criminal who commits acts in the sphere of the economy using information and communication technologies. The author used statistical, comparative legal, analysis, formal logic as research methods. It is noted that the factors influencing the formation of the offender's personality are external conditions that cause a certain situation that affects human behavior and internal conditions — the properties of the psyche of a particular individual, formed in the process of social communication. The main criminological characteristics of the offender's personality are studied, the socio-demographic, criminal-legal, moral-psychological characteristics inherent in him are determined. In addition, as part of the study of the identity of the offender, the need to introduce a new criminological concept of "latent subject" has been established. Such a person is engaged in direct planning of criminal activity, develops a mechanism for committing an act, using information and communication technologies for this, including to hide his identity, thus remaining "invisible" to law enforcement agencies. At the same time, as a circumstance that will help improve the efficiency of detecting and solving crimes in the field of information and communication technologies, there will be deanonymization of the information space, the ability to identify network users the Internet. Thus, the study of the personality of the offender and the introduction of a new concept of "latent subject" will contribute to the adoption of timely preventive response measures in the framework of the prevention of crimes in the information sphere.

Keywords: criminal personality, latent subject, information and communication technologies, economic crimes

For citation: Ryazanova E. N. Criminological characteristics of the personality of a criminal who commits criminal acts in the sphere of the economy using information and communication technologies. *Sociology and Law*. 2022;14(3):375-382. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-375-382>

Введение

В последнее десятилетие произошло уголовно-правовое закрепление в качестве преступления противоправных деяний в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Предпосылкой послужило расширение применения информационных технологий в области предоставления электронных услуг, предоставляющих возможность совершения платежей и переводов в удаленном режиме.

Внедрение в повседневную жизнь общества инноваций привлекательно и для криминального мира, использующего новые технологии в своих целях.

Совершенствуются угрозы криминального характера, схемы преступных деяний становятся все более изощренными, появляются новые формы преступного поведения. Преступники активно применяют методы «социальной инженерии», а также высокотехнологические возможности, позволяющие при совершении противоправных деяний скрывать свою истинную личность. Наиболее распространенным деянием среди преступлений ИКТ в сфере экономики стало хищение, совершаемое путем кражи или мошенничества, значительный рост которых связан с относительной простотой их совершения. Несмотря на специфику преступлений в сфере ИКТ, совершить их могут как лица, обладающие определенными знаниями и навыками, необходимыми при использовании информационных технологий, так и не имеющие таковых. При этом жертвами чаще всего становятся незащищенные слои населения предпенсионного или пенсионного возраста.

В связи с этим особый интерес вызывает криминологический портрет личности преступника. Однако всестороннее исследование «личности преступника» в случае применения информационных технологий затрудняется спецификой работы в сети Интернет, позволяющей оставаться анонимным на всех стадиях преступных деяний.

Теория

Традиционно в научной литературе личность преступника рассматривают с позиции личности человека, совершившего преступное деяние, под воздействием имеющихся у него психологических особенностей, антиобщественных взглядов, негативного отношения к нравственным ценностям, посредством общественно опасного пути удовлетворения имеющихся у него потребностей [1, с. 10]. Социальные характеристики личности преступника находятся во взаимосвязи с его индивидуальными особенностями, а также факторами, влияющими на его поведение.

В качестве факторов выделяют внешние условия, обуславливающие определенную ситуацию, оказывающую воздействие на поведение человека и внутренние условия — свойства психики конкретного индивида, сформированные в процессе социального общения. Таким образом, криминологи, рассматривая личность преступника, выделяют объективные, характеризующие социальные позиции (роли) личности, и субъективные признаки, определяемые психологическими особенностями, морально-ценностными установками, потребностями, мотивами индивида.

Изучение личности преступника имеет и теоретическое, и практическое значение. Противодействовать тому или иному виду преступности эффективными средствами возможно только, изучив все криминологические аспекты, в том числе личность преступника. Это позволит анализировать преступное поведение и разрабатывать методику его прогнозирования.

В последнее время изучению личности преступника, совершающего деяния в сфере ИКТ, уделяют повышенное внимание. Данный вопрос в исследованиях поднимают М. Ю. Батулин, Р. Р. Гайфутдинов, Р. И. Дремлюга, А. С. Клецева, Н. И. Костенко, Е. А. Маслакова, А. Л. Осипенко, М. А. Простосердов и др. Ученые-криминологи выделяют социально-демографические, уголовно-правовые, нравственно-психологические признаки личности преступника.

Обсуждение и результаты

Согласно статистической отчетности¹, 35 % преступлений с использованием ИКТ совершают лица 30–39 лет, 21 % деяний приходится на 18–24-летних, 17 % — на лиц 25–29 лет, по 16 % — на лиц 40–49, 50 лет и старше, среди несовершеннолетних — 4 % деяний. Учащиеся средних и средних специальных учебных заведений совершают в среднем 4 % преступлений, студенты высших учебных заведений — 1 %, лица, имеющие высшее профессиональное образование, — 11,5 %. Женщины совершают каждое пятое такое преступление (20 %). Две третьих деяний приблизительно приходится на лиц, не имеющих постоянного источника дохода (65 %).

В 38 % случаев преступные деяния осуществлялись с помощью средств мобильной связи, в 25 % — с использованием расчетных (пластиковых) карт, 6 % — компьютерной техники, 1,5 % — программных средств. Общение между преступником и жертвой в 70 % случаев происходило через сеть Интернет, 12 % — посредством интернет-мессенджеров, 7 % — через социальные сети, 4,5 % — электронные платежные системы. В 12,6 % случаев применены методы «социальной инженерии».

При рассмотрении социально-демографических признаков личности преступника, помимо гендерных и возрастных критериев, наличия образования, необходимо обратить внимание на социальный статус преступника, совершающего деяния в сфере ИКТ, в обществе. Еще в учениях К. Маркса обоснована зависимость социальной позиции в обществе от образа жизни индивида.

В возрастном диапазоне 30–39 лет, особенно у лиц мужского пола, высока потребность в самоутверждении. При этом уровень образования преступников указывает на отсутствие сформированных свойств, необходимых для достижения определенных социальных ролей, построения карьеры. Фактором, подталкивающим таких лиц к действию, становится стремление получить максимальное количество жизненных благ при отсутствии реальной возможности сделать это [2, с. 114].

Нравственно-психологические признаки находятся в тесной взаимосвязи с морально-ценностными установками индивида, деформация которых лежит в основе совершения противоправных деяний. Существенное влияние в данном процессе оказывает социальная среда, к которой относится человек. Изначально именно окружение влияет на возникновение противоречий в имеющихся у индивида убеждениях. В дальнейшем деформация моральных установок влечет за собой изменение вектора ценностных ориентаций человека и, как следствие, трансформацию правосознания. Данные процессы оказывают существенное влияние в итоге на выбор преступного поведения.

Одним из инструментов воздействия социальной среды на преступное поведение индивида служит социальный контроль, который может осуществляться как формальным, так и неформальным способом. Люди с большей вероятностью совершат преступление, если они меньше ощущают над собой возможности отслеживания их поведения. Такую свободу действий в настоящее время и представляют ИКТ. Формальный социальный контроль представляет собой совокупность установленных на законодательном уровне правил поведения и системы

¹ Статистические сведения формы «4-ЕГС». Раздел 9 «Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации», введенные в действие приложением № 4 к приказу МВД России от 28 февраля 2012 г. № 134 «О статистической отчетности органов внутренних дел». Данные предоставлены по состоянию на 1 июля 2022 г.

принуждения их исполнения, будучи тем самым одним из механизмов противодействия совершению противоправных деяний.

Неформальный социальный контроль осуществляется социальной группой, в которой находится индивид (родственники, коллеги, друзья и т. д.). При этом важную роль играет влияние общественного мнения, формируемого под воздействием установок, получаемых из массмедиа.

Высока роль влияния информационного воздействия. В современных средствах массовой информации (СМИ), социальных сетях культивируется образ успешного, богатого человека, не прикладывающего значительных усилий для достижения такого уровня жизни, не имеющего фактически профессии, реализовываясь в которой возможно достичь желаемого результата. Разнообразные рекламные компании, транслируемые в массмедиа, ориентированы на потребление дорогостоящих товаров категории люкс и продуктов, которые человеку со средним заработком сложно приобрести. В обществе произошла трансформация востребованных ранее ценностных ориентиров, преобладающими личностными качествами стали такие, как коммуникабельность [3, с. 145] и ориентированность на индивидуальные желания. Такой род целеустремленности, не учитывающий потребности общества, направлен на достижение материального благополучия любыми возможными средствами. В этой связи привлекательным становится возможность заработка в сети Интернет, позволяющая извлекать прибыль не создавая определенного продукта, что также влечет возникновение преступных возможностей для злоумышленников.

Итак, культивируемый в массмедиа тип современного успешного молодого человека, обладающего материальными благами, позволяет вовлекать в преступность в сфере ИКТ новых участников, желающих подражать другим [4, с. 14]. Мотивация таких лиц характеризуется как исключительно корыстная. Главная цель преступника — получение денежных средств для удовлетворения своих потребностей. Исследователи пишут о том, что корыстный мотив присутствовал в 65 % случаях совершения этих преступных деяний. Другими мотивами были любопытство (11 %), совершение преступления под влиянием извне (6 %) [5, с. 59] и др. При этом 47,5 % всех деяний в сфере экономики с использованием ИКТ совершены в крупном или особо крупном размерах.

Вместе с тем лишь треть преступлений совершены лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности (28 %). Таким образом, по итогам анализа имеющихся сведений о социально-демографических, нравственно-психологических и уголовно-правовых признаках мы видим, что преступления совершаются в большинстве случаев с корыстным мотивом лицами, ранее не привлекаемыми к уголовной ответственности ввиду возраста, обладающими определенным жизненным опытом, потребностями в самоутверждении и удовлетворении своих материальных желаний.

По экспертным данным, около 30 % раскрытых деяний в сфере экономики информационно-коммуникационного характера относятся к категории «бытовых хищений», то есть совершены родственниками или знакомыми жертв. Однако существенный массив совершается лицами, ранее не общавшимися с потерпевшими. Уголовно-правовые меры применены только к 1,5 % преступников, причинивших своими действиями крупный или особо крупный ущерб. Остальные лица не выявлены.

При 30 % раскрываемости 28 % всех расследованных преступных деяний совершены по предварительному сговору, одна половина которых в составе группы лиц (13,7 %), другая — организованной группы или преступного сообщества (14 %). Установление членов организованных групп и преступных сообществ,

действующих в плоскости ИКТ, затруднительно. Сложности связаны с особенностями информационного пространства, анонимностью нахождения в нем. Чем более квалифицированы преступники, тем профессиональнее они скрывают следы преступления. Учитывая особенности функционирования организованных преступных групп и преступных сообществ, распределение ролей внутри них, выявляют и задерживают членов, имеющих наиболее низкое положение в иерархии, так называемых первичных исполнителей. В настоящее время активность преступных групп, занимающихся хищением с использованием ИКТ, остается высокой. Преступники выманивают значительные суммы денежных средств, накопленных гражданами. За шесть месяцев 2022 г. материальный ущерб от этих преступлений в России составил более 45 млрд рублей.

Изучив материалы уголовных дел о преступлениях, совершенных в групповых формах, мы выявили определенные закономерности. Так, в показаниях обвиняемых зачастую содержится информация о неких лицах, от которых получены указания на совершение противоправных деяний. К тому же такое общение осуществлялось посредством ИКТ, лицо, дававшее инструкции относительно действий, скрывало свою личность, используя для этого программы-маскировки, анонимайзеры, прокси-серверы [6, с. 43] и иные технологические возможности. Знакомство и общение с такими лицами начинается в сети Интернет, может переходить в дальнейшем в мессенджеры.

Такие лица открыто не проявляются, однако выступают в роли организаторов преступных деяний, разрабатывают механизмы их совершения, реализуют подготовительные стадии, приискивают исполнителей, но остаются в большинстве случаев неуловимыми для правоохранительных органов. В основном организаторы такой деятельности находятся вне юрисдикции России на территории сопредельных государств.

По данным МВД России раскрываемость преступлений, совершенных с использованием ИКТ составляет всего 30 %, большинство уголовных дел (66 %) приостанавливается в связи с неустановлением лица, совершившего противоправное деяние.

Это связано в том числе с тем, что правоохранительными органами пресекается деятельность преступников, действующих на территории Российской Федерации (РФ). Однако установить лиц, находящихся на территории других государств, особенно в странах бывшего социалистического лагеря, в отсутствие в настоящее время взаимодействия правоохранительных органов невозможно.

Например, в августе 2022 г. пресечена деятельность группы лиц, вступивших в преступный сговор с неустановленными лицами, находящимися на территории Украины, которые, представляясь сотрудниками правоохранительных органов и служб безопасности различных банков, совершали хищение денежных средств у граждан, проживающих в России. Максимальная сумма изъятого у одного гражданина составила 12,5 млн рублей. При этом с территории Украины осуществлялось общее руководство преступной группой, звонки, предоставлялась информация о персональных данных граждан РФ, открывались счета в финансово-кредитных организациях, дистанционно подбирались сотрудники в регионах РФ для осуществления преступного замысла. Злоумышленники, действующие на территории РФ, в соответствии с полученными указаниями осуществляли координацию деятельности по получению денежных средств от потерпевших и их дальнейший перевод на счета, зарегистрированные на подставных лиц, для последующего их обналичивания за границей. И это далеко не единичный случай. Деятельность таких групп периодически пресекают на территории РФ.

Следовательно, существуют лица, установить личность которых практически невозможно, как и доказать их преступную деятельность. Вместе с тем они играют основную роль в организации преступления, являясь ключевым ее звеном — организатором и идейным вдохновителем. В этом и проявляется латентность такого лица. Кроме того, сотрудники правоохранительных органов, расследуя уголовное дело, могут получить информацию о причастности к совершению преступления с использованием ИКТ третьих лиц, но для недопущения снижения показателей своей деятельности не документируют ее. Жертва преступлений также не всегда осознает противоправные деяния в отношении себя и обращается с заявлением в правоохранительные органы. Мы видим, что применительно к данным лицам обнаруживаются такие криминологические характеристики, как неустановленность, неучтенность, нераскрытость.

Для обозначения указанных лиц предлагаем в криминологическом аспекте ввести понятие «латентный субъект». Проблема невозможности всестороннего изучения характеристик «латентного субъекта» связана с возникающими техническими трудностями его установления, проблемами взаимодействия с правоохранительными органами других стран. Но уже сегодня, руководствуясь отрывочной информацией, можно составить схематичный портрет данного лица. У такого преступника существует корыстный умысел на совершение деяния, он обладает высокими коммуникативными и актерскими способностями, знает русский язык, а также имеет представление о системе органов государственной власти, финансово-кредитных организациях, компаниях, действующих на территории РФ. Такие знания позволяют «латентному субъекту» создавать легенды для деятельности подконтрольных ему лиц, которые в дальнейшем, представляясь сотрудниками предприятий, учреждений, организаций, воплощают в действие разработанные сценарии, вынуждая жертв перечислять им денежные средства. Успешность подобных операций обусловлена использованием программ, позволяющих скрывать IP-адрес абонента, и системы моментальных банковских переводов. В большинстве изученных нами материалов уголовных дел задержанные лица считали, что дистанционно они общаются с лицами мужского пола средних лет.

Выводы

Под «латентным субъектом» понимается лицо, спланировавшее преступление с применением ИКТ, установившее связь с исполнителем преступления и реализовавшее преступный замысел, не расшифровывая свою личность и не принимая непосредственного участия в исполнении преступного умысла, но при этом извлекающее выгоду из данных действий посредством реализации корыстного умысла.

Несмотря на то, что лицо использует все возможные способы для своей конфиденциальности, нами по крупицам собрана информация, позволяющая выделить ряд присущих личности преступника характеристик. При наступлении определенных обстоятельств данное лицо может проявиться в будущем. Соответственно, расширится наше представление о «латентном субъекте». На наш взгляд, обстоятельством, способствующим этому, будет деанонимизация информационного пространства, возможность идентификации пользователей сети Интернет. Любой индивид при подготовке к преступной деятельности в сфере ИКТ оставляет определенные цифровые следы (например, сбор персональных данных жертв), при изучении которых можно получить криминологически значимую информацию. В процессе ее анализа становится возможным установить злоумышленника и предотвратить планируемое преступление.

Изучение личности преступника, совершающего преступления в сфере ИКТ, выступает одним из основных условий эффективности противодействия такому роду преступности, поскольку позволяет формировать направления уголовной политики в исследуемой сфере. Введение нового криминологического понятия «латентный субъект» акцентирует внимание на данной проблематике, будет содействовать сбору и анализу информации о таких лицах. Это способствует, на наш взгляд, более эффективному выявлению и раскрытию преступных деяний, принятию своевременных мер упреждающего реагирования в рамках предупреждения преступлений в сфере ИКТ.

Список источников

1. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 366 с.
2. Маслакова Е. А. Лица, совершающие преступления в сфере информационных технологий: криминологическая характеристика // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1 (31). С. 114–121.
3. Нестерова Н. В., Безенков Д. А. Образ успешной личности в массовом сознании россиян: опыт социологического исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2005. № 7 (47). С. 144–145.
4. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992. 432 с.
5. Ищук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология. М.: Академия управления МВД РФ, 2021. 244 с.
6. Малышкин П. В. Способы сокрытия преступлений, совершаемых с применением информационных компьютерных технологий // Вестник Московского государственного университета. 2014. № 4. С. 42–47.

Информация об авторе

Е. Н. Рязанова — сотрудник штаба ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области; 191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., д. 50–52; адъюнкт кафедры криминологии СПбУ МВД России; 198206, Санкт-Петербург, Летчика Пилутова ул., д. 1.

Information about the author

E. N. Ryazanova — Employee of the Headquarters of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region; 50-52 Suvorovskiy Ave., St. Petersburg 191015, Russia; Adjunct of the Department of Criminology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 1 Letchika Pilyutova str., St. Petersburg 198206, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; одобрена после рецензирования 08.09.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 10.08.2022; approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья

УДК 342

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-383-390

Реформирование государственного механизма Советского государства в 1985–1991 гг.: экономический, социальный и правовой аспекты

Иван Дмитриевич Чангли

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,

Санкт-Петербург, Россия, i_changli@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены главные правовые, экономические и иные предпосылки, детерминировавшие реформу государственно-правовой и экономической систем СССР во второй половине 80-х гг. XX в. Кроме того, в статье изложены основные итоги реформ, выразившиеся в постепенной утрате общесоюзными органами государственной власти суверенитета на территории СССР, а также в постепенном переходе от административно-командной экономической системы к рыночной экономике.

Ключевые слова: советская государственно-правовая система, перестройка, реформа, Конституция, суверенитет, идеология, экономика, собственность

Для цитирования: Чангли И. Д. Реформирование государственного механизма Советского государства в 1985–1991 гг.: экономический, социальный и правовой аспекты // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 383–390. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-383-390>

Original article

Reforming the state mechanism of the Soviet State in 1985-1991: Economic, social and legal aspects

Ivan D. Changli

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg,

Russia, i_changli@mail.ru

Abstract. The article considers the main legal, economic and other prerequisites that determined the reform of the state-legal and economic systems of the USSR in the second half of the 80s of the XX century. The article also outlines the main results of the reforms, expressed in the gradual loss of sovereignty by the all-Union state authorities on the territory of the USSR, as well as in a gradual transition from an administrative-command economic system to a market economy.

Keywords: soviet state-legal system, perestroika, reform, constitution, sovereignty, ideology, economy, property

For citation: Changli I. D. Reforming the state mechanism of the Soviet State in 1985–1991: Economic, social and legal aspects. *Sociology and Law*. 2022;14(3):383-390. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-383-390>

Введение

Семидесятилетнее существование Советского Союза — колоссальный политический, экономический, социальный феномен, оказавший огромное влияние на все стороны политической картины мира. Население СССР, третьего по численности населения государства на Земле, по состоянию на 1989 г. составляло около 287 миллионов человек.

Во второй половине 80-х гг. XX века в советском обществе наблюдался стойкий запрос на перемены, в том числе и в сферах экономики, государственного управления и правового регулирования общественных отношений. Общее состояние экономики было стимулом к реформированию государственно-правовой системы Советского государства, его экономики, что нашло отражение в проекте Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, вошедшего в историю под названием «Перестройка».

Объявленные М. С. Горбачевым масштабные политические и экономические преобразования не имели положительного эффекта. В результате произошел распад СССР на 15 независимых государств. Литература, описывающая данные события, а также содержащая анализ политических, экономических и правовых причин распада государства, обширна. Стоит выделить труды Н. В. Елисейевой, А. И. Вдовина, С. Г. Кара-Мурзы, И. Б. Орлова, В. В. Кожина, И. Я. Фроянова и многих других.

Вместе с тем в настоящее время вопрос о причинах распада крупнейшего государства в мире по-прежнему остается актуальным. В статье нами дан краткий обзор событий, связанных с реформированием Советского государства, проанализированы экономические, политические и правовые факторы, ставшие детерминантами распада государственной власти в СССР и утраты им государственного суверенитета, распространившегося на территорию страны в целом.

Материалы и методы

Ход исследования представлен в виде анализа нормативно-правовых актов, имевших регуляторное значение в рамках исследуемой темы, анализа печатных и электронных научных источников, фиксации событий, описываемых в конкретный исторический период, с 1985 по 1991 г. Выводы исследования построены на основе ранее проведенного анализа. В процессе исследования нами применены методы анализа, синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному, а также системного, конкретно-исторического и формально-юридического методов.

Результаты и обсуждение

А. И. Вдовин выделял три этапа процесса перестройки:

- 1) первый этап — с 1985 по 1987 г. — отличается безуспешной попыткой ускорения социально-экономического развития страны;
- 2) второй этап — с 1987 по 1989 г. — характеризуется открытием окон возможностей для «частного предпринимательства», усугубляющимся расколом общества, в том числе обострением межнациональных конфликтов;
- 3) третий этап — с 1989 по 1991 г. — становится этапом перехода к рыночной экономике и обвальному распаду государства [1, с. 682].

С приведенной А. И. Вдовиным периодизацией перестройки можно согласиться. Однако стоит отметить, что демонтаж советской политической и государственно-правовой систем, на наш взгляд, начнется именно с 1988 г., с принятием Закона СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР».

В 1987 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором с докладом «О перестройке и кадровой политике партии» выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. В докладе констатирован тот факт, что итоги двух лет перестройки не принесли ощутимых результатов, а неэффективность проводимых мероприятий объяснялась наличием в советской социально-экономической системе «механизма торможения». Пленум поставил вопрос о необходимости масштабной экономической реформы, идеология которой получила название «Новое экономическое мышление». Начались дискуссии по теоретическому обоснованию этого термина. Когда основные положения экономической реформы были сформулированы, М. С. Горбачев объявил официально о ее старте. Верховным Советом СССР издано постановление от 30 июня 1987 г. № 7283-XI «О перестройке управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны», в котором изложены основные цели реформы:

- преодоление противоречий между сложившейся системой руководства экономикой и уровнем развития производительных сил;
- практическая реализация выработанного XXVII съездом партии, январским и июньским (1987) Пленумами ЦК КПСС стратегического курса на ускорение социально-экономического развития страны, полное использование возможностей социализма в интересах дальнейшего подъема народного благосостояния [2].

С целью внесения изменений в регуляторную политику государства в сфере экономики и урегулирования изменяющихся общественных отношений за короткий срок принят целый ряд нормативно-правовых актов — законов и постановлений. Среди них:

- Закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7284-XI «О государственном предприятии (объединении);
- Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР»;
- постановление Совета Министров СССР от 13 января 1987 г. № 49 «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран».

Всего с января 1987 г. по декабрь 1991 г. принято 20 законов и постановлений Совета Министров и Верховного Совета СССР и РСФСР о приватизации государственных предприятий. Если в конце 1987 г. дефицит государственного бюджета составлял 52 млрд рублей, в 1988 г. он уже превысил 80 млрд рублей. К 1990 г. прослеживался стойкий экономический кризис, вызванный резким внедрением в плановую экономику институтов рыночной экономики. 30 августа 1990 г. провозглашен план реформ «500 дней» (его авторами стали С. Шаталин и Г. Явлинский), который предусматривал ускоренный процесс полного перехода от плановой экономики к рыночной путем введения свободного ценообразования, приватизации государственного имущества, децентрализации управления экономикой и развития частного бизнеса. Однако в качестве государственной программы этот план реформ так и не принят.

1 декабря 1988 г. принят Закон СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР», запустивший процесс реформирования государственного управления [3]. В проекте перестройки для перехода к рыночной экономической системе не было выработанной программы модернизации производства, реорганизации системы управления, прогноза дальнейшей реформы политической системы, отсутствовала идеология реформ как таковая. Председатель Правительства Н. И. Рыжков на заседании Верховного Совета СССР 19 декабря 1990 г. вынужден был констатировать: «...перестройка в том виде, в каком она замышлялась, не удалась. Сегодняшний кризис экономики порожден не обо-

стрением внутренних противоречий в производственной сфере, а очевидным кризисом в области политики, идеологии и управления» [4, с. 10].

В СССР в годы реформ второй половины 80-х гг. XX в. галопирующими темпами начала возрастать проблема сепаратизма. Она объясняется различными причинами, в частности политикой М. С. Горбачева в отношении назревших в действительности национальных проблем в союзных республиках. Вялая политика федерального центра привела к полному пренебрежению правовыми нормами действующего союзного законодательства, в том числе к полному игнорированию порядка соблюдения законодательства о выходе союзных республик из состава СССР, о чем свидетельствует процесс, получивший название «Парад суверенитетов». В рамках данного процесса высшие органы государственной власти союзных республик в лице республиканских верховных советов принимали один за одним акты, декларации, постановления и законы, объявлявшие о независимости соответствующей республики от СССР. При этом данные акты принимали либо в условиях отсутствия общесоюзного законодательного акта, регулирующего порядок выхода союзной республики из состава СССР (Литва), либо с нарушением порядка выхода союзной республики из состава СССР, установленного рамочными нормами Закона СССР от 26 апреля 1990 г. № 1457-1 «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации». Зачастую политическая элита союзных республик, а также лица, откровенно враждебно настроенные по отношению к государственной власти, разыгрывали карту национальных и религиозных противоречий (нередко — мнимых), а также социально-бытовых и духовно-нравственных. Это впоследствии перешло в открытое притеснение русского населения, жившего на территории союзных республик. Русских выставляли источником всех бед. Дружба народов, которая помогала вместе преодолевать самые большие трудности, помогла победить в Великой Отечественной войне, начала стремительно рушиться. Президент России В. В. Путин спустя годы справедливо отмечал, что распад СССР является не только крупнейшей геополитической катастрофой XX в., но и распадом исторической России, утратой государством всего того, что нарабатывалось в течение тысячи лет [5].

В итоге элита союзных республик провозгласила верховенство законодательства союзных республик над законами Союза. В 1988–1989 гг. декларации о суверенитете приняли прибалтийские республики: Эстония, Латвия, Литва. В 1990 г. верховные советы указанных республик принимают декларации о выходе из состава СССР: Литва — 11 марта, Латвия — 4 мая, Эстония — 8 мая. Реакцией на объявление Литвой выхода из состава СССР путем принятия Акта восстановления государственности Литвы стало признание незаконным данного акта III Съездом народных депутатов СССР. В мае 1990 г. Президент СССР объявил недействительными акты о выходе из состава СССР Латвии и Эстонии: изданы указы от 14 мая 1990 г. № 163 («О Декларации Верховного Совета Латвийской ССР “О восстановлении независимости Латвийской Республики”») и от 14 мая 1990 г. № 164 («О признании недействительным Постановления Верховного Совета Эстонской ССР “О государственном статусе Эстонии”»). Как пишет кандидат исторических наук Н. В. Елисева, «принятие Президентом СССР и иными органами государственной власти актов о признании независимости прибалтийских республик не смогло стать инструментом преодоления правового нигилизма в этих республиках, и тем самым реальных действий по защите Основного Закона СССР предпринято не было» [6, с. 389].

Далее последовало издание ряда законов, которые окончательно способствовали потере единства публичной власти, распаду режима законности и общесоюзного суверенитета. Прежде всего речь идет о принятом 3 апреля 1990 г.

Законе СССР № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом Союзной республики из СССР».

26 апреля 1990 г. Верховный Совет СССР принимает закон, согласно которому к положению союзных республик приравнивался статус автономных республик [7]. Этому всячески способствовал Б. Н. Ельцин, предлагавший республикам столько суверенитета, сколько они пожелают. В тексте закона автономным республикам дано определение как советским социалистическим государствам, хотя формально и являющимся субъектами Федерации, но входящим в состав союзных республик на основе принципа свободного самоопределения народов. Автономным республикам и образованиям предоставлено право на равных урегулировать с союзными республиками вопросы сотрудничества путем заключения двусторонних и многосторонних соглашений. Данное обстоятельство, свидетельствующее об обретении автономными республиками и образованиями большей самостоятельности, стало причиной дальнейшего роста сепаратистских настроений уже на уровне автономных республик и образований, о чем говорит следующий факт. В июле-ноябре 1990 г. декларации о государственном суверенитете приняты в большинстве (!) республик, входящих в состав РСФСР, а Адыгейская, Горно-Алтайская Карачаево-Черкесская и Хакасская автономные области заявили о преобразовании республики [6, с. 379].

12 июня 1990 г. Декларацию о государственном суверенитете принял Верховный Совет РСФСР. Наконец, 24 октября 1990 г. принят Закон РСФСР № 263-1 «О действии актов Союза ССР на территории РСФСР», который устанавливал наказание для граждан и должностных лиц, исполняющих союзные законы, не ратифицированные РСФСР. Тем самым создан удивительный прецедент, в соответствии с которым правонарушением объявлено соблюдение законов.

Необходимо учитывать особенности федерального государственного устройства Советского Союза. В Советском государстве было несколько видов субъектов Федерации: союзные республики, автономные республики, автономные области, национальные округа. В 1987 г. В СССР насчитывалось 53 национально-государственных образований: 15 союзных республик, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов [8]. Ввиду ст. 76 Конституции СССР 1977 г. закреплено признание суверенитета республик, входящих в состав СССР, что послужило формальным основанием их выхода из Союза.

Советский Союз по своему территориально-государственному устройству принадлежал к числу федеративных государств, основные составные части которого, союзные республики, имели определенную долю самостоятельности, ограниченной предметами ведения СССР как федерального центра. Процесс объявления союзными республиками суверенитета не означал объявление выхода из состава СССР. Ни одна из союзных республик не осуществила выход из СССР в установленном для этого союзным законодательством порядке.

Границы раскола в 1991 г. прошли именно по границам, заложенным на этапе государственного строительства, взявшего начало в РСФСР в 1917 г. и продолжившегося с образованием СССР. Этот факт объясняется тем, что с образованием Советского государства упразднена веками складывавшаяся унитарная система государственно-территориального устройства Российской империи и провозглашена новая, федеративная система, строившаяся по национально-территориальному признаку. Федеративное государственно-территориальное устройство РСФСР, а затем СССР, строившееся по национально-территориальному признаку, детерминировано марксистско-ленинской идеологией, провозглашавшей в качестве одного из базовых постулатов свободу самоопределения народов. Однако принципы данной системы в период обострения национальных, религиозных и иных противоречий в 1985–1991 гг. сыграли негативную роль в процессе распада государства.

Стоит отметить, что федеративное государственно-территориальное устройство является одним из столпов конституционного строя РФ. В связи с этим вопрос о защите единства государства не теряет актуальности. Данный факт подтверждается не только примером распада СССР, но и примерами сепаратизма уже в постсоветской России, которые наиболее остро проявили себя на территории Чеченской Республики, Республики Татарстан, а также при попытке создания на территории Свердловской области государственно-территориального образования «Уральская Республика».

Для России особенно болезненным в социально-политическом плане был выход из состава СССР Украины и Белоруссии. Столетиями эти государства были частью Российской империи, а в дальнейшем — Советского Союза. Русские, украинцы, белорусы представляют собой практически единый этнос с общей историей, культурой, менталитетом. Этот разрыв оказался трагичным и для миллионов русских, оставшихся на территории Украины.

С распадом Союза ССР в значительной степени прервались технологические связи между бывшими республиками. Огромное количество научных учреждений, производственных предприятий, существовавших ранее на территории СССР, оказалось за пределами РФ. Этой громадный научно-производственный потенциал с большим трудом пришлось восстанавливать уже в России. Например, кандидат экономических наук И. М. Чангли характеризует состояние отрасли электронной промышленности к началу 1993 г. следующим образом: «За пределами России оказалось 40 % мощностей по производству изделий электронной техники, по ряду групп изделий, материалов и оборудования для их производства потери России составили 100 %. Уменьшилась численность работающих в отрасли на 105 тыс. человек, в том числе в науке на 25 тыс. человек» [9].

Комплексный анализ потерь для отечественной экономики с 1991 г. приводит доктор технических наук, академик Российской академии космонавтики имени К. Э. Циолковского, депутат Государственной Думы РФ в 2004–2007 гг. Ю. П. Савельев. К примеру, в СССР по состоянию на 1987 г. производилось 1 164 тыс. шт. легковых автомобилей, в 1995 г. — 835 тыс. шт.; по состоянию на 1987 г. в СССР производилось 730,2 тыс. шт. грузовых автомобилей, в 1995 г. — 142 тыс. шт. [10, с. 44]. К 2000 г. по отношению к 1985 г. общий объем в области станкостроения сократился на 89 %, в тракторостроении — на 93 %, в сфере производства цельномолочной продукции — на 65 %, молока — на 33 %, хлеба — на 53 % и т. д. [10, с. 249–250].

Безусловно, распад СССР негативно сказался и на экономиках стран — бывших союзных республик, а также на их демографии. К примеру, за 23 года, к 2014 г., Литва, Латвия и Эстония потеряли 20 % населения, то есть 1,5 миллиона человек [11, с. 1]. Исследователь А. Носович пишет: «По итогам двух десятилетий независимости Литва потеряла миллион жителей — было 3,7 миллионов населения, стало — 2,7 миллионов — минус 27 % населения. Численность населения Латвии недавно “преодолела психологически важную отметку”: в 2014 году Центральное статистическое управление признало, что жителей страны уже меньше 2 миллионов человек. На момент провозглашения независимости в Латвии жили 2,7 миллионов человек, значит, поражение в численности составило 26 % населения. Не так драматически, но тоже сократилось население Эстонии: было полтора миллиона жителей, стало 1,3 миллиона — то есть страна потеряла 13 %» [11, с. 4].

Распад СССР и падение коммунистических режимов в Восточной Европе привели к существенным изменениям геополитической картины мира, в том числе и к изменению геополитического положения РФ в Европе. Часть государств Восточной Европы, бывших союзных республик, попав под влияние коллективного Запада, постепенно заняли враждебную позицию по отношению к России. Часть

этих государств вступили в военный блок НАТО, и тем самым НАТО вплотную приблизилось к границам РФ. Это в значительной степени потребовало усиления и развития Вооруженных сил РФ, укрепления охраны границ и т. д. США стали в тот период самым экономически развитым государством, заняв позицию во главе однополярного мира.

Беловежское соглашение было последним актом существования СССР. 8 декабря 1991 г. президенты Б.Н. Ельцин (РСФСР), Л. М. Кравчук (УССР) и С. С. Шушкевич (БССР), тайно собравшись в Беловежской Пуще, подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), ставшего, в сущности, соглашением о ликвидации СССР как субъекта международного права. Документы этого соглашения были подготовлены Б. Н. Ельциным, Г. Э. Бурбулисом, А. В. Козыревым, Е. Т. Гайдаром и С. М. Шахраем.

8 декабря 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял постановление о денонсации Договора от 30 декабря 1922 г. об образовании СССР. Принято решение и о ратификации Соглашения о создании СНГ. В его состав вошли одиннадцать государств — бывших республик Советского Союза [12]. 25 декабря 1991 г. Верховный Совет РСФСР утвердил новое название республики — Российская Федерация.

Выводы

Рассматриваемый период государственного реформирования (с 1988 по 1991 г.) стал периодом скатывания от реформ к неконтролируемому падению, кризису государственного управления, правовой системы и политического режима. Эти процессы стоили кому-то обнищания, кому-то жизни, кому-то потери смысла жизни, а кому-то, напротив, сказочного обогащения на неправовых основах. Период государственного и политического реформирования СССР (с 1988 по 1991 г.) со всей очевидностью свидетельствует о недопустимости поспешных действий и отсутствия плана реформ как таковых. Конечным итогом проводимых реформ стало перераспределение собственности СССР в пользу узкой группы лиц.

Последний реформаторский проект советской власти под названием «Перестройка» создал условия для приватизации. Она предопределила ход дальнейшего развития уже независимой РФ на годы вперед.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что причинами неудач проводимых реформ стали:

- отсутствие четкого плана экономической реформы с четким описанием желаемого результата, критериев оценок эффективности проводимых реформ, описанием этапов реформы;
- неспособность федеральных органов государственной власти и первых лиц государства найти пути преодоления назревших проблем политического и правового характера, прежде всего сепаратизма и правового нигилизма. Попытки преодолеть политический кризис 1989–1991 гг. правовыми методами не имел успеха.

Распад СССР тем самым стал результатом действия синергетического эффекта нескольких взаимосвязанных факторов. Проведенное исследование на основе статистических данных позволяет заключить, что распад СССР стал в целом причиной существенного падения темпов экономического роста уже в постсоветской России. Одна из причин сложившейся ситуации — разрыв единого экономического пространства на территории СССР, нарушение единых производственно-технического цепочек, элементы которых были расположены в разных союзных республиках.

В истории России случился очередной драматический этап, открывший новые горизонты, которые до настоящего момента не обрели ясные очертания. Вместе с тем

перед РФ по-прежнему стоит целый комплекс проблем, целей и задач, разрешение и достижение которых видится возможным, в том числе, и при помощи применения позитивного опыта существования советской государственно-правовой системы.

Список источников

1. *Вдовин А. И.* СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М.: РГ-Пресс, 2019. 767 с.
2. О перестройке управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны: постановление Верховного Совета СССР от 30 июня 1987 г. № 7283-XI // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_14083.htm (дата обращения: 15.05.2022).
3. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР: закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/185466/> (дата обращения: 15.05.2022).
4. *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. М.: Ассоциация «Книга.Просвещение. Милосердие», 1995. 576 с.
5. Путин назвал распад СССР трагедией и «распадом исторической России» // РБК. 2021. 12 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/12/2021/61b5e7b79a7947689a33f5fe> (дата обращения: 16.07.2022).
6. *Елисеева Н. В.* История Перестройки в СССР, 1985–1991 гг.: учеб. пособие. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2017. 550 с.
7. О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации: закон СССР от 26 апреля 1990 г. № 1457-I // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/6335703/> (дата обращения: 18.05.2022).
8. *Тадевосян Э. В.* Октябрь и развитие советского национально-государственного устройства // Советское государство и право. 1987. № 11. С. 29.
9. *Чангли И. М.* Отраслевая наука и жизнь // Петербургский журнал электроники. 1993. № 2 (2). С. 3–7.
10. *Савельев Ю. П.* Реальная экономика советской и современной России (цифры против мифов): к 25-летию антисоветского переворота в России. СПб., 2015. 346 с.
11. *Носович А. А.* История упадка. Почему у Прибалтики не получилось. М.: Алгоритм, 2015. 430 с.
12. О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств: постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2015-I // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/10164306/> (дата обращения: 23.05.2022).

Информация об авторе

И. Д. Чангли — аспирант, направление подготовки 40.06.01 Юриспруденция; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

I. D. Changli — postgraduate student, direction of training 40.06.01 Jurisprudence; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 08.09.2022; принята к публикации 22.09.2022.

The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, адрес электронной почты и ORCID id автора (при наличии); ученая степень, ученое звание, должность, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежутки страниц приводятся через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author’s full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), e-mail, ORCID id, degree, academic rank, position and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author’s sheet (1 author’s sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indention — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn’t be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.